

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

Ильина Ольга Викторовна
**КАНАДА В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ЭВОЛЮЦИЯ
СТАТУСА ДОМИНИОНА (1914-1923 гг.)**

5.6.2. – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор, **Грудзинский В.В.**

Челябинск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ	24
1.1. Канада и Британская империя накануне Первой мировой войны	24
1.2. Общественно-политические настроения в Канаде и назревание кризиса имперских отношений (1914-1916 гг.)	53
1.3. Изменения в статусе доминиона: от Имперского военного кабинета к Парижской мирной конференции (1917-1919 гг.)	87
ГЛАВА 2. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	136
2.1. Англо-канадские отношения в 1919-1921 гг.	136
2.2. Упадок «имперского единства»: Чанакский кризис и канадо- американское соглашение о ловле палтуса	168
2.3. Имперская конференция 1923 г.	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	233

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX в. – период, где берут свои истоки многие поворотные события всемирной истории, смысл и значение которых до сих пор вызывает острые дискуссии среди учёных разных стран. Главным среди них, безусловно, была Первая мировая война, органически связанная с такими феноменами, как империализм и национализм. Развернувшаяся в 1914-1918 гг. борьба за мировое господство резко увеличила скорость социально-экономических и политических процессов. Став, в том числе настоящим испытанием для имперской модели государственного устройства.

Австро-Венгерская, Германская, Османская и Российская империи не выдержали выпавших на их долю трудностей и прекратили своё существование. Не удалось избежать серьёзных проблем и Британской империи. Примечательно, что этому способствовало, пожалуй, не столько освободительное движение в азиатских странах, сколько рост национальных настроений в самоуправляющихся частях империи, которые выходили на рубеж, близкий к полной самостоятельности. Среди них была и Канада – наиболее передовая из автономий, идеологическая обстановка в которой ранее не вызывала у метрополии опасений.

Отсюда встаёт ряд вопросов. Какие из уже существовавших тенденций в отношениях между Канадой и метрополией обострила Первая мировая война? Почему автономия, теснейшим образом связанная с Великобританией, поставила под вопрос безоговорочное следование её политическому руководству? Под действием чего Канада вырабатывала новые ориентиры в период поэтапного обретения внешнеполитической самостоятельности? Пыталась ли метрополия переломить данную ситуацию, сохранив единство имперской организации? Ответы на них позволяют глубже изучить процесс эволюции отношений между метрополией и автономиями, который важен для понимания трансформации империи в Содружество.

Долгое время в отечественной исторической литературе Канада находилась в тени Великобритании и изучалась преимущественно в рамках империи и

Содружества наций. Но обращение именно к ее опыту открывает широкие исследовательские перспективы. Общественно-политическая мысль Канады к рассматриваемому периоду обрела заметную самостоятельность благодаря наиболее высокому, по сравнению с другими доминионами, уровню самоуправления, своеобразию социокультурной и геополитической ситуации. Всё это способствовало формированию гражданской нации и внутривластной повестки на основе региональной специфики.

Следование собственным приоритетам при определении задач внутренней политики и выстраивании отношений с Соединённым королевством заслуживает особого внимания. Хотя Канада отличалась сложным этноконфессиональным составом населения, её путь от ограниченной политической ответственности к фактической независимости протекал исключительно в конституционно-правовых рамках. Закономерно встаёт вопрос: как повлияли различные взгляды и идеи, распространённые в канадском обществе, на её государственное развитие, отношения с Великобританией и империей в целом.

Объектом исследования диссертации является процесс политического самоопределения Канады.

Предмет исследования составляет проблема эволюции статуса доминиона в контексте канадо-английских отношений.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1914 по 1923 гг. Выбор нижней границы обусловлен началом Первой мировой войны, явившейся мощным катализатором развития канадского национального самосознания. Верхняя граница рассматриваемого периода связана с Имперской конференцией 1923 г., которая, с одной стороны, положила конец попыткам примирить быстро меняющиеся взаимоотношения доминионов и метрополии, с сохранением империи как единой державы, а с другой – стала поворотным моментом на пути превращения Канады из доминиона в независимое государство.

Цель работы – состоит в том, чтобы раскрыть алгоритм трансформации политико-правового статуса Канады на одном из важнейших этапов её национального самоопределения.

Исходя из поставленной цели, были определены следующие **задачи**:

1) Выявить итоги и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития доминиона Канада в начале XX в.

2) Показать влияние Первой мировой войны на общественные настроения в Канаде, состояние национальной и имперской политики.

3) Исследовать факторы изменения динамики и характера имперских отношений в ходе Первой мировой войны.

4) Охарактеризовать роль Канады в процессе послевоенного мирного урегулирования и его влияние на политико-правовое положение автономии.

5) Проследить развитие представлений об эволюции статуса доминиона среди канадских политических элит.

6) Вскрыть причины ускорения роста самостоятельности Канады в послевоенный период

7) Проанализировать изменения во взглядах Лондона и Оттавы на взаимодействие между членами Содружества в первой половине 1920-х гг.

Тезисы, выносимые на защиту:

1) В начале XX в. экономика Канады переживала стадию подъема, обусловившую существенный прирост населения, в том числе за счет трудовой иммиграции. Стремление сохранить темпы хозяйственного роста и направить этнически разнородное общество по пути формирования нации активизировало политические дискуссии. Тема перспектив англо-канадских отношений и статуса доминиона в рамках империи, обсуждавшаяся с последней четверти XIX в., занимала в них одно из центральных мест. Среди широкого спектра мнений главными конкурентами выступали национал-империалисты – приверженцы интенсивного сотрудничества и сохранения тесных связей с метрополией, и национал-автономисты – сторонники планомерной автономизации.

2) Первая мировая война обострила трудности внутриимперского взаимодействия, вызванные невниманием Великобритании к росту самостоятельности автономий. Канада столкнулась с негативными последствиями войны во всей полноте: несмотря на существенный вклад, она не имела никакого

влияния на её ход. Это привело к тому, что национал-автономисты начали сомневаться в целесообразности участия доминиона в войне, а национал-империалисты решительно выступили за пересмотр принципов имперского взаимодействия на основе партнёрства. Уступкой со стороны метрополии, остро нуждавшейся в получении помощи от доминионов, стало создание консультативно-совещательного органа – Имперского военного кабинета (ИВК), а также проведение в 1917-1918 гг. конференций, положивших начало оформлению Содружества наций.

3) Первая мировая война ускорила процесс формирования национального самосознания канадцев. Столкнувшись с беспрецедентными трудностями, им пришлось оперативно искать ответы на крайне сложные вопросы, и в первую очередь – выстраивать круг собственных политических приоритетов, закономерно не совпадавших с декларируемыми метрополией как общеимперские. По мнению канадского руководства, приняв на себя новые обязательства, автономия заслуживала иного отношения – как к союзной нации, а существенный вклад в победу Антанты укреплял её в правомерности требований повышения своего международного статуса. Результатом перемен в общественных настроениях стало усиление позиций национал-автономизма, а главным практическим выражением – представительство на Парижской и Вашингтонской конференциях.

4) Участие в формировании Версальско-Вашингтонской системы в сочетании с сохранением нерешённых проблем в англо-канадских отношениях стало причиной изменения представлений политических элит о статусе доминиона. И если национал-империалисты считали его текущее состояние удовлетворительным и требующим только закрепления достигнутых результатов, то национал-автономисты полагали необходимым расширение внешнеполитической самостоятельности страны соразмерно её внутренней свободе. Решающим фактором при утверждении новых взглядов стал рост национального патриотизма. В связи с ним идея континентального союза с США окончательно утратила свою популярность, а проекты имперской федерации

оценивались скептически, что и обусловило лидирующее положение национал-автономизма.

5) Активизация деятельности канадских властей по расширению автономии доминиона обуславливалась рядом причин. В первую очередь, незаинтересованностью Великобритании в формировании коллективной внешней политики, учитывающей геополитическую специфику доминионов. При этом к началу 1920-х гг. Канада достигла того уровня развития, при котором её дальнейшие перспективы, прежде всего экономические, были тесно связаны с внешнеполитической сферой. Большую роль также сыграли общественные настроения: демократизация политики повысила роль избирателей, внимание которых к теме развития статуса доминиона возросло после успешных прецедентов на Парижской и Вашингтонской конференциях.

б) Окончательное расхождение во взглядах британского и канадского руководства на перспективы имперской трансформации произошло к 1923 г. Метрополия по-прежнему видела своей целью поддержание максимальной сплочённости, обещая автономиям развивать систему консультаций. Однако, в представлении премьер-министра Канады У.Л. Макензи Кинга – лидера либеральной партии, наиболее адекватно выражавшей идеи национал-автономизма – его страна значительно продвинулась по пути обретения суверенитета и поэтому должна была приобрести право на самостоятельность действий в области международных отношений. Коллективная внешняя политика бесповоротно утратила привлекательность для доминиона, сделавшего выбор в пользу независимости по определенному кругу вопросов, приоритетных для его национальных интересов.

Методологической основой диссертации стала концепция построения нарратива на основе интерпретации политического контента. Она была разработана представителями кембриджской школы истории понятий К. Скиннером и Дж. Пококом¹. Объектами её внимания являются текстовые источники, фиксирующие высказывания по политическим вопросам, и контекст –

полеми́ческая языковая ситуация, обусловленная принятым на тот момент значением понятий².

По мнению её авторов, текст исторического источника и идеологическая обстановка взаимообусловлены, так как политическое высказывание обретает смысл только в рамках дискуссии. Помещая суждение в обстоятельства времени, исследователь получает возможность выявить замысел автора и его оригинальную составляющую, минимизируя возможность некорректной интерпретации. В результате эволюция статуса доминиона рассматривается через рефлексию совокупности посвященных ей политических дискуссий и контекста, а также посредством установления смысла, вкладываемого в понятие «доминион» авторами высказываний. Выбранная методология позволяет раскрыть связь меняющихся границ самостоятельности Канады, её отношений с метрополией и соответствующего понятийного аппарата эпохи с историческими процессами, протекавшими в Британской империи и мире в целом.

Существенное значение имело также обращение к теории национализма, в первую очередь – идеям, изложенным в сочинениях Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума³. В соответствии с ними, национализм – это разновидность политической идеологии, характерной для государств, достигших определённого уровня социально-экономического развития в индустриальный период. Нация, в свою очередь, является политическим сообществом, в рамках которого культурное единство становится основой устойчивых и протяжённых социальных связей. Благодаря этому власть имеет возможность эффективнее мобилизовывать граждан страны ради достижения целей, которые являются действительно значимыми для большинства из них или постулируются как таковые. При помощи исследований, комплексно рассматривающих теорию и практику национализма, представляется возможным выделить характерные для Канады особенности формирования гражданской нации.

Степень изученности проблемы. Отечественные учёные, публицисты и общественные деятели обратили внимание на Канаду в начале XIX века. Первоначально материалы о ней носили характер статистико-географических

описаний или романтических рассуждений под впечатлением от северной природы, являлись авторизованными переводами. Доминион живописался в них как образчик аграрного региона, живущего в мире и достатке благодаря ориентации на традиции и сохранение монархии. Представляет историографический интерес тот факт, что практика сравнительного противопоставления США и Канады, а также проведение параллелей с Сибирью в попытке осуществить успешные заимствования, были заложены уже в этот начальный период⁴.

В конце XIX – начале XX вв. внимание к североамериканской автономии постепенно возросло, а его результаты выражались в более академических формах. В первую очередь, интерес вызвали быстрые экономические успехи и сопутствовавшая им социальная политика, закономерным следствием чего стало обращение к вопросам государственного устройства доминиона⁵. Ключевым сочинением этого историографического этапа по праву считается труд С.А. Корфа «Автономные колонии Великобритании»⁶. В монографии, которую открывал очерк о Канаде, предпринималась попытка сформулировать отличительные черты государственного устройства Британской империи, специфику самоуправления в доминионах и их отношений с метрополией. По мнению автора, колониальная конференция 1907 г. придавала импульс эволюции статуса автономий и знаменовала собой новый этап развития системы управления империей. Результатом этого должен был стать скорый переход к своеобразному союзному объединению через признание полной суверенной государственности доминионов.

После Первой мировой войны, революции и гражданской войны в России Канада на длительное время вышла из фокуса внимания отечественных исследователей, уделявших первостепенное внимание социально-классовым проблемам и политике великих держав. Возвращение Канады в поле зрения советских учёных произошло с началом Второй мировой войны, в которой она сражалась в составе антигитлеровской коалиции. Появился ряд работ обзорного характера, призванных оперативно повысить информированность о странах-

союзницах⁷. Хотя их содержание было ограничено строгими идеологическими установками того времени, круг вопросов канадской истории постепенно расширялся.

Начало серьёзным переменам положила работа А.Г. Милейковского «Канада и англо-американские противоречия»⁸. Её можно охарактеризовать как переходную: в центре внимания оставались США и Великобритания, а доминион скорее выступал объектом приложения их политики, только некоторые аспекты развития которого получили освещение. Тем не менее, Канада вновь вернулась в заголовки научных изданий.

Качественные изменения наметились с конца 1960-х годов. За время, прошедшее с окончания Второй мировой войны, Канада стала одним из мировых лидеров по уровню экономического развития и реализации современного социального законодательства. Организация института Всеобщей истории и института США и Канады АН СССР в условиях наступления «разрядки» международных отношений создала возможность для плодотворной деятельности историков-американистов. Несмотря на сохранение непреложных идеологических установок, заметно расширилась тематика и круг привлекаемых источников. Среди тех, чьи труды способствовали становлению канадоведения как отдельного направления следует выделить С.Ю. Данилова, В.А. Коленко, Л.В. Кошелева, Л.В. Поздееву, О.С. Сороко-Цюпа, В.А. Тишкова, А.И. Черкасова⁹. Хотя большинство работ того времени имело преимущественно нарративный характер и было призвано составить у русскоязычных читателей представление об основных вехах и личностях канадской истории, они сформировали историографическую основу для последующих, более проблемных исследований.

В этот период тема эволюции статуса доминиона в первой четверти XX в. не стала поводом для специальных научных публикаций. Наибольшее внимание ей было уделено в коллективном труде института Всеобщей истории «Канада 1918 – 1945» под редакцией Л.В. Поздеевой¹⁰. В центре внимания историков оказались последствия Первой мировой войны для Британской империи, место доминиона в Версальско-Вашингтонской системе, внутривластная идейно-политическая

борьба, развернувшаяся в Канаде в 1920-1940-е гг. Единственной работой, непосредственно относившейся к теме данного исследования, в советский период являлась кандидатская диссертация А.В. Сердюка¹¹. В ней автор пришел к выводу о сохранении в 1920-х гг. слабой фактической самостоятельности Канады, но при явной тенденции к её расширению как в формальных аспектах, так и на практике.

Принципиально новый этап в развитии отечественной историографии, наступивший в 1990-х гг., ознаменовался методическим плюрализмом и значительным расширением тематики исследований. Одной из первых работ в российском канадоведении, рассматривавшей эволюцию статуса доминиона, была кандидатская диссертация В.Е. Кукушкина «Канада и эволюция имперских отношений в конце XIX – начале XX в.», заложившая основу для дальнейшего научного поиска¹². Исследование и созданные в ходе работы над ним статьи позволяют составить представление о многообразии спектра политических идей, распространенных в канадском обществе начала XX в., дают основу для результативного анализа их дальнейшего развития. Исследование и созданные в ходе работы над ней статьи позволяют составить представление о многообразии спектра политических идей, распространенных в канадском обществе начала XX в., и дают основу для результативного анализа их дальнейшего развития¹³. Значительный вклад в исследование процесса передачи Великобританией властных полномочий доминионам в этот период внесла Л.А. Зимулина¹⁴.

За последние двадцать пять лет отечественные историки перешли от трудов обобщающего характера к работам по более узким дискуссионным вопросам¹⁵. При выборе темы диссертации особое значение имел тот факт, что на данный момент в российской историографии получили значительную проработку смежные области. В их числе политическая мысль и национализм в Канаде на рубеже XIX-XX вв., участие в Первой мировой войне и политическое развитие в межвоенный период, формирование внешнеполитической концепции и вхождение доминиона в сферу международных отношений. Отечественное канадоведение достигло значительных успехов в изучении перечисленных направлений, благодаря которым появился ряд диссертаций¹⁶, научных статей¹⁷ и монографий¹⁸.

Были выявлены характерные особенности федерализма в Британской империи и особенности положения доминионов в системе международных отношений в отдельные периоды, проанализирована динамика соотношения имперского и национального патриотизма, влияние роста последнего на снижение консолидации Содружества. Причём большинство событий политической истории Канады продолжает рассматриваться преимущественно как ответ на действия властей метрополии. Поэтому продолжают сохраняться нерешённые вопросы, связанные с идейно-политическими метаморфозами канадских политических элит и эволюцией массового сознания в русле формирования гражданской нации.

Проблема эволюции статуса доминиона в контексте англо-канадских отношений получила широкое освещение в англоязычной литературе, в первую очередь – в странах Содружества. Тем не менее, наполненность условных периодов историографии крайне неравномерна, так как этот длительный процесс всеобъемлющих преобразований занял практически всю первую половину XX в.

Еще до начала Первой мировой войны появились публицистические и научные работы, в которых рассматривались перспективы развития Канады в качестве молодого государства, получившего значительный политический опыт в статусе автономии Британской империи. Идеи о важности сохранения единства со страной-матерью уже не так безраздельно доминировали в обществе, как во второй половине XIX в., но сохраняли господствующее положение среди учёных и публицистов. Они считали доминион удачным примером развития английских политических институтов и традиций на новой почве. Большинство из них, в соответствии с тенденциями локальной историографии того времени, создавало нарративы, охватывавшие всю историю страны. Финансовая поддержка заинтересованных кругов позволила проимперски настроенным авторам отметиться во всех жанрах, посредством которых они могли повлиять на как можно более широкую аудиторию, включая литературу для путешественников и школьников¹⁹. Но также в это время появились первые авторы, относившиеся к либералам и франкоканадскими националистами, которые высказывали суждения о неизбежном росте самостоятельности Канады при сохранении текущих темпов

развития, используя для характеристики её перспектив термин «нация» в значении суверенное государство²⁰.

В межвоенный период в историографии возобладали национал-либеральные тенденции, поэтому даже сторонники имперского единства задумывались о необходимости в большей мере ориентироваться на национальные интересы. Исследователи либерального толка вновь задумались о перспективах развития конституционно-правового статуса доминиона и возможному росту его фактической самостоятельности²¹.

С появлением возможности в межвоенное время сосредоточиться на сугубо внутренних делах, представители канадских социально-гуманитарных наук попытались осмыслить произошедшие изменения, упорядочить и проанализировать их. Концентрации усилий в этом направлении также способствовало распространение в обществе идей гражданского национализма, обусловленное принятием Вестминстерского статута в 1931 г. На смену господствовавшей ранее идее имперского единства пришло внимание к региональным особенностям политического развития доминиона, специфике его уникального опыта, месту среди других членов Содружества.

По сей день сохраняет свою научную ценность труд «Развитие статуса доминиона 1900-1936 гг.» Р.М. Доусона, специализировавшегося на истории политических институтов Канады²². По его мнению, именно развитие парламентаризма в самоуправляющихся автономиях являлось решающим фактором для роста их самостоятельности, поэтому так важно отойти от англоцентризма и сфокусироваться на опыте региональных законодательных органов. А в обозначенном им хронологическом отрезке произошли события и сформировались предпосылки для того, чтобы столь скорый и мирный переход к Содружеству наций стал естественным, даже неизбежным. Методологический интерес представляет предложенная в работе периодизация этапов эволюции статуса доминиона – одна из первых академических попыток структурировать этот процесс. Также это издание примечательно обширным документальным

приложением, где каждый из выделенных периодов проиллюстрирован подборкой разных видов источников.

Если внимание Р.М. Доусона концентрировалась на институциональной стороне роста самостоятельности доминиона, то его современника А. Лоуэра интересовали сопутствовавшие общественные процессы²³. Придерживаясь национал-либеральных взглядов, он позиционировал свою книгу «От колонии к нации: История Канады» как источник «самопознания, которое поможет канадцам занять подобающее место в современном мире». В ней историк попытался ответить на остро стоявший в то время вопрос: какие шаги стоит предпринять, чтобы продолжить эффективно следовать по пути автономизации в качестве единой нации? Проанализировав историю федерации, он пришел к выводу о необходимости отказа от имперского или провинциального патриотизма в пользу межэтнического сотрудничества, в первую очередь – англо- и франкоканадцев. Подобная точка зрения значительно отличалась от ещё недавно доминировавшего взгляда на историю Канады как неотъемлемой части имперской, что знаменовало новый этап историографического развития.

Не отметились крупными работами по теме 1950-е гг. – послевоенный период, отличавшийся возвращением консервативных тенденций в общественной жизни и появлением сомнений в готовности Канады успешно отвечать на вызовы, связанные с дальнейшим укреплением независимости.

Спад в середине XX в. компенсировался значительным ростом интереса к процессу автономизации доминиона в 1960-1970 гг.²⁴. В первую очередь этому способствовала общая активизация работы по созданию трудов о национальной истории, связанная с юбилеем основания федерации. Немаловажным фактором являлось то, что с момента изучаемых событий прошёл существенный промежуток времени, способствующий формулированию более объективных суждений. Также углубленному анализу этапов становления независимости Канады способствовали международная обстановка и внутривнутриполитическая ситуация данного периода, связанные со стремлением к активному утверждению как суверенного государства.

Именно тогда были созданы исследования, которые можно назвать ключевыми для историографии проблемы. Пытаясь отобразить специфику мирного расширения автономии доминиона, авторы рассматривали этот процесс сквозь призму новых методологических разработок, в первую очередь политико-культурных теорий национализма и интеллектуальной истории.

В 1976 г. вышла в свет работа влиятельных историков Р.К. Брауна и Р. Кука²⁵. Она получила высокую оценку современников, характеризовавших её как «задавшую новые стандарты исследовательской и писательской работы», и не потеряла научной ценности до сих пор²⁶. Обоснованно считается, что эта книга оказала значительное влияние на последующие изыскания по теме и представления широких кругов интересующихся историей собственной страны.

В своём масштабном труде авторский дуэт переосмыслил научные наработки первой половины XX в., представив историю Канады как серию столкновений с конституционными, политическими и военными проблемами. Именно их успешное преодоление позволило перейти разобщённому населению колонизируемой империей заморской территории к состоянию молодой гражданской нации²⁷. Исследование отличается обширным фактологическим материалом из области экономики, социальных отношений и региональных особенностей провинций. Рост самостоятельности доминиона, напрямую сопряжённый с трансформацией нации, предстаёт в изложении авторов неизбежным и объективным процессом, который не смогло бы остановить даже целенаправленное противодействие со стороны метрополии. Опираясь на большое количество разнообразных источников, монография позволяет составить представление о специфических внутривнутриполитических проблемах и процессах в истории доминиона. Но, в то же время, к её объективным недостаткам рецензенты относят обзорность в описании развития политических идей, а также отсутствие внимания к мнениям, отличным от господствовавших в обществе. Таким образом, потребность в изучении взаимосвязи формирования национальных интересов, развития политических идей и роста правовой самостоятельности доминиона, по

мнению современников, не была закрыта. Однако работа дала основу для выхода последующих исследований на качественно новый уровень²⁸.

Первой из них стала монография «Канада и переход к Содружеству. Британско-канадские отношения 1917-1926 гг.» Ф. Уигли, опубликованная на год позже, но по сей день остающаяся неотъемлемой частью проблемной историографии. Если труд Брауна и Кука создал детальный фон периода развития автономии доминиона, то эта работа открыла новый этап исследования данной проблемы как с точки зрения постановки задач, так и её методологии.

Следует отметить ряд примечательных особенностей указанного исследования. Начиная с предисловия, Уигли стремится связать переломные для статуса доминиона события со схожими по значению явлениями зарубежной истории. Например, он обращал внимание читателей на такие совпадения: на 1976 г. пришлось широко освещавшееся двухсотлетие Декларации независимости США и пятидесятилетие Декларации Бальфура, значение которой только предстояло, по его мнению, осмыслить в полной мере²⁹. Этой попыткой провести параллель с общемировым контекстом обусловлен интерес учёного к причинам отсутствия в Канаде революций и гражданских войн в период активного расширения автономии. Такая постановка вопроса достаточно неожиданна для отечественной исторической традиции, уделявшей большое внимание принципам политического компромисса, характерным для доминиона как представителя англо-саксонской культуры, и поэтому представляет большой интерес.

Автор предпринимает ретроспективный анализ, отталкиваясь от суждения о том, что если революций и войн внутри Британской империи по причине неудовлетворённости доминионов своим положением не произошло, то это означает реализацию их ключевых устремлений к 1926 г. По его утверждению, на 1917-1926 гг. пришлись критические изменения в сфере конституционных отношений, тесно связанных с проблемой коллективных внешнеполитических действий. В отличие от исследователей середины XX в., сосредоточенных на формально-конституционных вопросах, «поглощавших» остальные аспекты движения к самостоятельности, Уигли предлагал переключить внимание на англо-

канадские отношения в области формирования международной повестки. Рассматриваемый им кластер тем связан с появлением у доминионов прямых внешнеполитических интересов и процессе их коммуникации с метрополией. Два ключевых вопроса, на которые исследователь ищет ответ, соответствуют передовой методологии того времени, предлагавшей способы для более глубокого изучения текстов источников с целью реконструкции широкого спектра мнений современников. Это, во-первых, «являлся ли ход событий, приведший Британскую империю к принятию Декларации Бальфура, неотвратимым?» и, во-вторых, «насколько монолитна была реакция британского правительства на упорство Канады?».

В своем труде Уигли фокусируется именно на развитии отношений между доминионом и метрополией, контактами между их отдельными ведомствами и деятельностью крупнейших политиков. События внутривластной жизни Канады представляют собой скорее обзорный фон, необходимый для понимания ситуации, чем реконструированный дискурс, позволяющий понять место внутриимперских вопросов в идейном пространстве доминиона того времени.

Попыткой представить новый нарратив национальной политической истории страны и проследить её шаги по пути роста самоуправления стал двухтомник влиятельного исследователя Ч.П. Стейси «Канада в эпоху конфликта: история канадской внешней политики 1867-1948»³⁰. Посвящённая формированию внешнеполитической стратегии Канады и основанная на тщательном анализе широкого круга источников, эта работа сумела выявить разницу в подходах к проблеме имперского сотрудничества четырех премьер-министров Канады и взаимосвязь между внутриканадскими событиями и общемировым контекстом. С этой целью в исследовании анализируются внутренние обстоятельства общественной жизни разнородных провинций и внешние факторы, в первую очередь стремление удерживать баланс в отношениях с Великобританией и США. В результате этого двустороннего воздействия, по мнению автора, и выкристаллизовалась внешнеполитическая концепция Канады в рамках национальной политики. Примечательно, что благодаря Ч.П. Стейси в канадской

историографии возобладал умеренный взгляд на вопрос о степени сопротивления Великобритании росту самостоятельности доминионов и перехода к Содружеству, который регулярно поднимался в канадской историографии с 1920-х гг³¹.

Эти комплексные работы удовлетворили основной интерес к теме роста автономии Канады. Смена научных тенденций привела к тому, что учёные перешли к формату монографий и тематических сборников статей, в которых рассматриваются более частные аспекты эволюции статуса доминиона в политическом и идейном поле³². В последние три десятилетия продолжают проводиться исследования, благодаря которым историография дополняется первичным анализом отдельных аспектов и узких тем³³. Реализуются и масштабные проекты по истории Британской империи, в которых осмысливается опыт Канады в сравнении с другими доминионами³⁴.

Кроме работ, затрагивающих те или иные грани эволюции доминиона, представляется необходимым отметить монографии, в которых рассматриваются пути развития канадской общественно-политической мысли, что позволяет расширить представление о контексте и идеологическом «климате» периода.

Большую ценность представляет книга К. Бергера «Ощущение власти: исследование идей канадского империализма, 1867-1914», которая стала прорывом для начавшего развиваться в 1970-х гг. изучения канадской национальной политической мысли³⁵. Автор сконцентрировался на идеях, освещая партийную борьбу и законотворчество, развивавшееся под их эгидой, лишь обзорно, поставив целью реконструировать взгляды влиятельного сегмента политической элиты доминиона, в том числе через биографии представителей разных течений. Главный посыл исследования заключается в том, что империализм в Канаде был одной из форм национализма. Предоставленный историком материал даёт основу для осмысления причин того, почему империализм в дальнейшем потерял свою привлекательность, что закономерно привело к снижению заинтересованности доминиона в коллективной внешней политике Содружества.

Составить представление о доминирующих воззрениях в среде либералов и франкоканадских общественных деятелей, которых традиционно принято выделять в отдельную группу, позволяют работы ставших классиками Ф. Андерхилла и Р. Кука³⁶. Также важно упомянуть труд «Движение Круглого стола и имперское единство» Дж. Кендла³⁷. Хотя значительная часть этого исследования посвящена активности британских адептов этой империалистической организации, работавшей в федералистском направлении, сам автор специализируется на отношениях Великобритании с доминионами. Поэтому большое внимание уделено представлениям политиков из метрополии о состоянии и перспективах эволюции автономий.

Упоминания также заслуживают современные исследования, посвящённые участию доминиона в Первой мировой войне³⁸. Этот масштабный конфликт оказал, кроме очевидных демографических и социально-экономических последствий, огромное влияние на сознание современников. Канадские историки считают, что именно благодаря событиям 1914-1918 гг. у жителей автономии появилась основа для формирования национального патриотизма взамен общеимперского, который помогал прокладывать дорогу к представительству на международной арене.

Завершая историографический обзор, необходимо отметить, что отечественные и зарубежные ученые заложили основательный фундамент исследования проблем эволюции статуса доминиона в контексте англо-канадских отношений. В то же время, остаются недостаточно изученными вопросы, связанные с внутривнутриполитическими факторами процесса самоопределения Канады, обусловившими рост её международной самостоятельности и характер отношений с Великобританией.

Источниковая база диссертации состоит из разнообразных материалов, которые можно объединить в несколько условных групп. Среди них имеются архивные материалы и официально опубликованные документы.

Архивные материалы представлены обширным собранием делопроизводственной документации, фиксирующей работу Имперского

Военного кабинета в ходе заседаний 1917-1918 гг. и подготовке к Парижской мирной конференции, Имперских конференций 1917 г., 1918 г., 1921 г. и 1923 г.³⁹. Электронный архив британского правительства, подразделение Национального архива Великобритании, предоставляет доступ к оцифрованным оригиналам протоколов заседаний и резолюциям этих имперских форумов. Возможность изучить во всей полноте прямую речь участников и рабочие пометки ведомств позволяет целиком проследить процесс подвижек во взаимоотношениях регионов Британской империи, принятия конкретных решений, в том числе с участием Канады, и путь от первоначальных инициатив до итоговых формулировок.

К первой группе опубликованных источников относятся документы и материалы, связанные с *официальной стороной политической жизни Канады*. Законодательные акты и парламентские резолюции позволяют оценить правовые границы самостоятельности доминиона, а также попытки его официальных властей влиять на общественные настроения⁴⁰. Для досконального понимания англо-канадских отношений важны не только документы, напрямую относящиеся к их развитию, но и отражающие изменения во внутривластной сфере – избирательное, гражданское, трудовое законодательство.

Парламентские дебаты, имеющие особое значение в англо-саксонской традиции, и деловая переписка канадских официальных лиц дают ценный материал для анализа политического языка изучаемого периода, помогают реконструировать ход законотворчества, выявить наиболее проблемные вопросы и точки зрения на них⁴¹. Дебаты также позволяют проследить позиции представителей ведущих идеологических течений в отношении политического развития Канады, их аргументы и эволюцию, которые наиболее ярко раскрываются в ходе дискуссий с представителями конкурирующих фракций.

Несмотря на то, что у доминиона в рассматриваемый период не было возможности вести самостоятельную внешнюю политику, особое значение имеют документы, фиксирующие его попытки влиять на позицию Британской империи и участвовать в её реализации, пусть даже и формально. Они представлены обширным корпусом корреспонденции – письма и телеграммы от канадских

чиновников и генерал-губернатора в министерство иностранных дел, министерство по делам колоний и на имя конкретных британских должностных лиц⁴². Переписка по вопросам имперских отношений и внешней политики содержит подробности подготовки к имперским конференциям и заседаниям ИВК, процессе формирования делегаций для международных конференций, а также информацию о нереализованных проектах, что необходимо учитывать при рассмотрении отношений между метрополией и доминионом.

Вторая группа источников, которую можно охарактеризовать как *политические трактаты*, включает в себя материалы, представляющие точки зрения представителей различных течений общественной мысли на то, как должен развиваться доминион и империя в целом. Среди них – научные исследования, социальные теории, публицистика, привлекавшая особое внимание современников событий⁴³. Трудно представить идейно-политическую атмосферу доминиона первой четверти XX в. без ярких статей франкоканадского националиста А. Бурасса, неоднократно выступавшего с критикой господствовавших в обществе воззрений и провоцировавшего этим активную полемику⁴⁴. Его сочинения, кроме обширного материала, важного для реконструкции позиции квебекских националистов, позволяют лучше понять борьбу мнений по дискуссионным проблемам приверженцев других течений.

Выступления ведущих политиков по принципиально важным вопросам вне стен парламента, программные документы организаций и партий представляется обоснованным отнести к этому же разделу, так как они содержат сведения об официально проработанной позиции влиятельных институций⁴⁵. В публичных выступлениях Р. Бордена и У.Л. Макензи Кинга, обращенных к жителям Канады или сделанными за её пределами, раскрываются взгляды премьер-министров на перспективы развития доминиона и его положение в имперских и международных отношениях⁴⁶.

Пресса – вид источников, фиксирующий мнения и события в процессе их развития, составил третью группу. Большинство канадских изданий не только были рассчитаны на приверженцев определенной политической идеологии, но и

распространялись на территории конкретной провинции. Это позволяет отследить разницу во взглядах на происходившее у представителей разных частей политического спектра и региональную специфику. На всей территории федерации распространялись правительственная «Канада Гэзет» и влиятельная «Глоуб». Последняя политически тяготела к центризму, близки к ней в этом отношении были провинциальные «Галифакс Геральд» и «Ванкувер Сан». К региональной либеральной прессе относились «Манитоба Фри Пресс», «Монреаль Газет», к консервативной – «Монреаль Дейли Стар» и «Калгари Геральд». Также интерес представляют авторские публикации отдельных известных журналистов по теме англо-канадских отношений, в первую очередь – Дж. Дафо, занимавшего должность секретаря канадской делегации на Парижской мирной конференции.

Посредством публикаций в «Дэйли Мэйл», «Гардиан» и «Таймс» отслеживалась реакция метрополии на участие доминиона в событиях общеимперского значения. Журнал объединения «Раунд Тейбл» – пример периодического издания, являвшегося площадкой для теоретических дискуссий, разворачивавшихся вокруг проблемы поиска оптимальной модели имперской федерации.

Важным дополнением стали *источники личного происхождения*: мемуары, дневниковые записи, личная переписка ключевых участников политических событий того времени даёт возможность исследовать неформальную сторону процесса политической борьбы, дополнить публичные высказывания общественных деятелей, глубже проследить их мотивацию. Мемуары Д. Ллойд Джорджа и Л. Эмери позволяют вникнуть в перипетии соперничества военного и гражданского руководства Соединённого Королевства, изменения во взглядах британцев на вооружённые силы доминионов и перспективны внутриимперского сотрудничества⁴⁷. Дневниковые записи У.Л. Макензи Кинга и Р. Бордена, а также мемуары последнего полны метких замечаний о разворачивавшихся событиях, пространных рассуждений относительно выбора оптимальной стратегии и даже подозрений в попытке предугадать действия политических конкурентов⁴⁸.

В пятой группе представлены различные *статистические материалы*, которые дают возможность оперировать конкретными сведениями при формулировании гипотез и обосновании выводов. Это данные переписей населения, экономическая статистика, информация о снабжении и комплектовании армии, развитии антивоенного и рабочего движения⁴⁹.

Таким образом, можно говорить о наличии необходимой источниковой базы для исследования данной проблемы в соответствии с поставленными целями и задачами.

Научная новизна диссертации состоит в том, что это первое в отечественной историографии исследование, в котором на основе разнообразных, в том числе архивных, материалов проблема трансформации статуса доминиона рассматривается в контексте эволюции имперских отношений и развития политической мысли Канады.

Практическая значимость работы состоит том, что её результаты могут быть использованы при подготовке курсов по истории Канады, Британской империи, англо-канадских и международных отношений в новое и новейшее время, послужить базой для рассмотрения дальнейших трансформаций политического статуса Канады и ее внешнеполитической концепции на протяжении XX в.

ГЛАВА 1. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ

1.1. Канада и Британская империя накануне Первой мировой войны

История современной Канады ведет свой отсчет с 1867 г., когда в результате объединения провинций Онтарио, Квебек, Новая Шотландия и Нью-Брансуик появился первый в составе Британской империи доминион⁵⁰. Такой статус предполагал очень широкую для того времени автономию, включавшую в себя ответственное правительство, двухпалатный федеральный парламент, разветвленное местное самоуправление и собственную денежную систему. Консолидация ускорила решение социально-политических проблем, а также дала мощный импульс общему развитию новообразованного доминиона, который в итоге позволил ему выйти на лидирующие позиции среди британских владений.

«Девятнадцатое столетие было временем Соединённых Штатов, двадцатое станет веком Канады», – гласил памфлет, рекламировавший иммиграционную программу⁵¹. Столь громкое высказывание являлось отражением характерного для 1900-х гг. стойкого национального оптимизма, базировавшегося на фактах динамичного экономического развития. В то время Канада являлась самым большим владением Британской империи, занимая почти 8 млн. км², на которых располагалось уже 9 провинций и 2 территории с широким самоуправлением⁵². За первое десятилетие XX в. численность населения увеличилась на 34%, составив по переписи 1911 г. 7 млн. человек⁵³. Столь значительный прирост был обусловлен бумом освоения прерий, который предопределил развитие Канады в предвоенный период.

Именно для заселения фермерами западных районов страны в конце XIX в. развернулась беспрецедентная миграционная программа, опиравшаяся на либерализацию земельного законодательства⁵⁴. Первоначально она привлекла переселенцев с Британских островов, уже имевших экономические и родственно-семейные связи с местным населением. Если в 1900 г. через океан перебралось

всего 1200 британцев, то в 1913 г. – уже около 150 тыс. человек⁵⁵. Заинтересованность в освоении плодородных земель Канады демонстрировали и американцы: численность переселенцев из США увеличилась с 19 тыс. в 1900 г. до 139 тыс. человек в 1913 г. Постепенно программа распространилась и на страны Европы: количество переселенцев из Старого Света возросло с 700 человек в 1897 г. до 100 тыс. в 1911 г.⁵⁶

Среди них были и выходцы из Российской империи, но назвать их точное число, к сожалению, не представляется возможным по ряду причин. Главные из них – отсутствие действенной системы миграционного контроля по обе стороны Атлантики, дальнейшая реэмиграция в США и этнические обобщения*. Наиболее достоверным источником по данному вопросу считаются материалы переписи 1921 г., в соответствии с которыми на территории Канады проживало примерно 35 тыс. уроженцев бывшей Российской империи, из которых 25 тыс. человек составляли украинцы, а 9 тыс. – белорусы⁵⁷.

Таким образом, первостепенная задача иммиграционной политики была успешно решена. Но резкий рост численности населения имел далеко идущие социально-экономические последствия. В первую очередь, усложнилась и без того пёстрая этническая картина. Если к новопоселенцам из метрополии и американцам англоканадское большинство относилось радушно, то прибывшие с европейского континента вызвали опасения. Большинство из них составляли державшиеся особняком уроженцы сельскохозяйственных районов Восточной Европы, которые не говорили на английском или французском, а главное – не имели опыта жизни в англо-саксонской политико-правовой системе. Это несколько компенсировалось тем, что они соблюдали миграционное законодательство в целом лучше, чем выходцы с Британских островов, ожидавшие особого статуса в «их колонии»⁵⁸. Ситуация усложнилась ещё больше в 1907 г., когда в Ванкувере появились чайнатаун и японский квартал. Ассимиляция их жителей представлялась маловероятной, поэтому в 1910 г. был принят Акт об иммиграции, по которому

* Многие выходцы из Восточной Европы без уточнений называли себя в ходе переписи населения или составления иных официальных документов «русскими».

федеральные власти наделялись широкими регулирующими полномочиями в отношении мигрантов, исключая только прямой запрет по расовому признаку⁵⁹. Предполагалось, что эти меры улучшат «качество» иммигрантов, не позволив Канаде окончательно превратиться в «свалку для отходов всех других стран мира»⁶⁰.

На повестке дня оставался ещё один важный вопрос: что делать с теми, кто уже поселился на землях доминиона? «Канадианизация» – самый популярный ответ начала XX в., но даже он провоцировал дискуссии, так как предполагал два варианта практической реализации. Многие выступали за ассимиляцию на основе англо-саксонской культуры, так как именно её принципы и ценности направили Канаду по пути интенсивного развития. Их оппоненты обращались к опыту США и ратовали за организацию собственного «плавильного котла». «Сегодня мы можем видеть в Западной Канаде самый восхитительный из всех феноменов человеческого общества – формирование нации, – отмечал канадский писатель и религиозный деятель Ральф Коннор. – Путем смешения различных традиций, идей, языков и образа жизни саксов и славян, тевтонов, кельтов и галлов, будет образована единая общность. Кровь этих великих народов сольётся и создаст расу, еще более великую, чем все они»⁶¹. Однако оба эти варианта не устраивали франкоканадцев: уже подвергшиеся попыткам ассимиляции, они решительно не собирались терять свою культурную самобытность⁶².

Пока идеологическая концепция только вырабатывалась, сам процесс освоения прерий продолжался. К 1905 г. в центральной части Канады появились две новые провинции – Альберта и Саскачеван, которые вместе с Манитобой сформировали особый регион, отличавшийся смешанным этническим составом и неравномерным расселением⁶³. Вопреки отличавшейся мотивации для переезда, совместный труд в условиях чуждого социального окружения и сурового климата способствовал консолидации выходцев из разных стран⁶⁴.

С формированием профессионального фермерства, ориентированного на международный рынок, связан «зерновой бум» начала XX в. Если в 1896 г. на территории доминиона было выращено 7,8 млн. бушелей зерна, то в 1901 г. – уже

26 млн., а к 1911 г. этот показатель увеличился втрое⁶⁵. Таким образом, общие экономические интересы позволяли преодолеть этноконфессиональные различия, что можно рассматривать как одно из важных условий формирования гражданского национализма.

Параллельно шло развитие промышленности. Главным источником её финансирования являлось перераспределение прибыли от сельского хозяйства и привлечение инвестиций, в том числе зарубежных⁶⁶. Результаты не заставили себя долго ждать: общая стоимость произведенных в Канаде промышленных товаров, составлявшая в 1900 г. 214 млн. канадских долларов, к 1910 г. увеличилась до 564,5 млн. долларов^{†.67}.

Успехи несколько сдерживало неравномерное развитие провинций, которое зависело от природных условий, особенностей процесса заселения европейцами и сглаживалось крайне медленно. Достижениям Онтарио в передовых индустриальных сферах способствовало выгодное географическое положение и преобладание англоканадского населения, отличавшегося активностью в сфере предпринимательства, что привлекало квалифицированную рабочую силу и инвесторов. Доминировавшее сельское хозяйство Квебека постепенно дополнялось промышленностью, но преимущественно за счет модернизации традиционных ремесленных отраслей⁶⁸. Британская Колумбия и Приморье продолжали концентрироваться на добыче сырья и рыболовстве, новые провинции Запада – на зерновом фермерстве. Хотя и они планомерно воспринимали новшества: Виннипег – столица Манитобы, был четвертым по величине промышленным центром довоенной Канады, переводя средства из аграрно-сырьевого сектора в промышленный для повсеместной модернизации⁶⁹.

Развитие экономики и рост населения способствовали урбанизации. Крупнейшим городом являлся Монреаль, в котором на 1911 г. насчитывалось 490,5 тыс. жителей, за ним следовал Торонто с 382 тыс. человек. Новой тенденцией начала XX в. стал бурный рост молодых городов за пределами Онтарио и Квебека.

[†] На тот момент 1 доллар США, более крепкая и конвертируемая валюта, оценивался в 4.8666 канадских долларов.

Поистине впечатлявшие результаты демонстрировали Ванкувер и Калгари: с 1901 г. по 1911 г. их население увеличилось с 29 до 121 тыс. и с 4 до 44 тыс. человек соответственно⁷⁰.

Как и в других доминионах, роль государства в этих успехах была крайне высока. Оно формировало рынок рабочей силы, координировало отрасли хозяйства исходя из имперской конъюнктуры, занималось социальным реформированием, ставшим актуальным для самоуправляющихся автономий. Например, с 1910 г. в федеральном кабинете появился пост министра труда, первым из которых стал молодой либеральный политик Уильям Лайон Макензи Кинг⁷¹. Предполагалось, что в Канаде должны не просто разрешаться социальные проблемы, а формироваться возможности для устойчивого опережавшего развития. Реализовать такой подход удавалось далеко не всегда: социально-экономические отношения закономерно менялись быстрее, чем государство принимало законодательные меры⁷². Это вело к асинхронности юридических норм и реалий повседневной жизни, оборачиваясь комплексными затруднениями.

Но многие проблемы такого рода канадцам удавалось успешно решать политическими методами. Яркий пример – создание «Онтарио Гидро», государственной компании по редистрибуции электроэнергии, вырабатывавшейся станциями на реке Ниагара. Крупный бизнес, контролируемый инвесторами из Великобритании и США, монополизировал использование гидроэнергосистемы⁷³. Либеральное правительство придерживалось принципов невмешательства в экономику, поэтому недовольные жители провинции Онтарио поддержали на провинциальных выборах 1905 г. консерватора Джеймс Уитни, выдвинувшего лозунг «Энергия вод Ниагары должна быть так же доступна нам, как воздух!»⁷⁴.

Противоречивый характер развития был характерен для многих стран. Но в Канаде оно осложнялось фоновым существованием устойчивых дихотомий. Сохранялись этноконфессиональные столкновения франко- и англоканадцев, тяготевший к индустриализации и урбанизации Юг начал противопоставляться выступавшему как сырьевой придаток Северу, обратной стороной успехов стал рост социальных конфликтов, формирование антагонизма по линии город-

деревня. К 1910-м гг. от властей ожидали нового видения, сочетавшего возможности для продолжения хозяйственного развития со смягчением общественной напряженности.

Если обратиться к политической обстановке в Канаде начала XX в., то водоразделом в ней стали выборы 1911 г., когда власть после длительного главенства либералов перешла к консервативной партии.

Премьер-министр Уилфрид Лорье продержался у власти пятнадцать лет подряд благодаря сочетанию оригинального стратегического мышления, способности к достижению здоровых компромиссов и чуткому вниманию к межэтническим взаимодействиям. Конец победоносному шествию либералов положили дебаты вокруг таможенного «договора о взаимности» с США, в котором многие увидели путь если не к аннексии, то превращению страны в сырьевой придаток объективно более развитого континентального соседа⁷⁵. Этим шансом воспользовались долго остававшиеся в оппозиции консерваторы, отдававшие предпочтение укреплению экономических связей с метрополией. К ним ожидаемо примкнули ориентировавшиеся на внутриимперский рынок фермеры и неожиданно – набиравшие популярность франкоканадские националисты, для которых далекая Великобритания была уже изученным оппонентом в борьбе за сохранение их этнической самобытности.

Посчитав разногласия принципиальными, 29 июля 1911 г. премьер-министр объявил о проведении досрочных федеральных выборов⁷⁶. Впервые с 1891 г., когда страну охватили острые разногласия по поводу протекционистского тарифа, в центре избирательной кампании оказалась проблема, связанная с международной торговлей. Против либералов выступила коалиция из консерваторов под руководством Роберта Бордена и франкоканадских националистов, неформально возглавляемых популярным в Квебеке Анри Бурасса. «Хотя люди уважают меня, – резюмировал не питавший иллюзий Лорье, – Борден пленяет их переменами, а Бурасса делает ставку на чувства»⁷⁷. По итогам парламентских выборов 21 сентября 1911 г. либеральная партия впервые с 1896 г. проиграла⁷⁸. «Вердикт был вынесен не из-за недружелюбия или чувства враждебности к США, – провозгласил

в своей первой премьерской речи Борден, – а потому, что Канада желала и желает быть хозяйкой своей судьбы и предпочитает следовать ей как автономная нация в составе Британской империи»⁷⁹. Таким образом, новый премьер-министр сазу дал понять, что даже проимперски настроенные консерваторы считают неизбежным дальнейший рост самостоятельности доминиона.

Перед победителями встала сложнейшая задача: если либералам на исходе XIX в. предстояло активизировать развитие слабозаселенной страны, экономика которой носила аграрно-сырьевой характер, то теперь от консерваторов ждали новых управленческих подходов, позволяющих сохранить и приумножить достигнутое. Поэтому пристальное внимание общественности сосредоточилось на премьер-министре, решительно взявшемся за вывод своей партии из затяжного кризиса и выработку правительственного курса.

Роберт Борден родился в 1854 г. в Новой Шотландии. Три поколения его предков жили в Северной Америке, поэтому он безусловно идентифицировал себя как канадца. Несмотря на отсутствие университетского образования из-за материальной стесненности семьи, будущий политик построил успешную карьеру в сфере юриспруденции и стал первым премьером англоканадцем, способным изъясняться по-французски⁸⁰. Вплоть до 1891 г. Борден поддерживал либеральную партию, но позднее отошёл от нее в силу разногласий по вопросам экономической политики. В 1896 г. он был впервые избран в парламент как консерватор, а спустя всего пять лет, в 1901 г., возглавил партию. «Я очень симпатизирую мистеру Бордену, – писал в то время его оппонент из либерального лагеря Макензи Кинг, – думаю, что он джентльмен и достойный человек, наиболее желанный тип личности для парламента. У него есть как самоуважение, так и уважение со стороны окружающих»⁸¹.

Несмотря на столь лестную характеристику и симпатии коллег, Бордену долго не удавалось вывести партию из кризиса. Выборы 1904 г. стали настоящей катастрофой для консерваторов, поэтому к 1907 г. будущий премьер-министр анонсировал «наиболее передовую и прогрессивную программу» – Галифакскую платформу. Действительно, занимавшие большую её часть предложения в сфере

экономики и федерального управления выглядели прогрессивно для того времени. С другой стороны, у программы имелась одна серьезная слабость: социальные вопросы, остро волновавшие канадцев, не получили в ней достаточного внимания⁸². Об отношениях с империей также говорилось крайне мало: предлагалось поощрять выгодные доминиону тарифы, так как метрополия заведомо считалась наиболее лояльным торговым партнером⁸³. Такое избирательное внимание к политической повестке сказалось на итогах выборов 1908 г., которые прошли не лучше предыдущих. А из-за расхождений внутри партии по военно-морскому вопросу в 1910 г. пришлось даже отменить её очередной съезд. В этих условиях в консервативном руководстве появились те, кто во всеуслышание начал призывать к смещению лидера⁸⁴.

Победа на парламентских выборах 1911 г. еще за пару лет до того могла показаться чудом. Но «договор о взаимности» являлся действительно очень непопулярной мерой и прекрасной почвой для агитации «от противного». Существенно и то, что либералы вошли в полосу кризиса, свойственную для двухпартийной системы: их длительное пребывание у власти не только стало утомлять электорат, но и сами они уже заметно утратили былой динамизм. В результате 132 места консерваторов в палате общин против 85 у оппонентов выглядели вполне представительными⁸⁵. Триумф победителей несколько омрачало количество полученных ими голосов избирателей, иллюстрировавшее ситуативность успеха и сохранение симпатий к либералам: 666 тыс. против 624 тыс⁸⁶.

За пятнадцать лет, проведенных консерваторами в оппозиции, во всех сферах жизни доминиона произошли значительные перемены. Это делало необычайно важным вопрос о составе нового кабинета министров, которому предстояло определять вектор развития Канады. В результате его первый состав имел два слабых места. Несмотря на утверждение премьер-министра, что он «никогда не выбирал коллег по критерию личной приязни», беспристрастность все же подвела его в ответственный момент⁸⁷. В правительство вошли пятеро квебекских консерваторов и ни одного националиста из числа оказавших им

серьезную поддержку на выборах. Причем Фредерик Монк, имевший хотя бы частично франкоканадское происхождение, сложил с себя полномочия главы министерства общественных работ уже в октябре 1912 г. из-за разногласий с коллегами по кабинету⁸⁸. А ставший министром юстиций Чарльз Доэрти и министр без портфеля Джордж Перли, зарекомендовавшие себя крепкими профессионалами, были ирландцем и англичанином соответственно⁸⁹. Борден не воспользовался опытом либералов, одной из основ успехов которых стало налаживание контакта с политическими элитами Квебека. Второй слабостью кабинета стало отсутствие у большинства новых министров существенного опыта работы в политических структурах федерального уровня, так как долгое время в них превалировали либералы.

К началу правления консерваторов четко обозначились основные проблемы внутренней политики: необходимость обеспечить рост прибыльности сельского хозяйства, рабочий вопрос, борьба ряда социальных и этнических групп за равенство прав. Задачи городского благоустройства, развития инфраструктуры, повышения уровня жизни и социализации мигрантов давно не сходили с повестки дня.

Прежде всего, правительство Бордена взялось за улучшение текущего положения дел. Например, оно отблагодарило фермеров, оказавших консерваторам активную поддержку в 1911 г., тем, что добилось принятия Акта о зерновой торговле⁹⁰. Закон, базировавшийся на наработках либералов, предусматривал антимонопольные меры и создание за государственный счет инфраструктуры для хранения и переработки зерна. Отток населения из сельской местности должно было остановить повышение уровня жизни и социального статуса фермеров, которые позиционировались как «символ и образец национальных потребностей, добродетелей и силы»⁹¹.

Но вскоре стало понятно, что необходимо переключатся на решение новых, быстро обострившихся проблем. Консерваторы пришли к власти, когда «эпоха процветания» в Канаде подходила к концу. Полученный на рубеже веков импульс постепенно исчерпывал себя, приближался период экономического спада. По

подсчетам министерства финансов «арендная плата и расходы населения на товары первой необходимости увеличились за 1912-1913 гг. на 50%»⁹². В октябре 1913 г. министр финансов Томас Уайт прогнозировал продолжение падения государственных доходов, объяснявшееся комплексным экономическим кризисом⁹³. До сих пор не была завершена Большая Тихоокеанская магистраль, столь необходимая для хозяйственной инфраструктуры: подрядчики преступно растратили деньги, забросив недостроенные участки⁹⁴. Безработица росла не только в сельской местности: механизировавшие свои хозяйства фермеры не смогли окупить технику и выплатить кредиты из-за падения покупательской способности населения и устремились в города, где они конкурировали с новыми иммигрантами.⁹⁵

В таких условиях неизбежно активизировались наименее обеспеченные социальные силы. И в первую очередь – индустриальные рабочие, для пресечения стачек которых в 1911 г. приходилось привлекать полицию и даже войска⁹⁶. Помимо ухудшения материального положения, эти выступления провоцировало несоблюдение нанимателями провинциальных актов о трудовых нормах и технике безопасности⁹⁷. Повсеместными были этнические конфликты и дискриминация, особенно на промышленных и добывающих предприятиях, где был занят каждый третий мигрант⁹⁸. Профсоюзные организации, способные им помочь, пришли в Канаду из США, а не Великобритании, поэтому они ориентировались преимущественно на малочисленную прослойку квалифицированных рабочих⁹⁹.

Эти и другие, более локальные внутривластные проблемы прямо или косвенно сказывались на развитии общественно-политической мысли доминиона, активизировавшейся в последней трети XIX в. Политики, публицисты, различные общественные деятели были заняты осмыслением самих идей новообразованного государственного союза, формирующейся в нем молодой нации, а также задач её позиционирования в имперском и мировом политическом пространстве.

Понятие «нация» активно использовалось в Канаде с подписания Акта о Британской Северной Америке и имело довольно широкий смысл. Первоначально оно символизировало отнюдь не готовность принять на себя статус суверенного

государства в хоть сколько-то обозримом будущем, а скорее стремление сформировать единую общность из регионально обособленного полиэтничного населения¹⁰⁰. Несмотря на сохранение антагонизма между англо- и франкоканадцами, который поддерживал жизнеспособность идеи двух обособленных наций в рамках доминиона, с 1870-х годов стало набирать популярность новое понимание этого термина. Оно подразумевало сплочение населения на основе чувства принадлежности к канадской федерации с целью её дальнейшего политического и экономического развития. Это, в свою очередь, позволило бы доминиону встать в один ряд с развитыми странами, открыть новые перспективы и уверенно двинуться по пути к неизбежной независимости¹⁰¹.

Постановка такого рода задач неизбежно актуализировала проблему взаимодействия имперской и национальной идентичностей. Выходцы с Британских островов и их потомки, за редким исключением, с гордостью относили себя к славной «англо-саксонской расе». На рубеже XIX-XX вв. они выступали за сохранение тесных связей с метрополией, которые давали им чувство защищённости и сопричастности к ведущей державе того времени.

Одновременно происходило становление национальной историографии, литературы и искусства, способствовавших формированию единого социокультурного пространства, которое общественные деятели рассматривали как еще один фактор, способствовавший укреплению связей между провинциями и упрощению внутренней миграции. При этом речь пока что не шла о складывании автономной идентичности – любовь к «малой» родине и самоощущение себя как канадцев должны были встраиваться в чувство гражданственности по отношению к Британской империи.

Историки второй половины XIX в. шли ожидаемым, но эффективным путем. Их исследования под названиями вроде «Краткая история доминиона Канада»¹⁰² фокусировались на освоении Северной Америки, местных политических процессах, что позволяло продемонстрировать и её специфику, и связь с развитием Британской империи. Таким образом, Канада одновременно включалась в общемировой контекст и обретала самостоятельное значение.

Особенной популярностью пользовалась тема англо-американской войны, в которой приняли участие и жители долины реки Святого Лаврентия¹⁰³. Также имели успех историко-географические описания отдельных провинций, обычно в ракурсе многоликой канадской «мозаики», а не автономных регионов¹⁰⁴. Эти сочинения иллюстрировали важнейшую из тенденций канадской культуры – внимание к природе и её влиянию на человека. Житель любого происхождения имел все основания гордиться ей, даже когда доминион не мог похвастаться развитыми общественными институтами или мощной экономикой. Литераторы и поэты всех направлений уделяли большое внимание описаниям ландшафта и природных явлений¹⁰⁵. Это отвечало одновременно двум культурным тенденциям XIX в.: преклонение перед силами природы было характерно для романтизма, а дух «истинного Севера, сильного и свободного» роднил канадцев с негибаемыми героями популярных приключенческих книг¹⁰⁶.

Жителей доминиона привлекали не только будни в декорациях суровых пейзажей. Через произведения проходили и патриотические мотивы: отважные переселенцы из Британии наряду с покорением новых земель также успешно противостояли конкурентам-католикам, американским повстанцам периода Войны за независимость США и их потомкам¹⁰⁷. Нередко встречались сугубо политические сюжеты. Например, одна из глав популярной детской книги Л.М. Монтгомери об Энн Ширли начинается с описания реакции жителей деревни на приезд премьер-министра в рамках предвыборного тура¹⁰⁸.

Стоит сделать важное замечание: литература, о которой говорилось выше, была исключительно англоязычной. Это объяснялось не только численным превосходством потомков выходцев с Британских островов, а скорее их политико-идеологическим доминированием. Именно они транслировали идею национального единства и выбирали для этого наиболее выгодный ракурс – формирование общности на основе характерных для английской культуры ценностей. В этих условиях даже художественные промыслы коренного населения игнорировались или присваивались, а франкоканадское искусство считалось слабым и вторичным.

Такое отношение, конечно же, было пристрастным. Для квебекцев литература являлась одной из основ культурного самоопределения, приведя к формированию собственной многогранной традиции. Примечательно, что их творчество, нацеленное на поддержку традиционных ценностей в борьбе против ассимиляции, стремительно канадизировалось со второй четверти XIX в. Терявшие связь с прародиной, франкоканадцы писали собственную версию истории доминиона, превозносили родную природу в стихах, а исторический романтизм сельского романа обратил на себя внимание даже за пределами автономии благодаря получившему огромную популярность произведению «Мария Шапделен»¹⁰⁹.

Лучше всего сложность переплетения этнической конкуренции и зарождавшегося чувства новой, общенациональной привязанности к доминиону отражает история происхождения официального гимна «О, Канада». Первоначально музыка и слова на французском языке были написаны в 1880 г. для исполнения на праздновании дня Святого Иоанна Крестителя – покровителя Квебека¹¹⁰. Англоязычное население в качестве патриотических мелодий предпочитало тогда британский гимн «Боже, храни Королеву!» или «Кленовый лист навсегда», в котором самый известный флоральный символ Канады любовно сплетался с эмблематическими растениями Соединённого Королевства – розой, трилистником и чертополохом. Но с 1908 г., когда было создано несколько версий английского текста, «О, Канада» получила широкую популярность во всех провинциях, вытесняя другие песни на официальных мероприятиях. Франкоканадцы в своей версии гимна пели о «земле предков», а англоканадцы – о «родном доме», но и те, и другие считали родиной одну и ту же страну, которая раскинулась в Западном полушарии между двумя великими океанами.

Уже в начале 1880-х годов идея молодой нации нашла такое широкое признание в постепенно формировавшемся едином социокультурном пространстве, что консерваторы назвали «Национальной политикой» программу, обеспечившую им по-настоящему широкую популярность. В ней партия предлагала отойти от общеимперских тем и сконцентрироваться на вопросах,

напрямую связанных с внутренней спецификой. В первую очередь, речь шла об ориентации на создание самодостаточной экономики с соответствовавшей ей инфраструктурой. Либералы, сменившие их у власти в 1896 г., также использовали в своей риторике идеи национального единства как инструмента для достижения экономического благополучия и культурного развития. У них это получилось даже более результативно благодаря стремлению к этническому компромиссу и взаимоуважению.

К концу своего премьерства возглавлявший либеральную партию Уилфрид Лорье пришел к выводу, что в обозримом будущем наиболее выгодная перспектива развития статуса доминиона – стать самостоятельной нацией внутри империи, соединив всё самое выгодное от практики полноценной автономии и политики имперского единства. Политик прекрасно понимал, что вне Британской империи его родина пока что являлась неконкурентоспособной и совершенно беззащитной в случае агрессии других стран. В начале XX в. тесное взаимодействие с Великобританией было способно дать доминиону ещё много полезного, а обойтись без военной мощи метрополии вообще не представлялось возможным. Поэтому пока следовало развивать внутреннее самоуправление, конкурентную на мировом рынке экономику и внешнеполитическую повестку, оставаясь под надежным «куполом» империи. И тем самым Канада постепенно готовилась бы к настоящей самостоятельности, потому как уже тогда национальная независимость признавалась отдалённым, но закономерным итогом её прогрессивного развития.

«Обратный же путь» через централизацию в форме имперской федерации породил бы неоправданно громоздкую систему управления и ущемил уже имевшиеся национальные чувства, создавая угрозу конфликта. При этом Лорье не изложил систематически своей концепции в специальной работе. Премьер-министр считал, что предвосхищённый им итог – наиболее вероятный результат естественного развития страны, который нашёл отражение в событиях начала XX в., и поэтому в теоретизации не нуждается. Воззрения такого рода в целом не

являлись принципиально новыми, но впервые стойкую приверженность им публично выражал политик, занимавший столь высокий пост.

Политическое и социально-экономическое развитие Канады в 1910-х гг. способствовало росту числа сторонников подобных взглядов. Доминион достиг того предела, когда его устремления начали, пусть и точечно, вступать в конфликт с собственным политико-правовым статусом. Наиболее показательны в этом смысле отношения с США, взаимодействие с которыми шло исключительно при посредничестве Великобритании. Из-за сложившейся международной ситуации, метрополия начала придавать всё большее значение позиции Вашингтона и порой была готова пожертвовать потребностями Канады ради обеспечения двустороннего взаимопонимания. Ярким примером такого пренебрежения интересами автономии стала демаркация границы на Аляске в 1904 г., когда Лондон оставил Северо-Западные территории без выхода к Тихому океану. Канадская пресса сокрушенно резюмировала, что их родина «стала жертвой на алтаре англо-американской дружбы»¹¹¹. В то же время страна-мать начала откровенно рассчитывать на поддержку своего военно-политического курса со стороны быстро усиливавшегося доминиона. Так, во время англо-бурской войны 1899-1902 гг. североамериканские солдаты впервые отправились воевать за пределы континента под флагом метрополии.

Складывавшаяся в Канаде обстановка и общая напряжённость имперской эволюции располагали к обстоятельному осмыслению перспектив развития страны. Если рассматривать спектр взглядов относительно политико-правового статуса доминиона справа налево, то первой его частью окажутся империалисты.

Империализм был привнесён в Канаду с началом британского проникновения, так как колонии заселялись преимущественно на основе экономических мотивов, а не миграции по причине дискриминации или организованной депортации. Поэтому переселенцы сохраняли устойчивую приверженность метрополии и главенствовавшим там политическим идеям. В конце XVIII в. к ним присоединились перебравшиеся из США лоялисты – сторонники нахождения североамериканских колоний под властью британской

короны. Вряд ли можно оценить их вклад в политику того времени как существенный в силу малочисленности, скорее они имели большое значение для следующих поколений, создавая воодушевляющее чувство преемственности¹¹².

Например, идейными наследниками лоялистов считали себя члены созданной в 1884 г. Лиги имперской федерации, открытие канадского филиала которой состоялось 9 мая 1885 г. На первом заседании участники определили свою задачу как «широкое общественное обсуждение тех вопросов, посредством которых может поддерживаться единство империи и происходить дальнейшее развитие её составных частей»¹¹³. В этой формулировке нашла отражение главная особенность локального империализма последней трети XIX – начала XX вв., сочетавшая две, казалось бы, взаимоисключающие позиции. А именно: признание национального своеобразия доминионов, с одной стороны, и с другой – стремление к взаимодействию всех автономий Британской империи, в которой молодые нации могли бы утвердиться перед лицом метрополии. Таким образом, империализм выступал в качестве формы национализма, поскольку идеалы единства и стремление к собственному региональному развитию были для его приверженцев тождественны¹¹⁴.

Начиная с колониальной конференции 1897 г. дискуссии об англо-канадских отношениях в связи с проектами федерализации велись по трём основным направлениям. Во-первых, обсуждались планы политической интеграции и формирования общеимперских управленческих структур. Во-вторых, остро стоял вопрос об экономической политике. Великобритания принципиально держалась фритреда, а это приводило к тому, что на её рынках товары из собственных подвластных территорий оказывались в крайне слабой позиции. «Колонии хотят активнее торговать с Великобританией, – говорил Лорье. – Мы настаиваем на полном и решительном отказе от свободной торговли, но определённая тарифная поддержка нам необходима»¹¹⁵. Близко смыкалось с этой темой третье направление – планы кооперации в военной области. Если доминионы надеялись на таможенные преференции от страны-матери, то она, в свою очередь, желала от них вклада в систему совместной обороны.

Длительность и активность дискуссии о реформировании отношений между метрополией и автономиями обусловили широкое разнообразие идей и взглядов конкретных её участников. Зачастую они могли расходиться по какому-то одному, но принципиально важному вопросу. Основные принципы структурных реформ, исповедуемые империалистами, нашли отражение в работе «Имперская федерация: проблема национального единства» активиста канадского филиала Лиги Джорджа Паркина. Отправной точкой его рассуждений являлась необходимость полицентричного устройства империи, предполагавшего максимально возможную региональную автономию. С целью развития экономической кооперации автор предлагал создать имперский таможенный союз. А наиболее важные вопросы, в том числе координацию внешней политики и организацию системы обороны, следовало решать путем коллективного обсуждения с учетом геополитической ситуации в конкретных регионах. «Если люди во всех концах империи, – излагал своё кредо публицист, – хотят и дальше оставаться вместе, то они должны обладать равными правами и равной степенью автономии»¹¹⁶.

Друг и соратник Паркина Джордж Монро Грант прославился деятельностью в сфере образования и «Записками» о трансконтинентальном путешествии по Канаде. В них он приходил к выводу о том, что «только при помощи самоуважения можно завоевать уважение других. В соответствии с этим для доминиона возможен лишь один путь – консолидация империи через общеимперское гражданство и принятие нашего общего наследия»¹¹⁷. Заметным деятелем Лиги имперской федерации был также учёный и писатель Стивен Ликок, считавший политическую модель Британской империи оптимальной для своего времени и способной к дальнейшему передовому развитию¹¹⁸.

Представителей следующей части идейного спектра, думается, точнее всего назвать националистами, так как формирование их взглядов было спровоцировано именно процессом нациестроительства в Канаде. Эта группа оказалась настолько разнородной, что многие её участники находились в состоянии острой конкуренции и даже конфликтов.

Родоначальниками данного направления считаются участники организации «Канада прежде всего», существовавшей в 1860-70-х гг. В молодости в неё входили Уильям Фостер, Голдуин Смит, Эвард Блейк, ставшие позднее известными политиками. В центре их дискуссий стояла проблема регионализма, тормозившего развитие федерации. Её решение виделось в национальном сплочении, когда «самоценность Канады как нации и государства станет превалировать над всеми партийными и личными интересами»¹¹⁹. Приверженцы движения считали, что их родина должна быть объединена, пусть даже ценой ущемления интересов отдельных групп или частей страны, и целенаправленно следовать по пути развития национальной идентичности. Что позволило бы доминиону в перспективе строить отношения с метрополией на основе равноправия и взаимоуважения¹²⁰. Кратковременность существования организации обусловлена идеей дистанцирования от непосредственной политической деятельности, к которой в итоге всё же перешли её самые активные участники.

Выразителей другого течения в рамках национализма можно назвать «автономистами». Идеям форсированного продвижения доминиона к политической самостоятельности симпатизировали разные деятели, часто придерживавшиеся противоположных точек зрения на другие политические вопросы. Например, франкоканадский националист Анри Бурасса и влиятельный англоканадский журналист Джон Дафо. Многие либералы разделяли взгляды, подобные вышеописанным воззрениям премьер-министра Лорье, которые можно охарактеризовать как умеренный «национал-автономизм». Но наиболее последовательным и активным представителем этого направления считается Джон Скирвинг Юарт.

Выросший в полиэтничной и ориентированной на тесное взаимодействие с США среде, он получил известность как специалист в области государственного права и организатор сети «Канадских клубов», ставших площадкой для обсуждения дальнейших перспектив эволюции статуса доминиона. Хотя в рассуждениях предвоенного периода этот сторонник полной самостоятельности

несколько преувеличивал степень фактической автономии своей родины, они оказали влияние на направленность развития политической мысли страны¹²¹. С начала 1900-х гг. Юарт отстаивал идею создания Королевства Канада – политически независимой от Англии монархии с британским королем во главе, как наилучшей из альтернатив текущему статусу¹²². По мнению правоведа, идеальным итогом было бы «стать независимой, словно Соединённое Королевство, чтобы её парламент имел ту же власть, что и парламент в Вестминстере, а Даунинг-стрит не осуществлял контроля над нашим законодательством, как и мы – над их статутами»¹²³.

Самостоятельность в его трактовке также подразумевала возможность определять собственную внешнюю политику, включая вопросы войны и мира. Ведь в числе главных недостатков статуса доминиона Юарт считал иллюзию взаимности имперских уз и гарантируемой ими безопасности. «Канада сражалась за Англию в различных войнах, но ни один английский солдат никогда не защищал Канаду, – настаивал общественный деятель, защищая свои убеждения. – У нас нет внешнеполитических конфликтов, потому что нам не позволено их иметь»¹²⁴. Также он обвинял метрополию в игнорировании интересов автономии при посредничестве в отношениях с США, в частности при демаркации границы на Аляске. Таким образом, Юарт являлся одним из первых, кто открыто позиционировал себя сторонником суверенитета Канады и во многом предвосхитил положения Вестминстерского статута¹²⁵.

Особое место в идейном спектре доминиона занимал франкоканадский национализм. Ядро его приверженцев сформировалось из образованных профессионалов среднего класса и потомков региональной элиты. Интересна их позиция в отношении перспектив статуса доминиона: несмотря на антагонизм по широкому кругу вопросов из-за стремления к сохранению этнической самобытности, большинство были идейно близки к умеренным англоканадским националистам, представленным в основном либералами Лорье¹²⁶.

Популярность среди квебекцев получила созданная в 1903 г. Национальная лига, с которой связан один из этапов политического активизма таких заметных

общественных деятелей, как Анри Бурасса, Оливар Асселин и Арман Лавернь. Организация пропагандировала всестороннее развитие канадцев и Канады, так как итогом её эволюции члены Лиги видели максимальную автономизацию или полную независимость, к которым следовало подготовиться. Необходимое для этого гражданское единство предполагалось формировать в условиях широкого самоуправления провинций и взаимного уважения этнических групп. Поэтому франкоканадские активисты принципиально противопоставляли себя приверженцам идеологии империализма, старающимся укрепить «иссякающее чувство» солидарности с метрополией, в том числе за счёт разрушения крепнувшего естественного гражданского национализма в доминионе¹²⁷. В качестве примера таких действий Оливар Асселин приводил участие Канады в англо-бурской войне и спонсирование имперского флота¹²⁸. Гораздо более перспективным вложением бюджета он считал введение всеобщего образования, активным сторонником которого являлся.

Современные квебекские политики, позиционирующие себя преемниками традиций франкоканадского национализма, придерживаются сепаратистских позиций, поэтому важно отметить, что их предшественники в начале XX вв. не призывали добиваться незамедлительного выхода из Британской империи. Их отношение к Великобритании Бурасса характеризовал как «привязанность разума, дополненную смесью уважения и подозрения, соотношение которых меняется в зависимости от времени и обстоятельств»¹²⁹. Исходя из этого и фактического уровня развития доминиона, политик делал прагматичный вывод, что его родине нужно «оставаться автономной колонией и пользоваться всеми преимуществами этого положения, а тяготы полной независимости пока не нужны канадцам»¹³⁰.

Националисты Квебека постепенно входили в федеральную политику: в 1904 г. Лавернь стал первым членом Лиги в парламенте, где выступал за внедрение билингвальности в государственное делопроизводство. Он и его соратники держались в палате общин несколько особняком, стремясь к сочетанию политической активности с приверженностью традиционным духовно-нравственным нормам. «Без сомнения, – отмечал Бурасса, – мы должны принимать

участие во всех инициативах, во всех прогрессивных явлениях экономической жизни. Столь же важно сохранять, развивать в себе моральное и интеллектуальное превосходство»¹³¹. Но по большинству именно политических вопросов, включая проблему статуса доминиона, франкоканадцы сходились с основной массой англоязычных националистов. Это свидетельствовало о преимущественно адекватном восприятии проблемы нациестроительства: общеканадские задачи и перспективы воспринимались вне зависимости от принадлежности к провинции, этнической или конфессиональной общности.

Следом за автономизмом целесообразнее всего упомянуть континентализм, основанный на идее общности исторической судьбы народов североамериканского континента и предлагавший политико-экономический союз США и Канады¹³². С конца 1880-х гг. его приверженцы пытались заключить с Соединёнными Штатами торговое соглашение о взаимном сокращении пошлин, сталкиваясь с сопротивлением проимперски настроенных консерваторов, которые ссылались на неравноправность условий проектов и аннексионистские замыслы американских политиков.

Ключевой фигурой среди континенталистов являлся Голдуин Смит. Будучи убеждённым либералом, он переехал из метрополии в новообразованную канадскую федерацию, которую считал местом с многообещающими демократическими тенденциями¹³³. Значительную часть своих усилий общественный деятель направил на формирование национального самосознания англоканадцев. Обращаясь к перспективам развития и юридического статуса Канады, Смит подвергал серьёзному сомнению значимость её пребывания в составе Британской империи. В числе причин, определявших закономерное стремление доминиона к полной автономии, он называл удалённость метрополии, проистекавшее из этого несоответствие геополитических интересов, углублявшиеся различия в общественном развитии (например, отсутствие влиятельной потомственной аристократии в доминионе) и т.д.¹³⁴. Нужды самоуправлявшихся частей империи к концу XIX в. представлялись ему столь различными, что даже самая продуманная реформа властных институтов не смогла бы удовлетворить их.

Сторонники этой доктрины не наши существенной поддержки среди населения, проголосовавшего на федеральных выборах 1891 г. за противников континентального союза – консерваторов. Но сам факт широкого обсуждения данной темы, продолжавшегося и в начале XX в., оказал значительное влияние на политическую мысль доминиона. Сравнение с США позволило канадцам ощутить собственную национальную идентичность, а элитарным кругам критически взглянуть на успехи рубежа веков и понять, что продолжавшая расширяться автономия прельщает их гораздо больше, чем таящий немало опасностей союз со столь мощным соседом. В целом отношения Соединённых Штатов и Канады в начале века переживали регулярные периоды оживления и охлаждения, зачастую связанные с политикой метрополии. Однако Вашингтон всегда оставался для Оттавы одной из важнейших точек притяжения на политической карте; в пользу взаимодействия работали настроения англосаксонской солидарности, а «доктрина Монро» – гарантом стабильного мирного развития.

В крайней части политического спектра располагался квебекский вариант национализма изоляционистского характера. Далекое не все франкоканадцы готовы были оставить позади взаимные обиды и конфликты периода попыток принудительной ассимиляции. Выдержав «осадное положение», многие из них выказывали стремление к региональной обособленности, которое поддерживало католическое духовенство и потомки аристократии, некогда переселившейся в Новую Францию. Некоторые местные политики также периодически обращались к идеям провинциального суверенитета, в том числе премьер-министр Квебека Оноре Мерсье.

В приверженности изоляционистским идеям никто не мог сравниться с Жюлем-Полем Тардивелем, идеалом для которого являлась независимая Новая Франция или, как минимум, максимальная автономия бывшей Нижней Канады в составе федерации. Пока эта цель не была достигнута, писатель и общественный деятель предлагал максимально дистанцироваться от политической и экономической жизни остальных провинций, оберегая свою культурную самобытность, основывавшуюся на языке, традициях и прежде всего –

католической религии¹³⁵. Ни о какой единой молодой канадской нации, по его мнению, не могло идти и речи. Английская и французская общины в Северной Америке находились в хрупком равновесии, пока были сопоставимы по численности и занимаемой территории. Теперь же между ними развернулось соперничество, в котором ставкой являлось само существование франкоканадцев.

Настроения изоляционизма имели приверженцев среди части населения Квебека¹³⁶. Но у их движения отсутствовала позитивная программа для продвижения к намеченной цели. Самым известным произведением лидера сепаратистского движения Тардивеля являлся роман с элементами фантастических допущений «За Отечество!», повествующий о борьбе против тайной масонской ложи, поставившей своей целью уничтожение франкоканадской нации. Его тактика, построенная на негативном отношении к чужой культуре, заключалась в критике всех остальных идейно-политических течений в Квебеке. Поэтому его попытки найти долговременных союзников не увенчались успехом. Даже Бурасса, олицетворявший для остальной страны яростную самозащиту франкоканадцев, в итоге не отвечал «стандартам» изоляционистов, так как для достижения своих целей все теснее сотрудничал с протестантами, прокладывая путь, по которому следовали молодые амбициозные квебекцы. Поэтому после смерти Тардивеля популярность идеи создания суверенной Новой Франции начала снижаться, а на уровне федеральной политики вовсе не имела представительства.

Важно учитывать условность подобного деления. В рамках процесса формирования гражданской нации представители вышеописанных течений часто испытывали взаимное влияние, занимали идентичную позицию по различным вопросам или вовсе пребывали в пограничном состоянии между несколькими ведущими направлениями политической мысли.

Приход к власти консерваторов стимулировал коррекцию подходов к отношениям с метрополией. Стоит отметить, что достаточно оперативный поворот во внутриимперской политике Канады предвоенного периода был связан с особенностями её формирования. Департамент внешних сношений доминиона тогда представлял собой чисто техническое учреждение, находившись в ведении

премьер-министра, личные взгляды которого оказывали решающее влияние на отношения с Великобританией и другими автономиями. Поэтому показательнее всего специфика подхода Бордена к вопросам имперского взаимодействия раскрывается в сравнении с отношением к той же теме у Лорье.

Проекты имперской федерации виделись лидеру либералов выгодными в первую очередь метрополии: общие органы управления при дисбалансе потенциалов вели к втягиванию доминионов в глобальную военно-политическую стратегию Соединённого Королевства. Расширение реальной автономии представлялось ему куда выгоднее, чем любой вариант федерации.

Поэтому Лорье считал разумным максимально дистанцироваться от конкретной помощи метрополии, постоянно подчеркивая удовлетворенность Канады сложившимися имперскими отношениями и важность сохранения в них статус-кво. Подобной позиции политик придерживался с колониальной конференции 1902 г., на которой Джозеф Чемберлен прямо заявил, что «усталый титан подгибается под тяжестью выпавшего на его долю огромного небосвода, и настало время, когда отпрыскам пора помочь ему»¹³⁷. Показательна в этом смысле ситуация вокруг англо-бурской войны, когда либеральное правительство ограничилось доставкой в Южную Африку добровольцев, и вопрос о морской обороне, при обсуждении которого Канада принципиально отказывалась вносить денежный вклад на содержание имперского флота¹³⁸.

Нежелание метрополии привлекать доминионы к консультациям даже по ограниченному кругу внешнеполитических вопросов, облегчало Лорье продолжение его обычного курса. «Мы в Канаде не считаем себя обязанными предоставлять собственные армию и флот для любого военного конфликта, – сообщил он в ходе имперской конференции 1911 г. – Думаю, что в нынешних обстоятельствах разумнее обсуждать то, как вести войну главе нашей имперской семьи, кто в каких случаях должен разделять это бремя, или же она будет самостоятельно нести его целиком»¹³⁹. Таким образом, лидер либералов, хоть и считал свою родину неотъемлемой оставляющей Британской империи, но всё же частью автономной, то есть имевшей право на собственное мнение и даже

самостоятельную позицию. Тем более, что метрополия не давала преференций в ответ на особую лояльность и даже жертвы, а собственный прогресс доминиона вносил ощутимый вклад в укрепление совокупной мощи империи. Соответственно, если Канаду втягивали в войну, причиной которой она не являлась, и тем более не могла предотвратить, то следовало избегать участия в таком конфликте.

Борден закономерно имел иное видение ситуации. Крепость имперских уз он оценивал гораздо выше, общеимперский контекст считал определяющим для внутреннего положения в Канаде, а угрозу со стороны Германии – крайне серьезной¹⁴⁰. Соответственно, проекты федерации вызывали у него определенное внимание, при условии, что интересам Канады в них уделялось должное место. С его точки зрения, вступление в войну за интересы империи считалось необходимым в случае чрезвычайных обстоятельств, а проблему усиления имперского флота следовало серьезно проработать с целью нахождения приемлемого способа финансового участия в ней.

Уклончивая позиция Лорье виделась новому премьер-министру опасной, так как ставила под удар перспективы дальнейшего планомерного и устойчивого развития доминиона. Можно сказать, что процветание собственной страны в числе приоритетов – это та точка, в которой к 1910-м гг. сходились концепции империалистов и националистов. Но если предшественники считали лучшей стратегией избегание трудноразрешимых вопросов, то Борден с соратниками заняли активную позицию: они стали выступать с инициативами, сразу обозначая условия двустороннего сотрудничества с метрополией¹⁴¹.

В первую очередь, новый глава правительства постарался прояснить перспективы внутриконтинентальных отношений. В своих публичных выступлениях начала премьерского срока Борден подчеркивал обусловленность результатов выборов 1911 г. глубиной лояльности к Великобритании, а не антипатией к Соединённым Штатам, на сотрудничество с которыми рассчитывал консервативный кабинет¹⁴². Приход в 1913 г. к власти в США демократической партии, одним из ключевых пунктов предвыборной программы которой являлось

снижение тарифов, способствовал сохранению интенсивных и выгодных экономических контактов¹⁴³.

В ноябре 1911 г. в ходе выступления в Галифаксе Борден озвучил мысль касательно роли Канады во внешнеполитическом представительстве Британской империи, имея в виду выполнение посреднической функции в отношениях между метрополией и США. Все три страны имели общие культурные корни, характер политических институтов, находились в «постоянном социальном и коммерческом взаимодействии». При этом Оттава имела возможность обеспечивать эффективную связь между Вашингтоном и Лондоном, по мнению консервативного лидера, ибо зачастую была осведомлённее о местных настроениях, чем они друг о друге¹⁴⁴. Позволив, в соответствии с его планами, занять Канаде более активную позицию в отношениях с США, Великобритания получала бы двойную выгоду – освободилась от части рутинной дипломатии и приобрела военную помощь со стороны доминиона. «Действия Канады всегда должны быть направлены на гармонизацию отношений, а не на разлад между родной империей и величайшей республикой, – считал премьер-министр. – Я верю, что наша страна всегда будет гарантом уз прочной дружбы между ними»¹⁴⁵.

Сформулировав свои политические цели на Североамериканском континенте, Борден сосредоточился на имперских отношениях. Метрополия не допускала доминионы до полноценного обсуждения внешнеполитических проблем. Поэтому в июне 1912 г. канадский премьер-министр прибыл в Лондон, намереваясь выдвинуть предложения по укреплению имперской морской обороны, которые считал неоспоримым козырем при реализации своего плана. Его уверенность в успехе подкреплялась обострением англо-германского военно-морского соперничества и обещанием, данным британским руководством на имперской конференции 1911 г., об информировании автономий перед подписанием договоров, затрагивавших их интересы.

Тема военного флота и его финансирования владениями империи не теряла актуальности в англо-канадских отношениях, хотя в доминионе в 1910 г. уже была создана собственная Военно-морская служба, пусть и весьма скромная¹⁴⁶. В

североамериканской автономии ещё сохранялись сторонники, преимущественно среди консерваторов и империалистов, прямого субсидирования имперского флота. Борден намеревался разыграть эту карту: склонить парламент доминиона к вложениям в морские силы империи, взамен пообещав добиться от нее подвижек во внешнеполитической сфере.

Самым слабым местом этого плана являлось упование на готовность метрополии следовать по пути компромисса. Крайне высока была также вероятность негативной реакции принципиальных противников спонсирования военных нужд империи. В их число входили националисты разных направлений – в том числе пребывавшие в оппозиции либералы Лорье и франкоканадцы, союз с которыми стал залогом укрепления позиций консерваторов в Квебеке. Даже Фредерик Монк, один из немногих преданных союзников премьер-министра в провинции, еще в 1909 г. резко высказывался против участия Канады в любых морских программах¹⁴⁷.

Но это политическое предприятие в глазах канадского лидера было игрой, которая стоила свеч. Раз за разом, в частных высказываниях и публично, он подчеркивал, что военная контрибуция – адекватная цена за обретение доминионом голоса в имперской политике. «Пришло время перестать быть всего лишь молчаливым компаньоном столь великой империи, – провозглашал он. – Если сотрудничество всё же сложится, жители Канады обоснованно и справедливо предполагают иметь право голоса в этом союзе»¹⁴⁸.

По итогам поездки 1912 г. Борден привез два меморандума, подготовленных им совместно с первым лордом адмиралтейства Уинстоном Черчиллем. Гораздо большую ценность, несмотря на обтекаемость, для него представляло суждение британского премьер-министра Асквита о том, что просьбы доминиона о допущении во внешнеполитическую сферу получают шанс на реализацию в случае ощутимого вклада в дело морской обороны¹⁴⁹. Сделав слишком далеко идущие выводы, глава консерваторов открыто заявил на заседании парламента, что «ни один важный шаг во внешней политике впредь не будет предпринят без консультации с представителем Канады»¹⁵⁰. В ответ

министерство по делам колоний было вынуждено дать политику предостерегающие пояснения через генерал-губернатора. Однако Борден и его соратники не видели причин отступить, имея хоть сколько-то обнадеживающий задел. Слишком уж заманчивой была перспектива повысить статус доминиона, сделав первый шаг в ранее недоступную сферу.

Ведомый этой идеей, в начале декабря 1912 г. премьер-министр на свой страх и риск вынес на парламентское обсуждение билль о военно-морской помощи. Закон предполагал выделение субсидии в 35 млн. канадских долларов Королевскому военно-морскому флоту, что на тот момент равнялось примерной стоимости трёх кораблей класса дредноут¹⁵¹. Проект предсказуемо встретил активную оппозицию в лице «националистов», в том числе входивших в состав консервативной партии. Их претензии сводились к вопросу о том, не превратится ли эта «экстренная помощь», а именно так позиционировались отчисления, в регулярную практику, оттягивавшую средства от реализации внутренних проектов. Если не было гарантий обратного, то такая цена для смутных обещаний Асквита казалась им завышенной. После бурных обсуждений в апреле 1913 г., билль все же был принят палатой общин.

Месяцем ранее, вняв критике оппозиции, канадский премьер-министр отправил в Великобританию меморандум о долговременных планах в сфере военно-морской политики. Сформулированные в нём предложения во многом опирались на программу развития собственного флота, разработанную кабинетом Лорье. Они включали строительство крейсеров, доков, фортификационных сооружений, подготовку местных офицерских кадров. Вместе с тем, меморандум содержал и важные отличия: акцент на привлечение к строительству собственных боевых кораблей промышленных мощностей Канады, а также отказ от самостоятельных действий вне имперского флота в военный период. В конце Р. Борден вновь напоминал о политических предпочтениях, которые рассчитывал получить в обмен на сотрудничество¹⁵².

Этот шаг только усугубил обстановку. Сенат, где либералы имели преимущество, вернул билль о военно-морской помощи в палату общин,

классифицировав его как требующий доработки в соответствии с действовавшим законодательством Канады. Дебаты постепенно утратили дух здоровой соревновательности. Либералы были недовольны тем, что премьер-министр начал сводить на нет их морскую программу. Консерваторы, со своей стороны, возмущались действиям сената и апеллировали к тому, что никакие усовершенствования не пробьют «стеклянный потолок» его предвзятого настроения. В лондонских политических кругах взгляды на положение в Канаде были очень неоднозначны. Для консерваторов-империалистов, связанных с «Раунд Тейбл»[‡], реализация нового подхода Бордена к отношениям с Великобританией открывала заманчивые перспективы политической интеграции, тогда как либерал-империалистам была несравненно ближе модель Лорье, вполне успешно показавшая себя в ходе длительной практики.

Не терявший надежды на претворение своих планов в жизнь, консервативный лидер попытался следовать идее, которая зрела у него и ранее – реформировать сенат, сделав его выборным. Теоретически это можно было осуществить посредством референдума. Практически же, подобное предложение встретило еще более неоднозначную реакцию среди политических элит доминиона. В первой половине 1914 г. депутаты вновь и вновь возвращались к этим вопросам, сделав парламентскую сессию затяжной и малопродуктивной.

Премьер-министр поддерживал заинтересованность своей партии в дебатах обещаниями судостроительных контрактов и иными подобными проектами, одновременно апеллируя к высказываниям британских политиков. Либералы, в свою очередь, не сдавали позиций и всерьёз готовились к схватке на грядущих федеральных выборах, почувствовав слабости противника. Ещё в начале обсуждения билля о военно-морской помощи к ним вновь примкнули многие депутаты-националисты от Квебека, позицию которых разделяли неанглоговорящие мигранты, автономисты, боящиеся новых налогов

[‡] «Раунд тейбл» – организация, основанная в 1909 г. в Лондоне и занимавшаяся изучением политических проблем Британской империи с целью содействия укреплению её единства.

профсоюзы¹⁵³. Одна партия имела парламентское большинство, другая толкала сенат к обструкционизму, а компромисс между ними был далек, как никогда.

Политические разногласия, перспективы выборов, реформа сената и морская программа разом отошли на второй план 4 августа 1914 г., когда Канада в качестве части Британской империи вступила в Первую мировую войну.

1.2. Общественно-политические настроения в Канаде и назревание кризиса имперских отношений (1914-1916 гг.)

Сложно назвать вступление Канады в Первую мировую войну полностью осознанным. Удалённые географически и оттеснённые от имперской дипломатии политики доминиона довольствовались примерно теми же сведениями о европейской ситуации, что и рядовые граждане, получавшие информацию из прессы. Хотя 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия уже объявила Сербии войну, официальный печатный орган правительства «Канада Газет» продолжал публиковать сведения административного и финансового характера, напрямую не касавшиеся перспектив участия Британской империи в разгоравшемся конфликте¹⁵⁴.

О степени неосведомленности также свидетельствует и то, что первые лица страны в конце июля находились на отдыхе. Если премьер-министр хотя бы оставался в провинции Онтарио, то генерал-губернатор вовсе отправился в Альберту¹⁵⁵. Роберт Борден был вызван из отпуска срочным сообщением о кризисном состоянии международных отношений в Европе. По возвращении в Оттаву 1 августа 1914 г. он обнаружил, что все пребывали в тревожном предчувствии начала войны¹⁵⁶. После вторжения немецких войск в Бельгию, Великобритания поставила Германии ультиматум. Пока в Лондоне напряженно ожидали ответа, по всей империи уже звучали патриотические призывы. Заседавшие в Оттаве депутаты могли слышать, как около четырёхсот наиболее

инициативных граждан, собравшихся перед зданием парламента, пели не только «Боже, храни короля», но также «Кленовый лист навсегда» и «Марсельезу»¹⁵⁷.

Энтузиазма не разделяли только два больших этнических сообщества. Хотя в Монреале наблюдалось оживление, оно исходило от англоканадцев. Франкоканадцы, в свою очередь, с настороженностью восприняли известие об угрозе войны, памятуя о перспективе военного рекрутирования¹⁵⁸. Сложно обстояла ситуация среди мигрантов германского и австро-венгерского происхождения, часть из которых ещё не потеряла связей с родиной.

Великобритания объявила войну Германии 4 августа 1914 г. и вслед за метрополией в конфликт вступили её доминионы. Столь быстрое и однозначное выражение солидарности могло показаться внезапным, особенно в свете последних дискуссий о военно-морской помощи, а также сохранявшегося скептицизма националистов и континенталистов относительно участия в конфликтах за интересы страны-матери. Но всё это вполне вписывалось в более широкий контекст отношений между метрополией и доминионами. Их отличительной чертой, даже в условиях постепенного изменения баланса сил в империи, оставалось сохранение на всех уровнях прочных и многообразных связей как официального, так и неофициального характера. Великобритания только начала осознавать снижение результативности традиционных методов руководства, потребность в выработке новых принципов и путей реализации своей власти и контроля¹⁵⁹. Лондон откладывал практические изменения, а руководство доминионов пока не настаивало на них, поэтому единство действий в случае войны по собственной инициативе или просьбе страны-матери считалось само собой разумеющимся.

К 1914 г. динамика имперских отношений характеризовалась начинавшимся переходом от принятия принципиально важных решений путём административного давления к режиму диалога, потому как автономии всё больше ориентировались на свои национальные интересы. Однако в момент вступления Великобритании в Первую мировую войну поддержка ей была предоставлена без какого-либо нажима и единогласно. У автономий имелись свои социально-

психологические причины для такого поступка. Участие в столь масштабных международных событиях могло дать перезагрузку внутривластной стагнации, сложившейся из-за отсутствия у консерваторов возможности реализовать новые проекты, а у либералов – сил уверенно их сместить. К перемирию стороны пришли быстро и единодушно. Программные разногласия, идеологическое соперничество, даже самые острые вопросы, включая законопроект о предоставлении военно-морской субсидии Великобритании, были отброшены в августовские дни 1914 г.

Позиция многих либералов-националистов претерпела значительные изменения, сблизив их с консерваторами, чей патриотический настрой вполне вписывался в империалистические воззрения, разделяемые большинством партии. В первую очередь, политиков пугала исходившая от германского милитаризма угроза внешним интересам Канады. Противостояние ему посредством оказания посильной помощи Великобритании, объективно являвшейся основой военной мощи империи, совпадало с представлениями умеренных националистов о допустимых пределах соучастия в глобальной стратегии метрополии. Участие в войне выглядело предпочтительнее ранее пропагандируемого либералами дистанцирования и с точки зрения внутренней политики могло вдохнуть новые силы в экономику и сгладить социальную напряженность. Наряду с военно-политическими и социально-экономическими задачами, воззрения элит в этот период обуславливались доминировавшими в обществе настроениями. Среди канадцев британского происхождения закономерно распространились настроения англо-саксонской солидарности, а имперский патриотизм объединял их с гражданами из других этно-конфессиональных общностей, ощущавших себя «под защитой» Великобритании в столь угрожающих обстоятельствах.

Оставшийся на посту главы либеральной партии Уилфрид Лорье, ранее крайне скептически относившийся к участию доминиона в военных кампаниях метрополии, выступил на чрезвычайной сессии парламента. «Спешу заявить, что мы готовы дать немедленное согласие на все чрезвычайные меры, – сообщал он депутатам. – Мы не будем <...> критиковать их, пока есть военная угроза. Пусть

весь мир увидит, что Канада – дочь старой Англии и намерена поддержать её в разворачивающемся противостоянии»¹⁶⁰.

Подобный прилив патриотизма в политических верхах и у рядового населения был характерен для всех территорий Британской империи. Хотя в современном глобализированном мире эмоциональная вовлечённость людей, находящихся за тысячи километров от эпицентра конфликта и не затронутых напрямую его причинами, стала обычным явлением, воодушевление канадцев или австралийцев начала XX в. может показаться чрезмерным. Но именно тогда, под влиянием «нового империализма» и гражданского национализма, для населения этих автономий была характерна сложная структура идентичности. Например, житель конкретной провинции ощущал себя одновременно включенным в сообщества на уровне региона, доминиона и империи, которые встраивались друг в друга. Поэтому в критической ситуации происходило своеобразное ранжирование, когда гражданский национализм молодых стран уживался, а порой уступал место имперскому патриотизму.

Ярким примером подобного непростого самоопределения служил квебекский националист Анри Бурасса. Ратовавший против участия Канады в англо-бурской войне и самой практики участия в британских войнах, теперь он не развернул протестной кампании. Рассуждая о сложившейся ситуации на страницах своей газеты «Ле Девуар», он в достаточно сдержанных выражениях напомнил, что «Англия и Франция связаны с нами множеством этнических, социальных, интеллектуальных и экономических уз»¹⁶¹.

Ежедневная пресса оставалась на протяжении войны главным источником информации для всех жителей Канады, включая высшее руководство страны. В августе 1914 г. абсолютное большинство изданий отреагировало на происходившее в едином порыве. Отличавшаяся прежде либерально-пацифистскими настроениями «Глоуб» утверждала теперь, что «это больше не война Австрии против Сербии. <...> Это борьба за национальную целостность, гражданские права и демократию. Это извечная борьба человеческого духа, либерального и вдохновенного, против наглой, привилегированной автократии,

основанной на уверенности в собственном божественном праве, опирающемся на грубую военную силу. Это новый этап в мировой борьбе за свободу». Для доминиона, продолжала «Глоуб», война означает также и «объединение всех канадцев ради обороны своей страны, защиты целостности империи, сохранения британских идеалов демократического правления и образа жизни»¹⁶². Готовность к жертве ради общего блага звучала со страниц монреальской «Дэйли Стар». «Даже если мы проиграем в этой битве против двух величайших армий мира и покинем круг великих держав, – говорилось в статье, – наша империя станет одной из вех на трагическом пути человечества»¹⁶³.

Не отставала и зачастую даже превосходила в изобретательности своих столичных коллег региональная печать. Влиятельная в то время «Манитоба Фри Пресс» вышла 7 августа с иллюстрацией популярного карикатуриста Бена Батсфорда. На ней огромный двуглавый орел, символизовавший Германию, накрывал собой континент и одной головой клевал олицетворявшего европейский миропорядок воробушка[§], а другую повернул в сторону уже готового к прыжку британского льва¹⁶⁴. Ясно и решительно выразила свою позицию ванкуверская «Дэйли Провинс»: «Больше не может быть разговора о нейтралитете. Канада говорит не дрогнувшим голосом – мы едины, мы готовы, пора нанести удар, пока не стало слишком поздно»¹⁶⁵.

С момента начала сражений и вплоть до перемирия первые полосы газет всегда были отданы под военные новости. Некоторые издания сокращали традиционные рубрики ради фронтовых сводок. Так, «Галифакс Геральд» в Новой Шотландии выходила с августа до середины октября 1914 г. даже без колонки редактора¹⁶⁶.

Начиная с 4 августа с горячими призывами журналистов и публицистов начали соседствовать более официальные материалы. Первым среди них стало обращение короля Георга V к колониям. В нём глава огромного государства выражал надежду на твердость и лояльность всех его частей перед лицом

[§] Воробей символизировал слабость и незащищенность европейского мирного равновесия.

опасности. «Я буду стойко держаться, – резюмировал английский монарх, – при исполнении лежащего на мне величайшего долга, сохраняя уверенность в том, что в эти времена моя империя останется единой, спокойной и решительной»¹⁶⁷.

Было бы преувеличением утверждать, что поддержка участия Канады в войне была абсолютной. В стране присутствовали социальные и этнические группы, настороженно относившиеся к её вступлению в конфликт. Однако ни одна из них не имела организованного политического представительства на федеральном уровне. Даже наиболее влиятельный автономист Юарт отошел на время от активной деятельности, завершив в 1914 г. выпуск серии памфлетов под общим названием «Кингдом пэйперс». Свой взгляд на войну он высказал только в 1925 г., вернувшись к читателям с книгой «Причины и корни войны (1914-1918 гг.)». В ней автор ограничился характеристикой экспансии как естественного следствия империализма великих держав. Однако к Великобритании это имело опосредованное отношение. Признавая её самой «пресыщенной» стороной конфликта, Юарт утверждал, что Лондон руководствовался исключительно страхом потерять лидерское положение, а не угрозой территориальных потерь¹⁶⁸.

Спеша на помощь метрополии, Канада начала готовиться к отправке войск в Европу. Уже 6 августа 1914 г. кабинет Бордена объявил о формировании армейских подразделений, куда должны были входить профессиональные военные, а также могли записаться добровольцы. К 10 августа власти метрополии запросили канадский контингент численностью 25 тыс. человек¹⁶⁹. Но министр милиции и обороны полковник Самуэль Хьюз решил не следовать установленной ранее схеме мобилизации. Чтобы продемонстрировать стране-матери усердие, он начал чрезмерно активную вербовку добровольцев, чем создал неразбериху в своем ведомстве. Когда 21 сентября 1914 г. премьер-министр посетил главный тренировочный лагерь Валкартье, там находилось уже 31,2 тыс. человек¹⁷⁰. По оценкам Канадского военного музея, всего за осень 1914 г. подготовку на этой базе прошло около 35 тыс. человек¹⁷¹.

Первая дивизия отплыла в Европу 3 октября 1914 г. Днём ранее полковник Хьюз произнес перед ними напутственную речь. «Солдаты! Мир смотрит на вас

как на чудо, – заявил министр обороны, – Через шесть недель вы уже вернетесь домой. <...> Вы совершенствовались в стрельбе, а ваша физическая форма – как кадровых военнослужащих, так и добровольцев, – лучшая, с которой когда-либо сталкивался враг. Так покажите на поле битвы в Европе всё, на что способны, с тем же настроем, с каким проделали эту замечательную работу»¹⁷².

Сложно с уверенностью сказать, насколько эта речь была пропагандистской, а министр, славившийся эмоциональной эксцентричностью, верил в сказанное. Столь же непросто вынести однозначные суждения о многочисленных публичных выступлениях подобного характера. Однако есть все основания говорить о жесточайшем разочаровании от столкновения с реальностью Первой мировой войны, которое вскоре постигло канадцев, от высокопоставленных чинов до рядовых солдат. Ведь большинство жителей автономии в 1914 г. действительно верило в окончание конфликта примерно к Рождеству¹⁷³.

Параллельно проходила самая короткая парламентская сессия в истории Канады, отличавшаяся политической консолидацией и отсутствием критики¹⁷⁴. Её результатом стал Акт о военных мерах от 22 августа 1914 г.¹⁷⁵. Правительство значительно расширило собственную компетенцию за счёт передачи ему части полномочий парламента, очередная сессия которого открылась только 4 февраля 1915 г. Наиболее примечательной стала шестая статья закона, свидетельствовавшая о широте применения чрезвычайного законодательства. В соответствии с ней, генерал-губернатор имел право санкционировать любые меры для обеспечения безопасности, обороноспособности, порядка и благополучия, необходимость в которых могла возникнуть по причине «фактической или предполагаемой войны, вторжения, восстания»¹⁷⁶. В сфере полномочий исполнительной власти оказались цензура, применение мер по ограничению свободы граждан, включая арест и депортацию, полный контроль за любым транспортом и береговой линией, а также право использования частной собственности вплоть до конфискации имущества¹⁷⁷.

Первые признаки спада патриотического порыва проявились среди непосредственно осведомлённых о ходе военных действий уже зимой 1914-1915 гг. Для остальных степень ошибочности ожиданий открывалась постепенно. Борден изначально предупреждал соотечественников о том, что это может быть «величайшая война, которой мир доселе не знал»¹⁷⁸. И в самом деле, победный финал, в котором не сомневались буквально в начале осени, к новогодней поре даже не намечался.

Более того, к этому времени первые из прибывших в метрополию канадских частей даже не выдвинулись на поле боя. Оказалось, что, вопреки бравурным уверениям военного министра, нескольких недель элементарных тренировок недостаточно для эффективного участия в войне нового типа. По всей империи канадцев, как и новозеландцев с австралийцами, считали прирождёнными солдатами. Предполагалось, что они по натуре агрессивные, крепкие, закаленные условиями естественной среды проживания¹⁷⁹. Тем не менее, это не компенсировало отсутствие у новобранцев реального боевого опыта, привычки к воинскому распорядку и субординации. Условия подготовки не добавляли энтузиазма: осенью добровольцев размещали в тренировочных лагерях канадской милиции, не предназначенных для использования в холодное время года, или даже нежилых помещениях¹⁸⁰.

Британская сторона тоже вносила «вклад» в затягивание подготовки, прежде всего вследствие организационных просчётов и слабого контроля за ходом рекрутирования в странах империи. Так, отправка следующей группы канадских добровольцев задерживалась из-за неготовности тренировочного лагеря на солсберийской равнине. Только в сентябре 1915 г. вторая дивизия смогла присоединиться к частям, ранее отправленным во Францию, где они составили отдельный Канадский корпус.

Стоит отметить, что к этому моменту первая дивизия уже отличилась во время второй битвы при Ипре 22 апреля – 25 мая 1915 г., показав способность заокеанского формирования противостоять армии «Старого Света». Длительное сражение стимулировало новый всплеск патриотизма. Когда на здании редакции

газеты «Монреаль Стар» приспустили флаг после оглашения очередного списка погибших при Ипре, анонимный читатель отреагировал критическим замечанием: «Демонстрировать скорбь по поводу потерь будет уместно, – говорилось в письме, – <...> когда война закончится, а сейчас я думаю, что мы должны демонстрировать гордость, а не траур»¹⁸¹.

И действительно, вопреки нараставшим тяготам, в настроениях населения ещё не произошло существенных перемен. Заметная оппозиция по-прежнему отсутствовала, поток добровольцев и активность различных общественных организаций сохранялись. Хотя канадцы уже принесли первые жертвы на алтарь имперского единства, в конце 1914 – начале 1915 гг. сохранялось очевидное патриотическое воодушевление. Причиной этого, в первую очередь, было непонимание гражданами размаха конфликта, чему способствовал их весьма скромный военный опыт. Они продолжали ориентироваться на материалы газет, которые находились под контролем цензуры. Даже политики доминиона не имели полного доступа к оперативной информации.

Стабильности настроений способствовало и то, что до середины 1915 г. правительство автономии пользовалось правом на введение чрезвычайного законодательства достаточно осторожно. Это оказалось возможным благодаря сохранению ресурсов периода экономического процветания, гражданской активности, настрою на консолидацию в обществе. Постепенно кабинету Бордена всё же пришлось пойти на особые меры, прежде всего хозяйственного характера. Но в указанное время многие из дальнейших шагов правительства населению сложно было даже вообразить.

Наконец, в воюющей Канаде, как и в мирное время, отсутствовала воинская повинность. Для представителей многих политических, этнических и социальных групп это имело принципиальное значение. Канадский корпус формировался исключительно на добровольных началах при участии профессиональных военных, мобилизованных по присяге. Поэтому жители доминиона, негативно относившиеся к войне, могли дистанцироваться от участия в ней.

Однако перемены постепенно намечались, ударив в первую очередь по тем, кто, пусть и безмолвно, не разделял имперского милитаристского энтузиазма. Благодаря активной иммиграционной политике на заре XX в., к 1914 г. в Канаде проживало свыше 580 тыс. выходцев из стран германского блока, среди которых 393 тыс. уроженцев Германской империи, хотя этническими немцами из них являлись только 39,5 тыс. человек¹⁸². В большинстве своём они были квалифицированными рабочими, а некоторые даже состояли на государственной службе. Следующую по численности группу, около 190 тыс. человек, составляли прибывшие из Австро-Венгрии, отличавшиеся этнической пестротой¹⁸³. Кроме австрийцев и венгров, к ней относились галичане, чехи, сербы, хорваты, словенцы, русины, украинцы и т.д. Многие из них прибыли в Северную Америку задолго до начала войны и не планировали возвращаться. Около 60 тыс. бывших австро-венгерских подданных, например, уже натурализовались¹⁸⁴. Тем не менее, власти рассматривали многочисленную прослойку выходцев из Центральных держав как потенциальную проблему.

Проницаемость границы с США, державшими нейтралитет, сохранялась очень высокой, а средства миграционного контроля оставляли желать лучшего, создавая опасность приграничной диверсии и шпионажа. Кроме того, многие мигранты из вражеских государств продолжали состоять в них на военном учете. Например, австро-венгерские резервисты были призваны по закону еще 26 июля 1914 г., и в Виннипеге местный священник открыто проповедовал перед украиноговорящей паствой необходимость исполнения воинского долга. Канадским властям пришлось принять меры к их задержанию¹⁸⁵.

Акты и прокламации августа 1914 г. сохраняли за большинством выходцев из стран-противниц все довоенные права при условии неоказания помощи врагам Британской империи. «Приняв их как граждан нашей страны, – объяснял Борден, – мы должны, несмотря на нынешние сложные обстоятельства, проявить к ним внимание и уважение»¹⁸⁶. Но ряд мер, вызванных сложившейся ситуацией и общественным мнением, всё же был предприняты.

Так, в сентябре 1914 г. уроженцы всех вражеских государств лишались права владения огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, а в октябре того же года для них вводилась система регистрации полицейскими органами. Мигрантам из Германии и Австро-Венгрии полагалось встать на учёт, а за уклонение от регистрации, отсутствие ежемесячной явки или подозрение в пособничестве врагам их отправляли в лагеря, созданные для этой цели министерством обороны¹⁸⁷. За время войны в базе данных полиции оказалось более 80 тыс. «вражеских переселенцев», 8,6 тыс. из которых были заключены в 24 лагеря, преимущественно на территории Онтарио и Британской Колумбии¹⁸⁸. За счёт интернированных федеральные власти пытались пополнить нехватку рабочей силы, вызванную уходом трудоспособного населения на фронт. С 1916 г. государство позволяло горнодобывающим и железнодорожным предприятиям использовать их труд по сниженной зарплатной ставке¹⁸⁹. Одновременно были лишены гражданства недавно натурализовавшиеся и продолжавшие говорить на родном языке, а в 1917 г. «вражеские переселенцы» потеряли право голоса.

Определенная опасность со стороны агентов разведки противника или недавних мигрантов действительно могла существовать. Но основной удар правительственных мер и общественного мнения пришелся на рядовых мирных граждан. «Я прибыл в Канаду, которую считал очень радушным местом, – писал премьер-министру фермер из провинции Саскачеван, – но я – немец. Меня клянут последними словами, хотя я не причинял никому вреда и не хотел бы сделать это, защищаясь. Вот если бы они просто оставили меня в покое! Только сегодня человек позволил себе назвать меня отвратительным германским отбросом»¹⁹⁰.

Примечательно, что никто не встал на защиту притесняемых мигрантов. Наоборот, широкие слои населения только сплотились, видя в них воплощение образа врага. Это приводило к ожесточению граждан, квалифицированных как «опасные», росту нетерпимости внутри общества, превышению должностных полномочий и злоупотреблениям властью в отношении бывших подданных государств-противников. Десятки тысяч человек получили клеймо людей второго

сорта и превратились в заложников неотлаженной системы ассимиляции, оставаясь чужаками даже спустя десятилетие с момента переезда в Канаду.

Подобные «новшества» ускорили изменения отношения к войне франкоканадцев: от допущения необходимости помощи Британской империи или безоценочного дистанцирования от войны через сомнения к её открытому неприятию. Ведь они тоже неоднократно становились объектом дискриминации, а их лояльность к федеральным властям и Великобритании регулярно подвергалась сомнению. Выразителем мнения многих из них стали франкоязычные националисты, самым популярным из которых оставался Анри Бурасса. Его отношение к европейскому конфликту быстро становилось все более скептическим, что выделяло публикации «Ле Деуар» на фоне остальной прессы.

Уже в сентябре 1914 г. вышла статья Бурасса «За войной следует голод», поводом к которой явилось предложение лорда Мильнера о мобилизации сельскохозяйственного населения¹⁹¹. По мнению автора, такая мера бы прямым путем к продовольственному кризису, а не залогом существенного стратегического преимущества. В данной публикации Бурасса впервые противопоставил интересы и нужды Великобритании канадским. На фоне повсеместного декларирования их единства это было достаточно смелым заявлением.

В той же статье он сформулировал главную задачу своих будущих публикаций: «Я постараюсь добросовестно и честно исследовать, а позже откровенно осветить все те вещи, что мне покажутся важными для спасения Канады, а, следовательно, и империи, от многочисленных бедствий. Бедствий, о которых люди уже начали говорить за закрытыми дверями, но пока не находят в себе мужества привлечь к ним внимание правительства и объединиться для их предотвращения. <...> Грандиозные и поразительные события, которые мы можем сейчас наблюдать в Европе, заставили меня понять различие между самоотверженным патриотизмом, искренней преданностью общественному благу и убогой эксплуатацией этих священных понятий»¹⁹². Давая обещание обсуждать

неудобные вопросы и помогать канадцам лучше понять войну, Бурасса не причислял себя к принципиальным противникам участия в имперских войнах.

Следом вышла серия аналитических статей под заголовком «Страницы истории». Основываясь на выступлениях и коммюнике министра иностранных дел Великобритании Эдварда Грея, Бурасса намеревался максимально осветить общемировой контекст сложившейся ситуации. Он обращал внимание читателей на то, что метрополия отказалась вступить за Сербию в июле 1914 г. и даже уверяла Германию, что будет держаться в стороне от конфликта на Балканах. Кроме того, вплоть до 2 августа Великобритания не планировала направлять свой военно-морской флот для оказания помощи Франции и России, где мобилизация началась уже в конце июля¹⁹³. Таким образом, английская дипломатия даже не попыталась урегулировать кризис, максимально дистанцировавшись от поисков его компромиссного решения, чем только усугубила ситуацию. Далее публицист открыто называл причиной вступления империи в войну корыстные интересы метрополии, замаскированные моральными обязательствами перед Бельгией, а самих англичан – «лживыми искателями примирения»¹⁹⁴.

В ноябре 1914 г. журналист представил читателям сочинение под заголовком «Настоящий лоялизм», где призывал сограждан поставить во главу угла их национальные интересы, в первую очередь – экономическое процветание и гражданское единство, не впадая в «анемию колониализма или империалистическую горячку»¹⁹⁵. По его мнению, для доминиона, не имевшего прямого отношения к стоявшим на повестке дня европейским проблемам, было противоестественно прикладывать такие масштабные военные усилия для их разрешения.

Квебекские газеты реагировали на публикации «Ле Девуар» по-разному, но в целом критически. Так, редакции «Ле Пэи», «Ле Клэрон» и «Ле Солей» смотрели на Бурасса как на политического агитатора и демагога, который по наивности не понимал всей серьезности мировой войны и опасности поражения в ней. Англоязычные «Монреаль Дэйли Мейл» и «Монреаль Стар» разделяли мнение коллег, считая высказывания публициста ошибочными и несвоевременными. «Ла

Парти», одна из самых крупных франкоязычных газет, называла войну временем для компромисса национализма и империализма. Служители католической церкви со страниц «Л'аксьон Социаль» и вовсе напоминали жителям провинции о их гражданском долге перед всей своей огромной родиной¹⁹⁶. Но так как мотивом своих исследований Бурасса называл именно преданность доминиону и его интересам, оппоненты вскоре были вынуждены прекратить открыто обвинять публициста в отсутствии лояльности. Тем не менее, на раннем этапе войны многие квебекские журналисты и общественные деятели демонстративно отмежёвывались от критически настроенного коллеги, стараясь подкрепить собственную лояльность нападками на него¹⁹⁷.

Доминирующей тенденцией среди англоязычной прессы являлось подчеркнутое игнорирование Бурасса. По мнению большинства редакторов, причины вступления Канады в войну и развернувшаяся бурная деятельность были естественны, понятны в равной мере всем сплотившимся канадцам и не стоили повторного обсуждения. Квебекский публицист воспринимался ими как охотник до лёгкой славы, находившийся во власти предрассудков и желавший посредством скандалов привлечь к себе внимание. Редкие издания готовы были вступить с ним в полемику, а некоторые даже предлагали арестовать как предателя¹⁹⁸.

Среди самих франкоканадских националистов в начальный период войны не было единства. Арман Лавернь и Омар Эру в принципе соглашались с Бурасса, но на практике склонялись к поиску компромисса с властями. Жюль Фурнье считал влияние империализма на вступление Канады в европейский конфликт преувеличенным. Оливар Асселин отстаивал необходимость защиты прародины – Франции и осуждал католическую церковь провинции, которая пыталась воспользоваться ситуацией с целью повышения своего политического престижа и влияния на прихожан¹⁹⁹.

Несмотря ни на что, активность Бурасса не ослабевала. В ноябре 1914 г. он издал памфлет «Долг Канады в нынешний час». В нём он признавал, что доминион не мог проигнорировать войну, будучи должником Великобритании, ранее оказывавшей ему регулярную экономическую поддержку. Однако, предоставляя

военную помощь метрополии, доминион не должен был подрывать собственную внутреннюю стабильность²⁰⁰. «Все говорят об обязательствах Канады перед Великобританией и Францией. Но кто подумал о её обязательствах перед собой?» – негодовал публицист²⁰¹. Для сформировавшейся нации никогда не поздно признать свои ошибки и сделать правильные выводы, считал Бурасса. По его утверждению, долг Канады состоял в том, чтобы решить ряд неотложных задач, актуальных и для неё, и для самой метрополии. В первую очередь – сплочение вокруг парламента, который должен наладить контакт с теми, кого представляет. Совместно они смогли бы компенсировать изначальную неподготовленность страны к войне за счёт разумных мер – интенсификации сельского хозяйства, пересмотра морского торгового тарифа, тщательного экономического планирования на федеральном уровне.

В идейно-политической области главной слабостью соотечественников публицист считал недостаточную, по сравнению с англичанами, гражданскую активность и самостоятельность, что обуславливалось отсутствием собственного суверенитета. Когда пришла беда, метрополия отбросила «имперские сантименты» и предпочла торговать с США из соображений собственной выгоды, преподнеся «с восхитительной откровенностью урок настоящего патриотизма», указывал франкоканадец²⁰². Поэтому необходимо было действовать аналогично, исходя из своих приоритетов: добиваться рекрутирования пропорционально численности населения, и пересмотра «бессловесного положения», при котором Канада превратилась в слепого исполнителя военно-стратегических планов Великобритании. По убеждению Бурасса, импульсивно исчерпав ресурсы, доминион навредил бы самому себе и не получил ответную поддержку метрополии. Тем более не стоило провоцировать раскол общества, памятуя о выполнении общего долга – обеспечения благополучия Канады²⁰³.

В начале войны канадский рынок нервно отреагировал на изменение международной обстановки, но тревога быстро сменилась подхваченной у метрополии твердостью. «Девиз, который Великобритания приняла для военного времени, прекрасно выражает спокойствие, уверенность в себе и сноровку

британского предпринимателя перед лицом суровых обстоятельств – «Вести бизнес как обычно», – передавала настрой деловых кругов «Монреаль Стар»²⁰⁴. Поэтому в 1914 г. федеральные власти взяли курс на максимальное сохранение характеристик «мирной» экономической модели, вводя лишь ситуативные новшества. Например, в банковское и валютное законодательство, чтобы облегчить государству кредитование и расчеты в сфере военных нужд²⁰⁵. Недостающие средства компенсировались за счёт использования стабилизационных фондов, выпуска фидуциарных денег**, и займа в 60 млн. долларов на Лондонской бирже²⁰⁶. Сохранение бюджетного профицита предполагалось обеспечить повышением косвенных налогов, акцизов, вводом сбора на импорт²⁰⁷. Однако даже эти шаги казались многим неоправданными в свете стойких надежд на непродолжительную войну.

Вопреки ожиданиям, к 1915 г. экономическая ситуация в Канаде ухудшилась настолько, что для следования «мирному» образцу правительству Бордена пришлось взять кредит на 45 млн. долларов в Нью-Йорке после получения отказа из Лондона²⁰⁸. Менее выгодные условия займа бросили тень на репутацию консерваторов, пришедших к власти с антиконтиненталистскими лозунгами. А позиция, занятая метрополией, больно уколола канадцев, ориентированных на совместную работу ради общей победы.

Стабильную прибыль в тот период получали только крупные производства, переориентировавшиеся на военные заказы. Усиление под влиянием чрезвычайных обстоятельств бюрократизма и появление тревожных настроений спровоцировали коррупцию такого масштаба, что в апреле 1915 г. пришлось организовать специальную комиссию для контроля за контрактами и подрядами, связанными с армией. После серии скандальных разбирательств собственный комитет по вооружениям было решено заменить филиалом министерства военного снабжения Великобритании. Несмотря на рост цен, наметился спад даже в

** Фидуциарные деньги — средства обращения (обычно банкноты), не обеспеченные запасом благородных металлов. Функционировали как платёжное средство на основе государственного закона, указывающего принимать их по номиналу.

уверенно рентабельном аграрном секторе²⁰⁹. В условиях резко возросшего спроса на сырье и продукты питания, переориентации на нужды фронта, рекрутирования трудоспособных мужчин фермеры с трудом справлялись с новыми задачами. Эти проблемы усугублялись конкуренцией с сельским хозяйством США. Тем не менее, первые полтора года войны премьер-министр продолжал придерживаться традиционной политики невмешательства в дела бизнеса, надеясь на саморегуляцию экономики²¹⁰.

Поворотом к неизбежной милитаризации хозяйства стало обсуждение проекта национализации железных дорог, значение которых колоссально возросло для столь обширной страны. Такого рода планы, появившиеся ещё в начале XX в., не получили тогда одобрения чиновников и бизнесменов. Но в 1915 г. их поддержал, например, Томас Шонесси – президент Канадской тихоокеанской железной дороги²¹¹. Вхождение темы в повестку дня свидетельствовало о готовности предпринимателей отойти от довоенных норм ведения бизнеса и потере властями уверенности в стабильности хозяйственной ситуации.

Закономерным следствием нараставших трудностей стало падение уровня жизни населения. Предприятия стремились минимизировать расходы, провинциальные муниципалитеты сворачивали общественные работы. Во всех регионах Канады, за исключением удачно располагавшихся на пути в Великобританию приморских провинций, доходы рабочих и служащих значительно сократились. Переживавшие подъём профсоюзы, с одной стороны, препятствовали нарушениям трудовых договоров, незаконным увольнениям и организовывали систему взаимопомощи пострадавшим от безработицы, а с другой стороны, способствовали возобновлению стачечного движения²¹².

Между тем, война приняла затяжной позиционный характер. Поэтому британские власти считали возможным всё активнее запрашивать у доминионов масштабную материальную и людскую помощь. Обстановка в имперских отношениях рубежа 1914–1915 гг. располагала к этому. В сентябре 1914 г. премьер-министром Австралии стал лейборист Эндрю Фишер. В ходе предвыборной кампании он произнес речь, слова из которой обрели необычайную

популярность во всей империи: «Даже если произойдет самое худшее, австралийцы продолжат стоять плечом к плечу с метрополией, чтобы помогать и защищать её до нашего последнего солдата и нашего последнего шиллинга»²¹³. Новую Зеландию с 1912 г. возглавлял представитель консервативной Реформистской партии Уильям Мэсси. Его телеграмма британскому парламенту гласила: «Все мы и всё, чем мы владеем, в распоряжении британского правительства»²¹⁴. Метрополия не преминула воспользоваться столь щедрыми предложениями. В первую очередь она нуждалась в крупных регулярных пополнениях военных формирований.

В Канаде рекрутирование продолжалось с нарастающим размахом. В июле 1915 г. численность её вооруженных сил достигла 150 тыс. человек, а в январе 1916 г. – уже 500 тыс. человек²¹⁵. В результате к осени 1916 г. канадский экспедиционный корпус увеличился до четырех дивизий. Для страны, населения которой перед войной не достигло 8 млн. человек, это были поистине внушительные цифры. Большая заслуга в развёртывании массовой армии принадлежала многочисленным общественными организациями, которые активно популяризировали волонтерство. Особенно усердствовали женщины, предложения которых доходили вплоть до регистрации всех мужчин призывного возраста²¹⁶. Их активность имела не только патриотические основания: канадки стремились подражать британским активисткам-общественницам, а растущая численность войск позволила бы проводить ротацию контингентов, ускорив возвращение их уже служивших братьев и мужей. На сохранение энтузиазма работали и другие факторы. Например, многие в тот момент расценивали военную службу как источник стабильного дохода²¹⁷.

Подобная самоотверженность канадцев отнюдь не являлась залогом успешного взаимодействия с метрополией. Осложнения в отношениях между Оттавой и Лондоном на почве управления канадским армейским корпусом возникали уже в первые годы конфликта. Изначально доминион следовал по аналогии с англо-бурской войной – без возражения передал все бразды правления Великобритании. Действия британских армейских администраторов и фронтового

командования представляли собой пример несогласованности, путанной иерархии, противоречивых команд и столкновений личных амбиций. Зачастую канадское министерство милиции и обороны вообще не было в курсе перемещений своих войск или того, к кому в данный момент стоило обращаться по конкретным вопросам. Ситуацию в сфере коммуникации несколько улучшило создание в ноябре 1916 г. британского министерства по делам заморских сил. Однако оно обеспечивало только информирование без возможности какого-либо взаимодействия сторон. Всё прямое оперативное управление войсками по-прежнему оставалось в руках метрополии.

С 1914 г. канадскими частями командовал генерал-майор Эдвин Элдерсон, который уже имел опыт работы с ними во время англо-бурской войны²¹⁸. Хотя изначально его кандидатура получила одобрение министра милиции и обороны С. Хьюза, вскоре он же вступил с ним в затяжной конфликт. Британский военачальник считал подготовку вверенных ему солдат незавершённой, а винтовку Росса, к выбору которой на основании кумовства приложил руку сам Хьюз, – недостаточно надежным оружием²¹⁹. Вероятно, военного министра подстегивала к критике Элдерсона и своеобразная ревность: из-за его склонности к импульсивным поступкам и эмоциональной манере общения канадские солдаты не испытывали к нему особого расположения, зато вполне сработались с выходцем из метрополии.

Именно Элдерсон в результате был обвинен канадскими властями, а также британским руководством в провале наступления при Ипре в апреле 1915 г. и последующих потерях. Весной 1916 г. после операции в районе Сент-Элуа Элдерсона вообще сместили и перевели на штабную должность. При критическом осмыслении хода сражения становилась очевидной куда большая роль целого комплекса факторов организационного и личностного характера, чем его личные промахи²²⁰. Несмотря на это, ни высшее британское военное руководство, ни власти доминиона не вступились за него. Должность командира корпуса вновь занял англичанин – генерал-лейтенант Джулиан Бинг.

Поводы для взаимных претензий у Оттавы и Лондона не исчерпывались вопросами командования экспедиционным корпусом. Если до войны доминионы

крайне ограничено привлекались к обсуждению тем общеимперской важности, то теперь они, под предлогом кризисной обстановки, были оттеснены даже от вопросов, касавшихся их напрямую. Автономии возлагали определенные надежды на очередную имперскую конференцию, которая должна была состояться в 1915 г. Но, к их явному разочарованию, кабинет Асквита в одностороннем порядке счел её проведение нецелесообразным²²¹. Между тем, среди определённой части политиков намерение переустроить имперские отношения заметно усилилось. Уже 25 января 1915 г. авторитетный либеральный деятель Клиффорд Сифтон заявил: «Канада вступила в войну как нация [т.е. не колония – О.И.]. Она отправила за океан самую большую армию, которая когда-либо пересекала Атлантику. В её распоряжении находятся силы, превосходящие совокупную численность армий Наполеона и Веллингтона в битве при Ватерлоо. Поэтому Канада не должна и не будет далее играть роль младшего партнера»²²².

Тяготясь бездействием и всё больше раздражаясь, Борден первым из глав доминионов предпринял попытку напрямую задать интересовавшие его вопросы, в том числе о стратегических планах британского руководства. Такая возможность представилась благодаря формированию в Соединённом Королевстве нового коалиционного правительства, во главе которого встал лидер либералов Герберт Асквит. Спустя месяц, в июне 1915 г., Борден был приглашен для консультаций, которые рассматривались как некая компенсация за отмененную имперскую конференцию²²³.

Программа проходившего в июле-августе 1915 г. визита канадского лидера отличалась насыщенностью. Он встречался с ведущими имперскими политиками – Г. Асквитом, Д. Ллойд Джорджем, Э. Бонар Лоу и Г. Китчененом, участвовал в заседании Королевского тайного совета и стал первым лицом не в ранге британского министра, принявшим участие в работе кабинета. Премьер-министр был приглашен в Виндзорский замок и имел продолжительную беседу с монархом. Борден также посетил Францию, где встретился с президентом Раймоном Пуанкаре и удостоился Большого креста ордена Почетного легиона²²⁴. Много

времени заняло посещение канадских частей на фронте и госпиталей, вызвавшее у политика глубокое эмоциональное потрясение.

Вопреки ожиданиям, результативность столь длительной, с плотным графиком поездки оказалась крайне мала. Желанной информации Борден не получил, как и авансов относительно сотрудничества или консультаций по конкретным вопросам. Заседание кабинета министров, на которое он оказался допущен, было посвящено борьбе с контрабандой хлопка²²⁵. А встречи с Ллойд Джорджем, ключевой фигурой в сфере военного управления, ему пришлось добиваться посредством намёков на отказ от дальнейшей помощи со стороны Канады. Беседа оставила противоречивые впечатления: британский политик делал откровенные выпады в адрес фронтового командования и собственного министерства, но никаких договорённостей о налаживании прямых регулярных контактов не последовало²²⁶. Премьер-министр вернулся на родину разочарованным.

Информационную изоляцию и отстранение от решения задач общеимперского характера усугубляла традиционная манера обращений со стороны Великобритании. Напрямую ничего не требовалось, но косвенным образом им регулярно указывалось на необходимость увеличения объёмов помощи. Одним из ярких примеров стал конец 1915 г., когда союзные войска терпели ужасающие потери. Опасаясь давать точную информацию о них, британское правительство официально не ставило вопрос об увеличении призыва и отправке новых контингентов. Намёки поступали через верховного комиссара Канады в Великобритании Джорджа Перли. Как пояснял Перли, «имперские власти не могут настаивать, чтобы доминионы посылали больше людей, хотя крайне нуждаются в них и будут очень рады»²²⁷. Борден проявил лояльность и самостоятельно поднял план по рекрутированию, но подобное не могло продолжаться бесконечно.

Сохранение ситуации, не устраивавшей канадского лидера, и тревожные вести с фронта заставили его в конце 1915 г. вновь обратиться к Бонар Лоу с вопросом о возможности проведения консультаций. Ответ усугубил

разочарование: Лондон вполне устраивала существовавшая на тот момент система военного управления. Борден, бросивший на помощь стране-матери все силы своего наиболее развитого доминиона, негодовал от подобной реакции. «Едва ли можно ожидать, что мы, выставив 400–500 тысяч солдат, с готовностью признаем положение, при котором с нами считаются не больше, чем с игрушкой-автоматом. Это опасное заблуждение. Вопрос стоит так: война ведется одним Соединённым Королевством или всей империей? Если верно второе, тогда почему британские государственные деятели претендуют на единоличное руководство?» – рассуждал политик в переписке с Перли, комментируя письмо Бонар Лоу²²⁸. При этом сам министр по делам колоний признавал, что по-хорошему Канада имеет полное право получать информацию и быть услышанной. Проблема состояла в отсутствии какого-либо приемлемого способа осуществлять это на практике, так как о допуске представителей доминионов в Военный кабинет не шло и речи²²⁹.

Обстановка продолжала осложняться, провоцируя подвижки во взглядах представителей различных идеологических течений. Переписка, в которой Борден возмущался и сравнивал доминион с заводной игрушкой, была конфиденциальной. Публично он и другие империалисты держались прежней линии: помогать изо всех сил метрополии, надеясь, что их инициатива и лояльность помогут скорейшей победе и будут по достоинству оценены. Среди националистов зародились первые сомнения в способности Канады поддерживать заданную планку вклада и вообще в его целесообразности, связанные с масштабом потерь и усилий, но к открытой критике правительства они пока не приводили. Бурасса, не встретив понимания, переключился на борьбу с языковым вопросом. В создавшихся условиях автономизм и континентализм растеряли последнюю привлекательность для общественных кругов доминиона, осознавших масштаб исходившей от германского милитаризма угрозы, спасение от которой в одиночку или в союзе с сохранявшими нейтралитет США казалось утопичным.

Параллельно в Северной Америке активизировалась организация «Раунд Тейбл». Она сформировалась ещё в конце 1900-х гг. вокруг Альфреда Мильнера из сторонников новой империалистической политики, которую на рубеже XIX-

XX вв. пропагандировали Джозеф Чемберлен и Сесил Родс. Своей главной задачей участники считали модернизацию Британской империи и сохранение её единства посредством преобразования в федерацию.

Мильнер впервые посетил Канаду с серией выступлений в 1908 г., распространяя идею безусловной выгоды как для Великобритании, так и для доминионов от трансформации империи в объединение равноправных регионов, подвластных короне²³⁰. При этом он считал необходимым поощрять рост национального самосознания, способствовавшего развитию автономий, поскольку национализм и империализм в его представлении являлись неразрывно связанными, взаимоконвертируемыми понятиями. Визит прошел удачно – канадцы проявили интерес к программе только формировавшегося движения, хотя поколебать популярность либералов Лорье Мильнеру не удалось. Последние относились к высказанным идеям скептически, будучи уверенными, что рост прав всегда подразумевает новые обязательства, и не всегда они соразмерны.

Благодаря своим ресурсам и высокому уровню политического развития, Канада являлась особо привлекательной для «Раунд Тейбл»²³¹. Первые группы сторонников «Круглого стола», появились в Торонто и Монреале в 1911 г., положив начало обширной сети отделений по всему доминиону. Через них шёл сбор предложений по реформированию имперской организации с учетом специфики её потенциальных субъектов. Среди канадских активистов выделялся Джордж Паркин – оксфордский товарищ Мильнера, который при содействии организации совершил серию просветительских поездок вплоть до Австралии и Новой Зеландии. Однако особое внимание Паркин уделял популяризации идей англо-саксонской солидарности и имперского единства через школьное образование, в перспективе считая работу с подрастающим поколением самым действенным способом по увеличению числа своих сторонников²³². Среди консерваторов многие одобряли цели федералистов, хотя сам Борден относился к представителям движения довольно сдержанно. Мнение же большинства либералов и франкоканадцев выразил Рудольф Лемьё, охарактеризовав в 1913 г. их воззрения как джингоистские²³³.

«Раунд Тейбл» был вдохновлён активной, масштабной помощью Канады, которая расценивалась как показатель стремления к единству. Тем не менее, ответный интерес к ним со стороны политиков доминиона, включая отдельные группы националистов, базировался не на желании воплотить проекты федерации. В действительности они рассчитывали наладить столь недостающую им коммуникацию между метрополией и автономиями, нацеленность на которую декларировали представители движения. В сложившейся ситуации взаимной заинтересованности участники объединения начали наперебой предлагать публике проекты федерализации. Среди них выделялся один из главных активистов – Лайонел Кёртис, представивший в 1915 г. памфлет «Проблема Содружества», в котором предпринял амбициозную попытку проанализировать первый том «Раунд Тейбл Стадиз» – сборник разнообразных исследовательских материалов, собранных в доминионах и колониях за предвоенный период.

Кёртис считал несправедливой ситуацию, когда большинство граждан отстранялось от управления империй, на благо которой они трудились и сражались, поэтому предлагал привлечь автономии к принятию решений, касавшихся их напрямую. Выход апологет федерализма видел в перераспределении полномочий между центром и регионами, а также создании единого парламента и правительства, на которые возлагалась бы выработка коллективной внешней политики²³⁴. Однако данный план предполагал высокую централизацию власти в руках новых органов, включая сбор налогов для обороны. Неудивительно, что этот пункт вызывал множество споров и создавал опасность раскола движения. О неоднозначности публикации говорил тот факт, что она в итоге позиционировалась организацией как личная точка зрения Кёртиса.

Автор прежде всего озаботился распространением своего труда в Канаде, в силу того места, которое она занимала в системе имперских отношений. Кёртис адресно рассылал его ведущим политикам и бизнесменам, пытаясь в первую очередь повлиять на настроения верхов. В конце 1915 – начале 1916 гг. свой экземпляр получили, например, Роберт Борден и Уильям Лайон Макензи Кинг. Как и ожидалось, одним из наиболее слабых мест проекта оказался раздел о

распределении финансовых полномочий. Многие разделяли мнение вице-президента Коммерческого банка Канады Зебулона Лаша, считавшего невозможным свести к единому знаменателю интересы всех регионов и опрометчивым – лишать доминионы части фискальных полномочий²³⁵.

Не он один высказывался крайне настороженно относительно планов, изложенных в «Проблеме Содружества». Премьер-министра также беспокоило предложение о введении дополнительных налогов. Передовицу с разгромной критикой памфлета опубликовал Джон Льюис, редактор авторитетной газеты «Торонто Стар». Журналист соглашался с тем, что текст «написан умело, порой демонстрируя удивительную широту взглядов». «Но бесполезно камуфлировать тот факт, что «Раунд Тейбл» хочет создать новый парламент, который будет иметь право облагать Канаду налогами в обмен на некий «голос» во внешнеполитических обсуждениях. Думаю, этот «голос» будет таким же могущественным, как и мой, если бы меня вдруг назначили главой Коммерческого банка. Я бы расхаживал с важным видом, полный тщеславия, но реального влияния не имел бы ни на грош», – возмущался Льюис²³⁶. Кёртис решил лично ответить на обвинения в ходе масштабной пропагандистской поездки по доминиону в апреле – июле 1916 г. И, хотя ему удалось привлечь к своему проекту широкое внимание, но реализовать главную цель – обрести приверженцев среди кабинета министров – не удалось.

Общеимперский резонанс, который получила публикация Кёртиса, был усилен выходом в свет другого памфлета – «Имперское единство и доминионы» Артура Кита. обстоятельная работа специалиста в области конституционного права не без оснований воспринималась как ответ на «Проблему Содружества». В ней утверждалось, что при сложившихся обстоятельствах полное отделение автономий маловероятно, так как оно им невыгодно. В то же время, федерация по проекту Кёртиса бесперспективна: метрополии пришлось бы обеспечить взаимоприемлемое соглашение со своими разрозненными владениями, а доминионы не смогли бы получить фактическое равенство с ней. «Определяющая характеристика любой федеральной системы состоит в том, что она должна быть компромиссной, – развивал свою мысль автор, – то есть преобразовывать

разнообразие в единство, сила которого зиждется на сохранении индивидуальности»²³⁷.

Британская империя в представлении Кита являлась уникальным образованием с собственным путем общественно-политического развития. Поэтому, если ей и суждено было трансформироваться в некий более тесный союз, то только особенным образом. Великобритании следовало поощрять развитие доминионов, активнее привлекая их к совместной работе в различных сферах, создавать новые возможности для взаимодействия и поисков вариантов конституционного развития²³⁸. Очевидно, что в 1916 г. особо актуальным выглядело сотрудничество в военно-политической сфере.

Отношение канадцев к «Раунд Тейбл» и его проектам продолжало зависеть от принадлежности к тому или иному сегменту идеологического спектра. Национал-автономисты негативно относились к любым централизаторским идеям, особенно если их реализация подразумевала финансовые и военные обязательства. Империалисты ожидаемо симпатизировали проектам, базирующимся на идеологическом и административном единстве, особенно если они содержали предложения по участию во внешней политике. Однако вопрос налоговой ответственности в период ухудшения экономической ситуации заставлял их колебаться. Что же касается взглядов Кёртиса, то их компромиссность была более близка значительной части политически активной общественности доминиона.

Но даже самым громким и злободневным политическим теориям и проектам не удавалось полностью завладеть вниманием канадской общественности. К 1916 г. пагубное влияние всё затягивавшейся войны начало распространяться буквально на все сферы жизни.

В процессе переориентации экономики страны на военные нужды отдельные предприниматели и компании сумели получить впечатлявшие прибыли, в то время как федеральное хозяйство оказалось в тяжелом положении из-за стремления придерживаться постулата «бизнес как обычно». Постепенный отход от него начался в 1916 г. с введения налога на прибыль, под который попадало любое предприятие, имевшее уставной капитал более 50 тыс. канадских

долларов²³⁹. Параллельно правительство взяло под контроль поставки зерна в Европу, заменив экспортеров-индивидуалов государственной корпорацией²⁴⁰. Усугублял ситуацию рабочий вопрос: военные заказы сдерживали безработицу, но стремление бизнеса сократить издержки за счет снижения заработной платы провоцировало конфликты, при решении которых довоенное трудовое законодательство оказалось неэффективным.

Усиливалась общественная напряжённость, преимущественно по этническим причинам. Несмотря на относительно толерантный курс официальных властей, нетерпимость среди рядовых граждан нарастала. Например, в 1916 г. в Торонто возникла Антигерманская лига. Повсеместно высказывались предложения о введении дополнительных налогов и пошлин для мигрантов из стран-противниц, о запрете на въезд для их семей и родственников. Знаковым событием стало переименование города Берлин провинции Онтарио в Китченер в честь погибшего британского военного министра. Ранее англоканадцы активно демонстрировали там свою враждебность к потомкам немецких переселенцев, составлявших примерно $\frac{3}{4}$ населения²⁴¹. Параллельно с этим шёл подъем франкоканадского национализма: недовольство ограничениями школьного преподавания на французском за пределами Квебека подкреплялось обострившимся скепсисом по отношению к участию в войне за Британскую империю. В декларируемом национальном единстве, основывавшемся на милитаризированном имперском патриотизме, попросту не находилось места для франкофонов, их традициям и культуре.

В начале 1916 г. либеральная партия обратилась к данной теме, традиционно входившей в её повестку, и столкнулась с осуждением своего англоязычного электората, многие представители которого сблизились с империалистами во время войны, поэтому расценивали недовольство франкоканадцев как безосновательное. Соратники уговаривали Лорье отказаться от поддержки квебекских националистов. В апреле 1916 г. Ньютон Роуэлл, возглавлявший либералов Онтарио, предупреждал его об опасности возникновения ненужных ассоциаций из-за сходства их позиции по

этнополитическим вопросам с франкоканадцами²⁴². Обострившееся противоборство сказывалось и на сплочённости партии власти: трое из пятерых членов кабинета министров от Квебека выразили готовность покинуть свой пост в случае сохранения коллегами-англоканадцами бескомпромиссной позиции по языковому вопросу.

Победные вести с фронта могли бы смягчить ситуацию, но положение в Европе только ухудшалась. С февраля 1915 по январь 1916 гг. проходила Галлиполийская операция, ставившая своей целью захват Константинополя. Участвовавший в ней Австрало-новозеландский армейский корпус понёс огромные потери – 26 тыс. человек, в том числе 8,7 тыс. убитыми – во многом из-за ошибок британского командования, а зачастую и откровенной небрежности в отношении контингентов из доминионов²⁴³. Такие известия, даже прошедшие военную цензуру, вызывали растущую тревогу у населения.

Дальнейшие масштабы жестокости заставили ужаснуться даже участников второй битвы при Ипре: 1 июля 1916 г. на Западном фронте началась сражение на Сомме, по сей день остающееся одной из самых кровопролитных в истории человечества. Кроме войск метрополии, в ней принял участие корпус АНЗАК, канадский экспедиционный корпус, а также формирования из других частей Британской империи: Бермудов, Индии, Ньюфаундленда, Южно-Африканского Союза и Южной Родезии. Впервые представители самых разных уголков столь огромной державы объединились на поле боя для защиты её интересов.

Итоги уже первого дня сражения потрясали: британцы лишились 60 тыс. солдат и офицеров, а из 801 человека первого батальона Ньюфаундлендского полка выжило всего 68²⁴⁴. Канадский корпус сражался в битве на Сомме с начала и до её конца. Ключевой операцией с его участием стал захват деревни Курселетт, бои за которую начались 15 сентября. При помощи других британских частей и танков, четвёртая дивизия окончательно закрепились на бывших немецких позициях к 11 ноября, после чего была переброшена в район Вими для последующей поддержки наступления при Аррасе. Участие североамериканцев в Битве на Сомме получило высокую оценку по всей империи и снискало им славу

частей, способных, по словам Ллойд Джорджа, «возглавлять атаку в одном великом сражении за другим»²⁴⁵. Но эта репутация была достигнута в том числе ценой потери 33 тыс. человек убитыми и ранеными²⁴⁶.

События лета 1916 г. стали важным этапом в трансформации восприятия конфликта солдатами и гражданским населением. Роль основного источника информации продолжали играть газеты. Всё возрастающее значение по ходу событий приобретали сведения личного происхождения, поступающие из писем. И те, и другие подвергались цензуре в соответствии с законодательством военного времени, а зачастую – изначальной самоцензуре. Пресса избегала подробностей, предпочитая обтекаемые формулировки, иногда замалчивая принципиально важные сведения. Так, статья о первых днях битвы на Сомме появилась в «Галифакс Геральд» под заголовком «Британцы заняли первую линию траншей, не потеряв ни единого человека»²⁴⁷. Но масштаб катастрофы, в которую оказалась втянута Канада, уже было невозможно утаить даже самым жестким надзором или перлюстрацией. Исследование прессы и эпистолярных источников указывает на то, что в 1916 г. произошёл окончательный переход от романтизированного образа «старой» войны к более реалистичному и даже циничному взгляду на происходившее²⁴⁸.

Это, в свою очередь, спровоцировало снижение мобилизационной активности. Большинство тех, кто в патриотическом порыве или осознанно хотели записаться в ряды Канадского экспедиционного корпуса, сделали это в первые годы войны. Теперь большая часть мужчин призывного возраста была занята в стратегически важных отраслях, росло также число последовательных противников военной службы, отрезвленных сражениями при Ипре, на Сомме и т.д. Новогоднее обращение Бордена в канун 1916 г., в котором он, пойдя навстречу просьбам метрополии, говорил о необходимости увеличения численности армии до 500 тыс. человек, было встречено без энтузиазма. И хотя в январе 1916 г. на призывные пункты пришло около 30 тыс. мужчин, а в марте – даже 35 тыс., вторая половина года стала настоящим провалом: в июле и декабре волонтеров оказалось лишь 8 тыс. и чуть более 5 тыс. соответственно. Падение набора вызвало создание

Национальной призывной службы, задачей которой являлось повышение результативности вербовки, в том числе через переучет всех мужчин призывного возраста²⁴⁹. Выпущенные для этого регистрационные карты не удалось вручить почти 20% потенциальных призывников, а из 1,5 млн. получивших их, только 287 тыс. не имели брони по причине занятости на военных производствах²⁵⁰.

Усилия Призывной службы были малоэффективны, зато способствовали распространению слухов о скором введении всеобщего воинского призыва. Лорье оставался его последовательным противником, что привело к отмежеванию от партии очередной группы либералов, считавших численное превосходство залогом скорейшей победы²⁵¹. Борден, рассматривавший введение конскрипции как возможный вариант, обратился за поддержкой к католической церкви, с 1914 г. содействовавшей военным усилиям Канады. После колебаний, архиепископ Брюшези высказался в поддержку регистрации мужского населения и призвал остальное духовенство последовать своему примеру. В результате католическая пропаганда столкнулась в Квебеке с антивоенной, которую проводили националисты.

Вновь громче всех изобличал власть и примкнувших к ней священников Бурасса. В 1916 г. выходит одно из самых ярких его полемических произведений – цикл аналитических статей «Вчера, сегодня, завтра». Особый интерес он представляет в свете потери единства внутри сообщества квебекских националистов. Так, бывший соратник Бурасса Оливар Асселин отошёл от них, приняв участие в организации франкоканадского батальона, с которым в декабре 1915 г. отбыл в Европу.

Осветив в своих статьях историю развития доминиона с учётом роли франкофонов и католического духовенства, публицист приводил читателя к подробному рассмотрению текущих проблем. По его мнению, никакой традиции епископальной поддержки призыва в Квебеке не существовало. На протяжении всего XIX в. католическое духовенство выступало в защиту как можно большей канадской автономии от Великобритании. Теперь же клирики объединялись с

империалистами, чтобы вводить население доминиона в заблуждение относительно его целей и долга.

Сама Первая мировая война расценивалась публицистом как переломный момент. «Участие в ней Канады как британской колонии, – писал он, – представляет собой глубокую, радикальную революцию в верховном законодательстве Канады, в её внутренней политике и международном положении, в отношениях с Англией и другими частями империи, а также с иностранными государствами»²⁵². Разрыв с политико-культурными традициями франкоканадской общины понимался им однозначно негативно. В первую очередь из-за того, что католическое духовенство вступило в этот сговор ради чуждых ему и его пастве интересов – сохранения британцами завоеванных ранее земель и морского превосходства²⁵³.

Канадцы не могли видеть негативной стороны такого «империалистического сговора», потому что воспитывались в традициях британского либерализма – явления в целом позитивного, но теперь используемого метрополией в манипуляторских целях²⁵⁴. Со всей очевидностью это проявилось в утверждении о том, что война ведётся исключительно за защиту близких всем жителям доминиона прав и свобод, а не из корыстных целей. Главная опасность, по мнению Бурасса, состояла в последствиях такой подмены понятий: истинные либеральные ценности искажались в ходе милитаризации общества. Что, если после победы этот процесс не остановится, а приведёт к полной трансформации канадского общества? Тогда выживание в нем франкоканадцев представлялось публицисту невозможным²⁵⁵.

Если традиции обесценились, а выходить из войны было уже поздно, то возникала необходимость задуматься о перспективах. Из трёх реалистичных вариантов – имперской федерации, присоединения к США и независимости – автор закономерно выбирал последнее. Бесспорно, независимую Канаду ожидало бы множество трудностей и опасностей: от войн с другими государствами до внутренних межэтнических конфликтов. «Однако для самих себя и остального мира, для свободы, прогресса и поддержания международного равновесия есть

нечто лучшее, чем «быть частью великой империи», – настаивал Бурасса. – Это занимать скромное самостоятельное положение»²⁵⁶. Показательно, что он допускал компромиссный вариант перехода к независимости через некую форму имперской ассоциации. Союз с США представлялся наименее выгодным: даже если американцы окажутся лояльнее к франкоязычным католикам, они неизбежно ассимилируют канадцев как гражданскую нацию²⁵⁷. В итоге публицист выражал уверенность, что Канада ещё способна прийти к лучшему будущему – с собственным голосом во внешней политике, «следуя идеалам мира, справедливости, порядка и свободы»²⁵⁸.

Англоязычные журналисты и публицисты не высказывали столь критичные суждения относительно самого факта участия их родины в войне. Хотя запал имперского патриотизма уменьшился, для многих он оставался доминирующей формой национализма, а беспрецедентный масштаб конфликта делал увеличение объемов помощи оправданным в их глазах. Но даже англоканадцы постепенно начинали роптать на невнимательность со стороны британского руководства, считая его отношение к автономии потребительским.

Формированию подобного впечатления способствовало и то, что Лондон предпочитал закупать товары по более выгодным ценам в США, отказывая доминиону даже в косвенной экономической поддержке. При этом Канада спонсировала военные действия, проходившие исключительно под британским руководством. Отстранённость от участия в командовании собственными экспедиционными частями порождала ощущение бессилия, подчеркивавшее отсутствие допуска к внешнеполитической сфере. Идеологические основы нового империализма, при всех своих внешних проявлениях быстро теряли былую эффективность²⁵⁹. Неудачи на фронтах подрывали чувство защищённости от вхождения в огромное государственное объединение. Это усугублялось тем, что непосредственно работавшие с Канадой британские чиновники воспринимали её не как развитую страну и ведущий доминион империи, а скорее как колонию, из которой предполагалось активно черпать людские и материальные ресурсы²⁶⁰.

Сложности во взаимодействии с Британией усугублялись для Канады напряжением в англо-американских отношениях. Соединённые Штаты, которые оставались отрешёнными от разгоревшегося за океаном конфликта, были недовольны его влиянием на мировую экономику, прежде всего в виде ограничения свободы мореплавания. С территории Северной Америки цели Великобритании виделись сомнительными, а действия – раздражающими. Та, в свою очередь, предпочла концентрироваться на укреплении отношений с союзниками по военному блоку и привлечении на свою сторону новых стран, чем на улаживании разногласий с США.

Обстоятельства, таким образом, настойчиво толкали канадское руководство к действию. Замыслы, которые консерваторы вынашивали накануне войны, в новых условиях ни только не устарели, но и приобрели ещё большую актуальность. Не удивительно, что к концу 1916 г. Борден заметно активизировался. Воспользовавшись периодом временного затишья в отношениях между Лондоном и Вашингтоном, премьер-министр решил попытаться закрепить в статусе посредника между двумя державами. Осенью 1916 г. он посетил Нью-Йорк, где произнес одну из самых ярких своих речей военного периода. Её можно назвать программным заявлением относительно перспектив развития Канады, места доминиона в Британской империи и международной политике, прежде всего – относительно Соединённых Штатов. Будучи до вхождения в политику юристом, Борден организовал выступление в Юридическом клубе Нью-Йорка – месте, где его риторику могли оценить в полной мере.

В своей речи 18 ноября 1916 г. Борден уделил большое внимание освещению текущей общественно-политической ситуации в доминионе. По утверждению оратора, война принесла не только трудности, но и позволила продемонстрировать зрелость Канады, которая «в полной мере осознала себя нацией, исполняя свой долг служения делу мира <...> не только охотно, но с радостью взяв на себя ношу и ответственность, решая задачи, которые два года назад считались бы невозможными и даже невысказанными»²⁶¹. «Стоит посмотреть на наших граждан, как осознаешь непоколебимость их уверенности в том,

насколько велики значимость и справедливость нашего дела, и понять силу духа, пронизывающего всё наше общество», – утверждал Борден. Даже военные потери не сломили молодую нацию, что только подтверждало завершение процесса её формирования, присущую ей силу и стойкость – именно те качества, которые важны для потенциального соратника в столь трудные времена²⁶².

Приводя подобную характеристику, Борден стремился окончательно закрепить за Канадой имидж перспективного компаньона для своего южного соседа. Предпосылки для этого уже существовали. В частности, многочисленные сходства Канады и США: колониальный опыт, англо-саксонская правовая система, полиэтничность, федерализм, приверженность демократическим идеалам.

Предлагая интенсифицировать континентальное взаимодействие, Канада была уверенной в его взаимной пользе. По мнению Бордена, установлению подобного сотрудничества при наличии расположенности обеих сторон могла препятствовать только одна проблема – разница в отношении к идущей в Европе войне, от которой США отстранялись, надеясь на установление шаткого компромисса с агрессором. Выступавший предлагал оценивать ограничение свободы морского судоходства, столь остро воспринятое Вашингтоном, не просто как неблагоприятный экономический фактор, а в контексте текущей международной обстановки. Став партнерами, пусть даже только в хозяйственном плане, Соединённые Штаты и Канада могли бы способствовать столь желанному освобождению Атлантического океана от германской угрозы²⁶³.

Возможность позиционировать себя по всем доступным каналам как государство, приближавшееся по статусу к независимому, имела большое значение для Канады. По сути, это было послание, в равной мере обращённое как к Вашингтону, так и к Лондону, от которого доминион требовал изменения в характере имперских отношений. В случае с США оно стало удачным дополнением для непосредственной цели поездки – интенсификации экономического взаимодействия, в первую очередь через смягчение таможенного законодательства, совместное использование приграничных и прибрежных природных ресурсов, заключение контрактов на поставку боеприпасов. Как

перспективная расценивалась также достигнутая в ходе визита договоренность о формировании из американских граждан, желавших принять участие в войне, 97-го батальона экспедиционных сил доминиона²⁶⁴.

Несмотря на успешный визит в Соединённые Штаты и активные попытки решения наиболее острых проблем военного времени, популярность консерваторов неуклонно падала. Чем ниже становился уровень жизни в канадском обществе, тем чаще в нём звучали призывы к смене правительства²⁶⁵. Конец 1916 г. премьер-министру пришлось провести в поездке по стране с целью популяризации добровольческой службы, поскольку количество рекрутируемых перестало компенсировать боевые потери экспедиционного корпуса²⁶⁶. Лично Бордена активно критиковали в том числе, как ни парадоксально, за военную политику, которая полностью находилась в руках метрополии²⁶⁷.

При этом консерваторы, находясь в поисках новой, более выигрышной стратегии, уверяли общественность в неуместности партийной конкуренции во время войны, а дело победы считали вне идеологии. Они опасались потерять власть, если националистически ориентированные либералы и франкоканадский блок воссоединятся²⁶⁸. Парламент, тем временем, заседал уже на год больше положенного срока и продление его было весьма проблематичным. Таким образом, к концу 1916 г. даже в целом проимперски настроенные консерваторы осознавали нарастающий кризис и находились в поиске стратегии выхода из него.

1.3. Изменения в статусе доминиона: от Имперского военного кабинета к Парижской мирной конференции (1917-1919 гг.)

Крайне напряжённым 1916 г. оказался не только для Канады, но и для всей Британской империи. Неудачи на фронте и социальные проблемы вызвали политический кризис в метрополии, в ходе которого Герберта Асквита на посту премьер-министра сменил Дэвид Ллойд Джордж. Возглавляя ранее министерство вооружений, он сконцентрировался на повышении результативности армии,

страдавшей из-за несогласованности действий командования и гражданских чинов. Первым шагом в этом направлении стала концентрация власти в руках Военного кабинета. В него, кроме самого премьер-министра, вошли предводитель консерваторов Эндрю Бонар Лоу, лидер палаты лордов Джордж Керзон, глава «Раунд Тейбл» Альфред Мильнер и руководитель лейбористов Артур Хендерсон. Высшие чиновники от армии и флота, ставшие источником проблем в конце правления Асквита, не принимали участия в его работе, как и новый министр по делам колоний Уолтер Лонг²⁶⁹. Военный кабинет имел крайне широкие полномочия и не был подотчетен парламенту, что дало почву для обвинений Ллойд Джорджа в установлении диктатуры²⁷⁰. Но тяжёлая ситуация на фронте оправдывала пересмотр механизмов взаимодействия исполнительной и законодательной власти в глазах британского общества.

Отправной точкой деятельности нового органа стало решение о созыве имперской конференции в начале 1917 г. Судя по всему, собственные соображения премьер-министра дополнялись точкой зрения Мильнера, которая основывалась на рациональной оценке нужд воюющей империи и опыте общения с главами автономий (в том числе встрече с Борденом во время его визита 1915 г.). В результате власти доминионов и Индии получили приглашение принять участие «в серии специальных и непрерывных заседаний Военного кабинета для того, чтобы рассмотреть актуальные вопросы, влияющие на ведение войны. А также обсудить положения мирного договора, на которые мы хотели бы рассчитывать при согласии наших союзников»²⁷¹. Таким образом, в центре внимания оказывались темы, которые Асквит в 1911 г. обозначил как не подпадавшие под юрисдикцию доминионов и не подлежащие обсуждению с ними²⁷². Ллойд Джордж особо подчеркивал, что предстоящее мероприятие – не имперская конференция в её классическом формате, а встреча ради выработки решений для оперативной практической реализации²⁷³. Многие политики в метрополии не поддерживали подобный шаг, но Великобритания нуждалась в материальной и людской поддержке как никогда, поэтому оказалась вынуждена допустить доминионы к ранее закрытым сферам.

Инициатива Ллойд Джорджа выглядела крайне своевременной и согласовываясь с давними стремлениями Бордена. Однако лидер оппозиции Уилфрид Лорье поставил под сомнение целесообразность принятия приглашения: исходя из собственного опыта, он подозревал последующие требования ответных услуг. За время войны метрополия дала столь весомую почву для опасений, что эту тревогу разделял весь консервативный кабинет министров, негативно оценивавший близость к новому британскому премьеру идеологов «Раунд Тейбл» с их централизаторскими планами. Скептики подозревали, что попытки их послевоенной реализации могли быть преподнесены как соизмеримая плата за причастность к военному руководству.

Канадский премьер-министр отдавал себе отчёт, что ценой допуска в область большой политики наверняка станет увеличение количества рекрутов от доминиона. Но формирование новой дивизии предполагалось и ранее, причем без каких-либо преференций. Борден убедил политические круги Канады в необходимости поездки, представив участие в заседаниях Военного кабинета как шанс получить новые возможности за счет выполнения уже взятых ранее обязательств²⁷⁴. Пятнадцатого февраля 1917 г. в сопровождении министра военно-морской службы Дж. Хайзена и министра общественных работ Р. Роджерса Борден отбыл в Лондон²⁷⁵.

Работа Имперского Военного кабинета [далее – ИВК] проходила с 20 марта по 1 мая 1917 г. Не все лидеры автономий сумели добраться до метрополии из-за условий военного времени и внутренних проблем, в том числе делегаты от Австралии. Поэтому Борден оказался представителем, бесспорно, самого влиятельного доминиона, вносившего наибольший вклад в военно-экономические усилия Британской империи.

Всего прошло 14 секретных заседаний нового органа, посвящённых важнейшим вопросам, причем в более широком составе, чем предполагалось изначально. Заместитель главы коалиционного новозеландского правительства Джозеф Уорд потребовал допустить его на заседания вместе с премьер-министром Уильямом Мэсси. Тогда Борден начал настаивать на предоставлении второго

места и для Канады. В результате ИВК работал в следующем составе: главы доминионов и сопровождавшие их члены правительств, три представителя от Индии, восемь британских министров и членов высшего военного командования²⁷⁶. Параллельно проходила Имперская Военная конференция под председательством министра колоний, в которой обсуждались темы, напрямую не связанные с войной²⁷⁷.

В этот период Борден придерживался взглядов на перспективы отношений с метрополией, которые можно охарактеризовать как умеренно-националистические. Согласно им, Канада была готова оказывать Великобритании поддержку, если она носила эквивалентно-возмездный характер: не угрожала собственным внутривнутриполитическим приоритетам доминиона, учитывала его нужды в области имперской организации и внешнеполитические интересы. В Лондоне лидер консерваторов сошелся с Яном Смэтсом, представлявшим Южно-Африканский Союз, которому был близок такой подход. Как только доминионы оказались посвящены в детали военной кампании и приняли участие в дискуссиях о дальнейшем ходе боевых действий, на первый план начали выходить вопросы политического развития империи. Канадско-южноафриканский альянс стремился не допускать решающего влияния «Раунд Тейбл» на ход работы кабинета, конференции и принятие ими итоговых решений. В проектах имперской федерации, выдвигавшихся этой организацией, руководители обоих доминионов видели множество проблем: от сложностей реализации до угрозы поступательному процессу развития автономий.

Последнее слово в этой напряженной ситуации оставалось за Ллойд Джорджем, который предпочел свернуть дискуссии об имперской централизации. Он заострил внимание участников Кабинета на естественности конституционного развития Британской империи, подверженного в большей мере глобальным процессам и конкретным условиям, чем отдельным идеям, кто бы их не высказывал²⁷⁸. Решение привлечь доминионы к обсуждению вопросов внешней политики являлось, согласно видению премьера, шагом, вызванным сложившейся ситуацией и не обязывающим к ответным уступкам.

Такая позиция имела под собой сразу несколько оснований. Сам Ллойд Джордж, понимая необходимость модернизации внутриимперских отношений, считал проекты империалистов академическими изысканиями, оторванными от практики. В то же время, Борден и Сметс импонировали ему как опытные политики, отстаивавшие в первую очередь интересы своих автономий, но не упускавшие из виду общемировую ситуацию. Кроме того, Канада оставалась флагманом среди самоуправляющихся частей империи, а сложная внутренняя ситуация в ЮАС заставляла идти навстречу представителям лояльных к метрополии сил²⁷⁹. При этом у самого британского премьер-министра на тот момент ещё не сложилось четкого представления относительно образа будущего империи. Поэтому в наметившемся встречном движении следовало воспользоваться любым совпадением нужд доминионов с собственными интересами Великобритании.

Постепенно низкая оценка результативности проходивших в Лондоне совещаний сменилась у канадского лидера на более позитивную. Этому способствовало то, что Борден взял инициативу в дискуссиях, определяя их направление и содержание. Так, на заседании Имперской парламентской ассоциации он признавал, что не может предугадать результаты текущей работы ИВК, однако верит в эффективную гибкость британской конституции, и рассматривает новый орган как очередной этап ее естественного развития. «Мы встретились здесь на равных, под председательством премьер-министра Великобритании, являющегося первым среди нас. Главы шести наций собрались за столом переговоров, ответственные перед своими парламентами и населением, которое они представляют. Каждый обладает голосом по наиболее важным для общего блага вопросам, сохраняя незыблемой свою полную автономию, – подчеркивал преимущества подобной формы работы Борден. – Многие годы политики и исследователи в каждом уголке империи пытались предвосхитить будущее наших конституционных отношений. Возможно, нынешние события дают нам этот ответ»²⁸⁰. В завершении канадский премьер выразил надежду на то, что он является свидетелем «рождения нового Имперского Содружества»²⁸¹.

Выбор для описания перспектив термина, ранее не использовавшегося в подобных случаях, свидетельствовало о том, что произошедшие перемены уже не вписывались в старую модель отношений, и формирование новой организационной структуры происходило на глазах у собравшихся.

Ситуация стала ещё более выигрышной для канадской делегации после известий об успехе экспедиционного корпуса во Франции. В ходе битвы при Аррасе ему удалось захватить стратегически важную возвышенность – хребет Вими. Благодаря сочетанию массированного артиллерийского обстрела и стремительной атаки пехоты, начавшееся 9 апреля 1917 г. наступление прошло крайне удачно²⁸². Германское командование, для которого штурм канадцами укреплений в условиях сильного похолодания и метели стал неожиданностью, 11 апреля отдало приказ об отступлении²⁸³. На фоне весьма скромных результатов британских формирований, победа при Вими Ридж стала наибольшим успехом, достигнутым Антантой этой в битве. Потери экспедиционного корпуса, располагавшего 97,2 тыс. человек, составили 10,6 тыс., из которых 3,6 тыс. человек убитыми²⁸⁴.

Остававшиеся в тылу канадцы пристально следили за происходившим в Европе, ведь впервые четыре дивизии, состоявшие из укомплектованных по географическому принципу батальонов, использовались совместно²⁸⁵. Победа всколыхнула патриотические чувства, спровоцировав рост популярности идей национализма. Постепенно все газеты, даже «Ле Деуар» Анри Бурасса, уделили внимание разворачивавшимся во Франции событиям²⁸⁶. Успех канадских войск также освещали в прессе метрополии. «Гардиан» опубликовала большую хвалебную статью «Как канадцы захватывали Вими Ридж»²⁸⁷. Признательность и поздравления собратям по оружию выразили генерал-губернатор Австралии, парламент Великобритании и, наконец, воздал должное своим канадским подданным сам король Георг V²⁸⁸.

Особо важна была для североамериканской автономии, стремившейся стать заметной на международной арене, реакция в других странах. В телеграмме от 23 апреля 1917 г., Борден подчеркивал, что «грандиозные достижения канадцев при

захвате возвышенности Вими, которую ранее несколько раз безуспешно атаковали, вызвали всеобщее восхищение не только в Великобритании, но также во Франции и Италии»²⁸⁹. Особую гордость вызвала высокая оценка со стороны Соединённых Штатов, рассматривавшихся Оттавой в качестве приоритетного партнера. «Похвала достижениям Канады не может быть излишней, – писала «Нью-Йорк Трибьюн», – Доблесть их солдат воссияла ярким и негасимым светом»²⁹⁰.

Победа в битве при Аррасе позволила создать условия для изменения порядка управления армейскими частями доминионов. Впервые командование экспедиционным корпусом было возложено на канадского офицера: 9 июня 1917 г. вместо Джулиана Бинга во главе его стал лейтенант-генерал Артур Кёрри, ранее возглавлявший 1-ю дивизию²⁹¹. Новый командир старался планировать операции, ориентируясь на максимальную сохранность контингента, все четыре дивизии при нем сражались только совместно.

Фронтовые успехи соотечественников, совпавшие с сессией ИВК, давали Бордену беспрецедентный шанс для правового закрепления на самом высоком уровне своих давних замыслов, касавшихся нового порядка отношений между доминионом и метрополией. Венцом его совместных со Смэтсом усилий стала Резолюция IX имперской конференции, широко известная как Резолюция Бордена-Смэтса. В соответствии с ней, вопрос о переустройстве конституционных отношений в империи признавался слишком важным и сложным для эффективного решения в военное время. Поэтому его урегулирование переносилось на специальную Имперскую конференцию, которая должна была состояться после войны²⁹². Такое промедление выглядело приемлемым благодаря второй части Резолюции IX. Согласно ей, «все существующие на данный момент права самоуправления и полный контроль над внутренней политикой сохранялись за доминионами, которые признавались полностью автономными нациями Имперского Содружества, а Индия – его особой частью». В случае потребности принятия каких-либо серьезных решений до имперской конференции, следовало исходить из «признания права доминионов и Индии на подобающую роль во

внешней политике и международных отношениях, обеспечение эффективных механизмов для постоянных консультаций по всем важным вопросам общеимперского значения, а также осуществление совместных, согласованных и проходящих на консультативной основе действий, которые правительства сочтут необходимыми»²⁹³.

Сложно не заметить крайнюю обтекаемость использованных формулировок. Резолюция IX являлась закреплением достигнутого и представляла собой задел для нового этапа в конституционном развитии Британской империи. Однако даже в таком виде документ воспринимался как мощный прорыв. Самое важное для доминионов заключалось в декларировании их как автономных наций, за которыми признавалось право на голос в сфере международных отношений и целесообразность участия в выработке общеимперской внешней политики на консультативной основе. Отсутствие чётких формулировок позволяло метрополии пока не связывать себя конкретными обязательствами, а доминионам готовить силы и аргументы для борьбы за как можно большие полномочия в интересующих направлениях. Кроме того, примечательно использование в тексте документа ранее официально не признававшегося понятия «Содружество», стремительно набиравшего популярность в самоуправляющихся частях империи²⁹⁴.

Разъехавшись в мае 1917 г., участники заседаний остались в целом довольны результатами проделанной работы. Ллойд Джордж в своем отчёте перед парламентом представил Имперский кабинет как компромиссный способ разработки эффективной политики империи, при сохранении автономии её частей²⁹⁵. Успешный ход встреч, поддержка представителей доминионов и возросшее одобрение со стороны соотечественников значительно упрочили позиции британского премьер-министра.

Борден после возвращения заявил в парламенте о появлении у доминиона непреложного права участвовать в обсуждении важнейших вопросов общеимперского уровня²⁹⁶. С точки зрения канадского лидера, Резолюция IX облекала в конституционные понятия концепцию «работоспособных имперских

отношений», согласно которой национальная самостоятельность автономий, продолжавших оставаться в составе империи, полностью признавалась.

Большинство палаты общин позитивно оценило итоги поездки Бордена, хотя некоторые политики смотрели на происходящее со скептицизмом. Например, Клиффорд Сифтон, который ратовал за активную военную поддержку метрополии и сам отправил на фронт четырех сыновей, считал важнее стабилизацию отношений в империи, чем перспективу появления у Канады возможности автономных действий на международной арене²⁹⁷. Критиков беспокоил ряд обстоятельств, вызывавших дискуссии в Оттаве и остальной империи: статус Имперского военного кабинета и его перспективы, а главное – наделен ли новый орган исполнительными полномочиями. Борден, в свою очередь, воспринимал их наличие в качестве залога эффективной реализации выработанных решений. Премьер-министр выражал взгляды национал-империалистов, допускавших ограниченную централизацию. Со своей стороны, национал-автономисты рассматривали исполнительные функции любого учреждения в метрополии как потенциальную угрозу для интересов Канады вообще и в частности её автономного статуса²⁹⁸. Но в целом результаты прошедшей поездки не вызвали существенных нареканий даже у славившегося осторожностью в имперских вопросах Лорье. Все понимали, что в условиях войны требовать много неразумно. Зато теперь, как выразился экономист О.Д. Скелтон, можно было «заказывать мелодии, заплатив трубачу»²⁹⁹.

Однако вскоре с выполнением Резолюции IX начали возникать практические затруднения. Единственным каналом связи между доминионом и метрополией оставалось министерство колоний, определявшее частоту и содержание контактов. Его чиновники делали вид, будто никаких изменений не произошло и благодаря обтекаемости формулировок документа уклонялись от корректировки действовавшего порядка. Ситуацию осложняли натянутые отношения секретаря по делам колоний Лонга с Ллойд Джорджем, который не допустил чиновника до заседаний Военного кабинета³⁰⁰.

Первое крупное разочарование постигло Оттаву в августе 1917 г., когда в Лондоне начали рассматривать возможность углубления сотрудничества с Францией, не намереваясь привлекать к переговорам автономии³⁰¹. Хотя ещё весной британский кабинет обсуждал с ними вопросы взаимодействия с союзниками по антигерманской коалиции и обещал продолжать делать это. Подобное развитие событий не устраивало канадцев: единожды вступив в сферу военного управления, они ожидали как минимум выполнения данных им обязательств. Кроме того, всё большее значение приобретали вопросы послевоенного урегулирования, в том числе территориальных изменений, для чего при ИВК был образован подкомитет под руководством Керзона. Представителей автономий пригласили на его заседание исключительно для ознакомления с уже разработанными планами британского правительства. Канадский лидер отнесся к этому крайне внимательно и настороженно, принимая в расчёт пересечение областей интересов метрополии и своего единственного континентального соседа – США.

Имелся у Бордена и ещё один, менее очевидный, но довольно важный мотив. С начала XX в. у доминиона постепенно формировалась собственная внешнеполитическая повестка относительно расширения границ. Некоторые проекты территориальных изменений направлялись в министерство колоний даже до Первой мировой войны, но закономерно не находили поддержки. Поэтому премьер-министр решил использовать возможность и проверить, насколько высока вероятность получить одобрение метрополии в отношении циркулировавших в Канаде идей. Действовал он преимущественно через Дугласа Хайзена, работавшего в ходе заседаний Имперского военного кабинета с территориальным комитетом министерства иностранных дел.

Ключевые предложения касались Аляски, демаркация границы которой в 1903 г. прошла в ущерб Юкону и Британской Колумбии, потерявшим прибрежные территории. Первоначальный замысел выторговать коридор к Тихому океану, произведя с США обмен на Британскую Гвиану или Британский Гондурас, вызвала интерес Форин оффис, но затем был отклонён Керзоном и Лонгом. Аналогично

сложилась судьба плана покупки Гренландии: даже перспектива размещения там военной базы не сделала её достаточно привлекательной для Великобритании³⁰². На обмен островов Сен-Пьер и Микелон – осколков Французской империи в Северной Америке – метрополия была согласна только по инициативе Франции. А проект присоединения к Канаде островов Вест-Индии территориальный комитет отказался обсуждать в принципе как выходящий за рамки его компетенции³⁰³. К нему британцы отнеслись с наибольшей антипатией, потому что одно дело – расширение границ автономии, совсем другое – её стремление обзавестись собственной зависимой территорией, из соображений экономической и политической выгоды³⁰⁴. В итоге Великобритания чётко обозначила свою полную незаинтересованность в планах Канады. Вместе с тем, факт подобных притязаний демонстрировал стремление консервативного кабинета, в котором преобладали империалисты, к расширению самостоятельности в принципиально важных сферах.

Будучи опытным и решительным политиком, Борден пытался инициировать со своей стороны прямые консультации в ноябре 1917 г., когда появились слухи о скорой встрече представителей Антанты. В свою очередь, британские чиновники дали ему понять, что присутствие североамериканских уполномоченных на союзнических конференциях излишне и нежелательно. Пытаясь сгладить впечатление от ответа, столь разнящегося с декларируемой открытостью к сотрудничеству, Лондон заверил Оттаву о готовности обсудить любые вопросы и предоставить информацию в случае нахождения канадских представителей в Великобритании. Скорее всего, государственные деятели метрополии надеялись на невостребованность предложения из-за расстояния, но туда как раз прибыл Эдвард Кемп – новый министр по делам экспедиционных сил, квалифицированный и достаточно высокопоставленный для встреч такого уровня политик. По просьбе Бордена он присутствовал на заседаниях британского военного кабинета вместе с входившим в его состав южноафриканским политиком Яном Смэтсом. Судя по отсутствию корреспонденции на эту тему, канадцу не удалось принять участие в дискуссиях или получить эксклюзивную

информацию³⁰⁵. Очевидно, что Ллойд Джордж и его коллеги действовали совершенно осознанно. Расценив позицию Лондона как недвусмысленный намёк, власти доминиона не стали упорствовать, сконцентрировавшись на внутренней социально-политической ситуации.

Как ни парадоксально, успехи канадских политиков и военных только усложнили обстановку в стране. Количество новых добровольцев к весне 1917 продолжало неуклонно сокращаться, а экспедиционный корпус остро нуждался в пополнении после боёв при Вими Ридж³⁰⁶. Премьер-министр, в свою очередь, прекрасно осознавал: британское руководство ожидало от автономий введения конскрипции вслед за страной матерью, которая пошла на этот шаг ещё в начале 1916 г., в обмен на допуск к военному руководству. У него не оставалось иного варианта, кроме как поставить вопрос о воинской повинности, ранее никогда не практиковавшейся в доминионе. Семнадцатого мая 1917 г. Борден сделал следующую запись в дневнике: «Все члены кабинета согласились с тем, что конскрипция необходима. Патенод и Блонден [представители Квебека – О.И.] говорят, что готовы поддержать нас, хотя это станет политическим самоубийством для них. <...> Очень устал от этой дискуссии и с радостью бы уступил свой пост»³⁰⁷.

На следующий день премьер-министр внёс в парламент билль о конскрипции. Чтобы оказать психологическое давление на собравшихся, он начал свою речь рассказом о посещении госпиталей с ранеными при Вими Ридж, которых нашел «замечательно терпеливыми, смелыми и бодрыми», а отношение британцев к ним – исполненным благодарности. Политик подчёркивал сложность стратегической обстановки, особенно в свете увеличения германской армии, ситуации в России и подводной войны в Атлантике. Ближайшие месяцы имели, по его утверждению, решающее значение как для исхода войны, так и для позиций Канады среди стран-победительниц. Введение обязательного призыва могло бы способствовать перелому и повышению значимости вклада доминиона. «Я считаю, что битва за канадскую свободу и автономию ведётся сейчас во Франции и Бельгии, – резюмировал Борден. – И смею предположить, что, если эта война

закончится поражением, мы окажемся во тьме германского милитаристского господства»³⁰⁸.

Тема воинского призыва спровоцировала резкое обострение политической обстановки. С началом войны консерваторы и либералы пошли на компромисс ради блага страны, но со временем он исчерпал себя. У населения именно партия власти ассоциировалась со снижением уровня жизни и сопутствующими социальными проблемами, а конскрипция только ухудшила бы её имидж. Либералам открывалась возможность вернуться к выигрышной роли оппозиции, которая не несёт обязанности принимать окончательные решения по трудным вопросам, но может критиковать их последствия. В попытке не допустить открытого конфликта, 25 мая 1917 г. Борден предложил Лорье создать коалиционное правительство с равным представительством. Такая идея была не нова: ещё в октябре 1916 г. она озвучивалась во влиятельном издании «Индастриал Кэнада» и получила широкое одобрение.³⁰⁹

Лорье, принципиальный сторонник добровольческой службы, оказался под давлением англоканадского крыла своей партии, часть которого восприняла замысел с энтузиазмом³¹⁰. После предварительных обсуждений Борден был уверен в его согласии и попытался форсировать события, заявив о том, что конскрипция будет непременно введена, а новому правительству останется лишь обсудить меры по её практической реализации³¹¹. На самом же деле он ошибочно истолковал настрой Лорье, изначально сомневавшегося в пользе коалиции, образование которой после такого высказывания означало бы потерю либералами поддержки оппозиционного к призыву Квебека. Угроза потери франкоканадского электората окончательно склонила чашу весов в сторону отказа³¹².

Поэтому введение конскрипции оказалось невозможно без всеобщих выборов. Их перспектива привела к окончательному расколу либералов: часть из них вошла в юнионистский блок с консерваторами, в том числе такие влиятельные фигуры, как Клиффорд Сифтон, Ньютон Роуэлл и Джон Дафо³¹³. Колебался даже лично преданный Лорье Уильям Лайон Макензи Кинг. «Полагаю, что конскрипция является справедливым решением для текущих военных нужд, – писал он. – Мои

взгляды изменило понимание того, что война только ожесточается и наша свобода находится под угрозой»³¹⁴. Впрочем, среди консерваторов тоже не было единства: далеко не все одобряли проект о воинской повинности и союз с частью либералов. Например, министр горнодобывающей промышленности Эзёф-Леон Патенод покинул правительство в знак протеста и отказался баллотироваться.³¹⁵

Активному обсуждению введения всеобщего призыва со стороны рядового населения способствовал не только всеобъемлющий характер вопроса, но и трансформации, которые претерпела война в сознании жителей доминиона. Позднее эти метаморфозы красноречиво отразила художественная литература. Если в книге 1929 г. Перегрин Окланда романтизированные представления о войне доносил до читателя одухотворенный герой-одиночка, увлечённый сентиментальной любовной историей, то буквально в следующее десятилетие осмысливаются более реалистичные тенденции³¹⁶. «Генерал умирает в постели» Джеймса Хедли Чейза – антивоенное сочинение в духе Ремарка, в котором канадские солдаты предстают разобщёнными в тяготах окопной жизни, потерянными из-за отсутствия понимания целей жестоких сражений, растерявшими последние следы имперского патриотизма³¹⁷. Филипп Чайлд поддерживает это начинание в рамках семейной саги, что позволяет ему проиллюстрировать духовные и социальные кризисы, переживаемые канадцами в ходе утраты влияния старых имперских ценностей и формирования идеалов новой гражданской нации³¹⁸. Позднее эта литературная традиция была продолжена романом «Войны», исследующим попытку спасти внутреннее гуманистическое начало как члена сообщества в окружении бессмысленной жестокости войны³¹⁹.

Краткая предвыборная 1917 г. кампания велась жёстко, обе партии боролись за избирателей, многие из которых не имели чётко оформленных убеждений. Анализируя её результат можно сказать, что за конскрипцию выступало более образованное и политически активное население – городской средний класс, особенно проимперски настроенные англоканадцы. Против – менее консолидированные группы, не имевшие опыта отстаивания своих прав: фермеры, неквалифицированные рабочие, иммигранты из стран, далеких от британской

культуры³²⁰. На уровне локальных сообществ просматривалась сложная картина: вряд ли можно было найти хотя бы одну социальную группу, единую по вопросу воинского призыва, кроме франкоканадских националистов. Их рупором стал Анри Бурасса, в памфлете «Воинская повинность» назвавший её несовместимой с национальными интересами Канады³²¹.

Ради победы Борден пошел на крайние меры – внесение поправок в избирательное законодательство. Впервые до выборов допускались женщины – родственницы солдат и военнослужащие действующей армии. И те, и другие поддерживали введение конскрипции в надежде на ротацию контингентов³²². Поменялась сама система голосования: выбирали не конкретного депутата, а между правительством и оппозицией, что позволяло проводить манипуляции в округах³²³. По словам Лорье, эти законы легли «пятном на всех попытках вести игру по правилам, руководствуясь честью и совестью»³²⁴. Благодаря им юнионисты победили со значительным перевесом: 153 места в палате общин против 82 – у либералов³²⁵. Выделялся только Квебек, оставшийся оплотом националистов: среди 65 местных депутатов сторонниками Бордена оказались всего трое.

Акт о воинской службе вступил в силу с 1 января 1918 г.³²⁶. По всей стране зарегистрировали 402 тыс. годных для призыва мужчин, 125 тыс. из них были призваны на действительную службу, непосредственно на фронт до окончания войны отправились 24 тыс. солдат и офицеров³²⁷. Исследователи по сей день спорят о результативности конскрипции: оправдывает ли раскол общества её столь скромные результаты, способствовал ли этот шаг существенному улучшению отношений с метрополией? Но все они оперируют итоговой информацией о применении закона и сроках окончания войны. Современники же не имели такой возможности, многие из них не могли, да и не хотели рационально оценить происходящее, импульсивно реагируя в ответ на ограничение своих прав. Самым ярким примером вырвавшегося возмущения стало Пасхальное восстание в Квебеке в марте 1918 г.³²⁸. Из-за превышения полицейскими полномочий при задержании некоего Жозефа Мерсье, подозревавшегося в уклонизме, на улицы города вышло

около 15 тыс. жителей³²⁹. При подавлении войсками выступления было убито 5 человек³³⁰. Произошедшее только укрепило негативное отношение франкоканадцев к действиям федеральных властей. Летом на улицах ежевечерне скандировали «Долой Бордена!» и «Да здравствует революция!»³³¹.

Для Антанты этот период также оказался тяжёлым. Третьего марта 1918 г. Советская Россия заключила Брестский мир, что позволило Германии перебросить силы с Восточного фронта. Последствия нового немецкого наступления на Западе были для британцев близкими к катастрофе: около 100 тыс. человек попали в плен, армия лишилась множества военной техники³³². Мобилизация в США шла медленнее ожидаемого, поэтому надежды на победу выглядели призрачными, как никогда.

В этот критический момент в Лондоне началась вторая сессия Имперского военного кабинета, проходившая с 11 июня по 2 августа 1918 г.³³³. Борден прибыл на нее 8 июня в сопровождении министров нового кабинета – А. Миэна, Дж. Калдера, Н. Роуэлла и дипломата Л. Кристи³³⁴. Канадский премьер-министр сразу же занял крайне влиятельное положение в кругу заседавших. Этому способствовал объем предоставленной доминионом военной помощи, введение воинской повинности, уверенная победа на выборах 1917 г. и высокая осведомленность о происходившем на фронте благодаря информации от преданного Бордену Артура Кёрри. Соперничать с авторитетом североамериканского лидера могли разве что представители ЮАС и до некоторой степени – Австралии. Но и Смэтс, и австралийский премьер Хьюз, признавая неформальное первенство Бордена, предпочли образовать с ним коалицию, основанную на схожести взглядов³³⁵.

Одна из первых рабочих встреч закономерно началась именно с его выступления. По просьбе Ллойд Джорджа политик сделал развернутый обзор военных усилий Канады за минувший год, акцентировав внимание на росте численности экспедиционного корпуса с 403 тыс. до 513,7 тыс. человек³³⁶. Одновременно Борден воспользовался случаем, чтобы озвучить критику в адрес

британского офицерства и высшего командования, промахи которых политик считал одной из главных причин поражений³³⁷.

В качестве доказательства Борден привел сведения о битве при Пашендейле, продолжавшейся с июля по ноябрь 1917 г. Наступление, в котором был задействован канадский корпус, оказалось безрезультатным и стоило ему 16 тыс. человек из-за запоздалых действий британцев, их плохой ориентации на местности и неисправной техники³³⁸. Подобная ситуация являлась рядовой с точки зрения офицеров всех званий и возрастов: они зачастую предпочитали использовать подчинённых ради удовлетворения собственных аристократических привычек, например, укладки газона для теннисного корта вместо возведения укреплений³³⁹. Более того, они по-прежнему дискриминировали уроженцев доминионов, ограничивая их доступ к оперативной информации и продвижению по службе. «Исход этой войны во многом зависит от нашего усердия. Канада воюет всерьез и будет бороться до конца. Но должно быть и общее усердие, выражаемое в организации, прогнозировании и подготовке», – резюмировал Борден³⁴⁰.

Эффект от такого выступления сложно было предсказать, но обстоятельства сложились в пользу канадского премьера: большинство собравшихся разделяли мнение о наличии организационных проблем в армии, а сам Ллойд Джордж находился в конфронтации с высшими военными чинами, не разделявшими его взглядов по принципиально важным стратегическим вопросам. Чуть позже британский премьер даже сделал Бордену частное предложение оказать ему помощь в ужесточении контроля над верховным командованием. Не желая оказываться в эпицентре конфликта, канадец сдержанно отклонил его³⁴¹. Однако сам этот факт говорил о разительных переменах, произошедших со времен визита в 1915 г.

Параллельно обсуждались проблемы конституционного развития, взгляды на которое Борден изложил в ходе заседания Имперской парламентской ассоциации 21 июня. По его словам, предыдущая сессия стала «огромным шагом в деле конституционного развития», а сам ИВК – современной формой взаимодействия премьер-министров самоуправляющихся наций³⁴². Решение

вопроса о его юридическом статусе и перспективах развития Борден видел следующим образом: «Есть несоответствие в применении термина «кабинет» к объединению премьеров и других министров, которые собираются для обсуждения и принятия решений по различным нуждам империи. Если уж пытаться дать ему определение, то я назвал бы его Кабинетом правительств. Каждый из нас ответственен перед своим народом и парламентом, которые воплощают результаты работы Военного кабинета. Таким образом, каждый доминион и нация сохраняют свою полную автономию. Это может стать новым этапом в развитии конституционных отношений и основой нашего будущего обновленного единства»³⁴³.

Обсуждение вопросов за пределами военной повестки также прошло для представителей Северной Америки удачно. После опыта предыдущей сессии ИВК, ряд руководителей «Раунд Тейбл», включая Мильнера, отошли от крайних федералистских позиций³⁴⁴. А лагерь сторонников перемен в статусе доминионов пополнился деятельным австралийцем Уильямом Хьюзом. Он также был расположен к сотрудничеству с Ллойд Джорджем – оба политика имели валлийское происхождение и темпераментную натуру, ранее затруднявшую их сотрудничество с Асквитом.

Если на конференции 1917 г. доминионы пытались войти в сферу большой имперской политики, то в 1918 г. предстояло решить проблемы, связанные с закреплением в ней и налаживанием прямой кооперации между автономиями и британским правительством. На этом сосредоточился Хьюз. Восемнадцатого июля он представил пакет предложений для разработки «новых методов, способствующих приведению органов управления в соответствие с нынешними реалиями»³⁴⁵. Широкие полномочия генерал-губернаторов и министерства колоний, следуя ему, стали явными анахронизмами. При достигнутом уровне развития доминионов и стоявшими перед ними задачами эффективнее было бы перейти к прямым консультациям. Во время обсуждения Борден первым выразил поддержку австралийцу, назвав выдвинутые предложения закономерным следствием резолюций предыдущей Имперской военной конференции. Они

помогли бы стать новому совещательному органу «кабинетом в истинном значении этого слова, отвечая актуальным нуждам и росту осознания национального единства как в Канаде, так и в других частях империи»³⁴⁶.

Проект Хьюза послужил основой принятой конференцией Резолюции XV. В соответствии с ней, для более тесного взаимодействия правительств Соединённого Королевства и доминионов создавалась новая система связи, позволявшая миновать традиционный канал через генерал-губернаторов и министра колоний³⁴⁷. Правда, колониальному ведомству удалось отстоять за собой статус приоритетного канала для регулярного сообщения. Но по вопросам, связанным с деятельностью Имперского кабинета, главы правительств доминионов могли обращаться напрямую к премьер-министру метрополии. Для налаживания регулярной коммуникации они получали право назначать резидента из числа своих министров, который должен был посещать Лондон или находиться там постоянно в качестве представителя в Имперском военном кабинете³⁴⁸.

Согласованная схема представляла собой не принципиальное преобразование системы связи, а умеренный компенсаторный механизм. Все, включая Хьюза, признавали: действительно эффективные консультации невозможны без премьер-министров, имеющих полномочия для принятия решений в области международных отношений. Расширение же оснований, по которым уполномоченные от доминионов могли посещать заседания ИВК, лишь повышало их информированность, а влияние на внешнюю политику империи оставалось по-прежнему низким. Британское правительство полностью сохраняло контроль за ней, не спеша даже очерчивать круг тем, по которым автономии могли бы иметь право голоса, кроме обещания консультироваться по вопросам мирного урегулирования³⁴⁹. Поэтому результаты Имперской военной конференции, развивавшие положения Резолюции IX, вызвали довольно сдержанное одобрение. Для населения и прессы результаты работы ИВК 1918 г. затмил долгожданный перелом на фронте, а позже – перспективы участия в выработке мирного договора³⁵⁰.

Тема привлечения доминионов к послевоенному урегулированию поднималась ещё в 1915 г., когда министр по делам колоний Льюис Харкорт в телеграмме генерал-губернаторам просил «проинформировать премьер-министров о намерении правительства Его Величества провести самые обстоятельные консультации, когда придёт время формулировать условия мира»³⁵¹. После заседаний ИВК 1917 г. палата общин канадского парламента проявляла интерес к участию в мирной конференции. Представители всех политических течений, от империалистов до крайних националистов, считали это соизмеримой наградой за помощь, оказанную доминионом. Сенат, в свою очередь, разделился на сторонников активной позиции, вплоть до самостоятельного подписания договоров, и сомневавшихся целесообразности такого шага из-за невозможности оказать реальное влияние на ход переговоров³⁵².

Согласно Резолюциям IX и XV, Великобритания была вынуждена приобщить руководство доминионов к обсуждению стратегии послевоенного урегулирования. Сразу после перемирия, заключённого 11 ноября 1918 г., их премьер-министров вызвали в Лондон, но о присутствии на переговорах с союзниками пока ничего не говорилось. Ллойд Джордж направил 27 октября телеграмму Бордену со следующими уточнениями: «Поскольку конференция по выработке условий мира откроется в течение нескольких ближайших недель, крайне важно ваше присутствие для согласования линии поведения, которой будет придерживаться на ней британская делегация»³⁵³. В своём ответе от 29 октября канадский лидер указал на необходимость «со всей серьёзностью рассмотреть вопрос о представительстве доминионов на мирных переговорах», подчеркивая, что «население и пресса считают участие в них само собой разумеющимся» и выразил надежду на «удовлетворение национальных чувств канадцев»³⁵⁴. Ллойд Джордж признал тему подлежащей обсуждению при личной встрече, чем обнадежил руководство автономии.

К формированию делегации Оттава подошла особо тщательно. В команду Бордена вошли в том числе министр юстиции Ч. Доэрти, глава таможенной службы А. Сифтон, министр торговли Дж. Фостер. По мнению пресс-секретаря

делегации Дж. Дафо, выбор пал именно на Доэрти и Сифтона из-за их опыта в юридическом аспекте международных отношений³⁵⁵. Любые подвижки в статусе доминиона, достигнутые благодаря внешнему представительству, планировалось грамотно использовать и закрепить в правовом поле. «Я чувствую всё ощутимее – Канада рано или поздно должна стать полностью независимой», – писал Роберт Борден в своём дневнике в декабре 1918 г.³⁵⁶.

Делегация доминиона начала работу в Великобритании 17 ноября 1918 г., где для неё складывалась непростая обстановка: расклад политических сил в метрополии вполне мог измениться после декабрьских выборов, предугадывать результаты которых было особенно затруднительно после электоральной реформы 1918 г.^{††}. В результате этого не произошло, и Ллойд Джордж остался главой коалиционного правительства, но уверенное большинство в парламенте получили консерваторы. Канадцы считали опрометчивой их жёсткую позицию в отношении побежденных, особенно нереалистичные предложения по суммам репараций. Осложняло положение и то, что к началу заседаний в Лондоне уже находился австралийский премьер-министр У. Хьюз, ещё до перемирия решивший лично держать руку на пульсе имперской политики. Интересы Австралии и Канады пересеклись в Тихом океане. Австралийцы рассчитывали получить колонии Германии в этом регионе, а канадцы опасались, как бы такие устремления не спровоцировали конфликт с Вашингтоном³⁵⁷.

Показательно, что даже обсуждение вопроса о переделе завоеванных земель неизбежно вело к теме представительства на грядущей мирной конференции. Доминионы справедливо полагали, что если метрополия озвучит территориальные претензии всего Содружества от своего лица, то это создаст у союзников впечатление о завышенных требованиях. Тогда как устремления автономий Британской империи по отдельности выглядели бы вполне приемлемо и пропорционально их ощутимому вкладу в победу. Та же Канада понесла

^{††} Реформа, в ходе которой был принят акт о народном представительстве. В соответствии с ним фактически отменялся имущественный ценз для мужчин, до выборов допускались женщины старше 30 лет, соответствовавшие минимальному имущественному цензу.

сопоставимые с США боевые потери^{‡‡} и потратила более 1 миллиарда американских долларов, произведя 103 военных корабля, 2600 учебных самолётов, 30 гидропланов и огромное количество различного снаряжения для армии и флота³⁵⁸. Ни говоря уже об экспорте 15 млн. тонн зерна за период войны, ежегодных поставках 58 тыс. тонн говядины и производстве амуниции, стоимость которой составляла порядка 50 млн. канадских долларов³⁵⁹.

Сразу по приезду Бордена с ним встретились Ллойд Джордж и Бонар Лоу, чтобы поделиться своими планами касательно конференции. «Предложение такое: Ллойд Джордж, Бальфур, Бонар Лоу Барнс и я, как специальный делегат от доминионов, должны представлять империю, – резюмировал содержание беседы канадский премьер-министр. – Я не согласился занять особое положение представителя всех доминионов. Придерживаюсь мнения, что мой предполагаемый статус должен быть таким же, как и у остальных»³⁶⁰. Вскоре его дальновидность окупилась: Хьюз был возмущён, узнав о возможности представительства автономий кем-то из коллег. Дополнительный повод к конфликту с импульсивным австралийским лидером был крайне невыгоден.

Хотя делегаты демонстрировали очевидную заинтересованность в данной теме, её отложили ради выработки позиций по ключевым пунктам грядущих переговоров. Только с прибытием 2 декабря представителей Франции и Италии началось обсуждение численного состава делегаций на грядущей конференции. Великобритания и другие великие державы получили возможность направить по пять уполномоченных. Также представители британских доминионов и Индии могли «присутствовать в качестве вспомогательных членов делегации при рассмотрении непосредственно затрагивающих их вопросов»³⁶¹. Такой подход Борден счёл несправедливым, высказав протест своим коллегам по британской делегации.

Непосредственно к обсуждению представительства доминионов ИВК перешел только спустя шесть недель. Итоговую позицию канадского премьера к

^{‡‡} 56,6 тыс. и 53,4 тыс. человек у Канады и США соответственно.

этому моменту определил ряд факторов. В первую очередь – общественное мнение на родине. Патриотический подъём, основанный на ранее не виданных потрясениях и тяготах, на рубеже 1918-1919 гг. был очень силён и выражался в том числе в надеждах на достойное место Канады в новой, справедливой дипломатии «по заслугам». Это подтверждается публикациями в прессе указанного периода. Характерным было редкое упоминание об «империи»: либеральная «Манитоба Фри Пресс» активно использовала выражения вроде «всемирное Британское содружество» и «конфедерация свободных наций»³⁶². Вопрос о представительстве буквально не сходил со страниц периодических изданий: все газеты, вне зависимости от политической ориентации, высказывались за как можно более широкое участие. Но затянувшиеся дискуссии в Лондоне постепенно вызвали разочарование. Если в начале декабря «Манитоба Фри Пресс» с воодушевлением цитировала Роуэлла, наставившего, что «канадский народ не удовлетворится ничем другим», кроме отдельной делегации³⁶³, то к концу месяца «Глоуб» уже сетовала на «вероятное отсутствие прямого представительства для Канады»³⁶⁴. Очевидно, что подобные настроения только поддерживали настойчивость Бордена и его коллег.

В то же время, имелись и другие обстоятельства, осложнявшие работу канадской делегации в Лондоне. Прекращение боевых действий положило конец общественной консолидации военного времени, личная популярность Бордена и коалиционного правительства значительно снизилась. Самостоятельное представительство могло стать достойным ответом на упреки франкоканадцев об участии в невыгодной войне за интересы метрополии и добавило бы политических очков федеральным властям в глазах населения. О необходимости этого напоминали телеграммы исполнявшего обязанности премьер-министра Томаса Уайта. «С учётом военных усилий доминиона, другие страны-участницы должны признать уникальный характер свободных наций Британского Содружества, для которых следует предусмотреть специальную форму участия в конференции», – говорилось в послании от 4 декабря 1918 г.³⁶⁵. После затянувшейся неизвестности, Уайт даже начал интересоваться возможностью возвращения премьер-министра

для присутствия на февральской сессии парламента: судьба коалиционного правительства находилась под вопросом. Борден ответил отказом, так как сложившаяся в Лондоне обстановка требовала его непосредственного присутствия.

К решающему заседанию 31 декабря 1918 г. члены ИВК приступили, зная позицию французского парламента: «великие державы» должны были направить по пять представителей, «малые державы» – по трое, новообразованные государства-союзники – только двух делегатов³⁶⁶. Имперскому кабинету предлагалось принять эту схему, учитывая предшествующую договоренность о включении уполномоченного от доминионов, специфический статус которых не соотносился ни с одной из категорий. Подобное предложение было выгодно в первую очередь Великобритании, которая могла сохранить имперское единство для представительства на мировой арене, не вступая в спор с союзниками и блокируя при их помощи притязания доминионов. Те, в свою очередь, не оценили такой компромисс: положение и функционал их члена в британской делегации представлялись крайне туманными. Хьюз закономерно оказался самым активным противником предлагаемого варианта, стремясь удовлетворить территориальные чаяния Австралии. К нему присоединились Борден и Смэтс, предложивший в итоге модель так называемой панельной системы, при которой один-два представителя от доминионов поочередно включались в состав пяти британских переговорщиков в зависимости от предмета обсуждения.

По мнению канадского премьер-министра, оптимальным вариантом являлась делегация «великой державы» – не британская, а именно имперская за счет включения ротлируемых участников от доминионов³⁶⁷. Это позволило бы продемонстрировать и своим гражданам, и союзникам её морально-политическое единство, а автономиям – получить доступ к наиболее важным переговорам. Присутствие делегаций доминионов как отдельных государств должно было также поддержать общие усилия империи. Главам Австралии и Канады удалось сместить фокус обсуждения с количества делегатов на их юридический статус, сравнив свой вклад в победу с малыми державами – Бельгией и Португалией. Судя по протоколу

заседания, Борден напирал на то, что союзники «не вполне поняли статус доминионов, поэтому необходимо, чтобы британское правительство прояснило его». Не менее веским аргументом было предупреждение о том, что после всех жертв и лишений, он «не берётся даже предположить реакцию общественного мнения в Канаде» при отказе в представительстве³⁶⁸.

Дружный нажим доминионов не оставил британским политикам других возражений, кроме резонного сомнения, что двадцать три делегата (пятеро от Великобритании, по трое от доминионов и Индии) фактически от одного государства закономерно вызовут недовольство остальных участников мирной конференции. Поэтому для пленарных заседаний предполагалось формировать общую делегацию «великой державы» с уполномоченными от доминионов, а их самостоятельные представительства приберечь для рядовых обсуждений³⁶⁹. Итоговое решение Имперского кабинета от 31 декабря 1918 г. гласило:

«а) Представители доминионов и Индии должны присутствовать на первом заседании мирной конференции и любой другой встрече в её рамках <...>, на которой будут представлены Бельгия и другие малые союзные державы.

б) Британские доминионы и Индия должны во всех аспектах обладать теми же полномочиями, что и Бельгия, и другие малые союзные государства. <...>

г) Премьер-министры доминионов и представители от Индии должны сформировать группу, из состава которой будут выбираться лица, дополняющие британскую делегацию в соответствии с темой обсуждения.³⁷⁰»

Такой результат можно было считать успешным: индивидуальное участие много значило для официального признания роста самостоятельности доминионов, а попадание в общую делегацию давало им доступ к информации по ключевым вопросам переговоров. Во второй половине XX в. в историографии развернулась дискуссия о том, чей вклад в достижение этого успеха был весомее. Напористого Хьюза, последовательного Бордена или Смэтса, предложившего оригинальный выход³⁷¹? Учитывая, что далеко не все коллективные дискуссии и частные контакты зафиксированы и доступны исследователям, однозначно ответить на этот вопрос едва ли возможно. Кроме того, нужно учитывать, что

нужды и долговременные планы Великобритании являлись куда более влиятельным фактором, чем усилия отдельных премьер-министров доминионов. Позицию страны-матери, согласившейся на сравнительно незначительные уступки ради единства империи, исчерпывающе характеризует суждение Леопольда Эмери о том, что прямое представительство автономий – это залог их будущей лояльности к метрополии³⁷².

Уже 2 января 1919 г. Борден поспешил уведомить правительство в Оттаве о том, что выдвинутое им предложение «даёт доминионам столь же полное участие, как и малым союзным нациям», хотя это еще требовало одобрения ведущими державами Антанты³⁷³. В ответ Уайт в очередной раз напомнил, что удовлетворительным будет сочтено только самостоятельное представительство, а не поддержка американской или британской делегаций ради их покровительства. «Мы будем невероятно разочарованы, если вы не станете полноправным членом конференции, – такими словами заканчивалась телеграмма. – Крайне признательны за то, что вы делаете всё возможное для *надлежащей* [курсив мой – О.И.] формы участия Канады»³⁷⁴.

Вопрос о статусе доминионов вызвал активные дискуссии среди членов будущего Совета десяти. Например, Клемансо был настроен доброжелательно к идее особого положения для них, хотя по началу только из-за того, что ошибочно понял британский план как присутствие всего двух человек от всех доминионов и Индии³⁷⁵. Главным противником прямого допуска стран Британской империи на конференцию стал президент США Вудро Вильсон, чей государственный секретарь Роберт Лансинг «грубо пожелал узнать, с чего Канада вообще обеспокоена урегулированием европейских отношений»³⁷⁶. В ответ Ллойд Джордж напомнил о десятках тысяч канадцев, павших на континенте за гражданские свободы европейцев, и Австралии, которая потеряла больше людей, чем Соединённые Штаты³⁷⁷. Но Вильсон не уступал: по его небезосновательному мнению, доминионы не были автономны на практике и действовали бы совместно с британской делегацией.

В разгар обсуждений Борден инициировал встречу лидеров автономий, на которой они условились продолжать настаивать на статусе, равном малым союзным государствам³⁷⁸. Контраргументы высказываниям Вильсона, судя по протоколу, заключались в необходимости учёта пропорциональности вклада в войну и введения продуманной системы голосования, сводящей возможность сговоров к минимуму. При этом канадский премьер-министр подчёркивал: если отдельное представительство доминионов действительно создаёт ощутимое напряжение в послевоенных международных отношениях, то их представители находят разумным не настаивать на нём ради скорейшей выработки условий мира³⁷⁹. Если же точка зрения США продиктована исключительно пренебрежением к автономии, достигнутой самоуправляющимися частями Содружества, то они считают себя в праве оспаривать такое утверждение. В связи с чем Борден призвал учитывать национальное самосознание жителей доминионов, пристально следивших за развитием событий, особенно франкоканадцев, антибритански настроенных после введения конскрипции³⁸⁰. Представители метрополии, в том числе Бальфур и Бонар Лоу, поддержали Бордена, считая двойную репрезентацию оптимальным вариантом, достаточным для фиксации прецедента, ведь к наиболее важным обсуждениям допускать политиков из доминионов всё равно не планировалось³⁸¹.

Обстоятельства сложились в пользу автономий: американцы, с которыми им было невыгодно конфликтовать, в итоге пересмотрели свою позицию. Вильсон сообщил, что хотел бы избежать впечатления, будто он «лично против отдельного представительства британских доминионов»³⁸². После очередной дискуссии, в которой использовались в том числе выдвинутые Борденом аргументы, президент предложил предоставить Канаде, ЮАС, Австралии и Индии по два места на конференции, одно – Новой Зеландии, а также Ньюфаундленду, но без права подписи³⁸³. Мэсси и Уорд оказались крайне недовольны, но Ллойд Джордж посчитал, что они добились от союзников максимальных уступок.

Впрочем, доминионам пришлось снести ещё один удар по своему самолюбию, когда нескольким малым державам, несмотря на возражения Ллойд

Джорджа, предоставляли дополнительные места³⁸⁴. «Последствия таких изменений не приносят материального урона и затрагивают только чувства, – говорилось в официальном протесте, представленном Борденом. – Но именно национальные чувства в сочетании с моральным долгом, а не соображения выгоды, были причиной участия Канады в этой войне»³⁸⁵. По его мнению, «вряд ли можно ожидать, что канадцы сочтут справедливым представительство наравне с Сиамом и Хиджазом»³⁸⁶. Возмущение доминионов ожидаемо осталось без ответа.

Тем не менее, Борден и его делегация добились своей цели - максимально возможного обособленного участия в конференции. «Сообщение о представительстве Канады на мирной конференции было воспринято крайне положительно [общественным мнением – О.И.], – телеграфировал Уайт в Париж 16 января. – Сердечно поздравляем с успехом ваших усилий»³⁸⁷. Действительно, после затянувшейся неопределённости и пессимистичных прогнозов, специфическая форма репрезентации Канады заслужила в целом одобрительную реакцию в прессе³⁸⁸. Франкоканадские издания, транслировавшие националистические идеи, выражали одобрение даже активнее, чем англоязычные. Этот парадокс имел вполне рациональное объяснение. Хотя война «помогла крепче, чем когда-либо прежде, впрячь нас в ярмо империализма и истощить наш бюджет», она, как теперь полагали франкоканадцы, стала принципиально важным шагом на пути к полной самостоятельности страны³⁸⁹.

Общая делегация Британской империи, начавшая работу во Франции, состояла из 207 человек, в том числе – 75 представителей от доминионов³⁹⁰. Однако они не играли существенной роли: система равновесия сил между малыми и великими державами оказалась эффективной лишь на бумаге. Уже в первые недели работы стало очевидно, что решения по принципиальным вопросам принимал Совет десяти, а остальным предстояло довольствоваться обсуждением второстепенных тем. По меткому замечанию Дж. Дафо, «самостоятельное представительство дало канадцам ключи от многих дверей, но некоторые из них оказались закрыты на двойной замок»³⁹¹. Хотя представители автономии не планировали вести борьбу за приобретение новых территорий, которые ожидаемо

стали одной из самых острых тем, они не сразу смирились с подобным положением дел. При попытке Бордена добиться более широкого участия, Клемансо пришлось прямо указать на скромное место доминионов в кругу суверенных государств, куда они попали благодаря доброй воле великих держав, конференция которых действительно «проходила в соседней комнате»³⁹².

И всё-таки работа в Париже имела больше положительных моментов для автономий. Хотя они могли выражать недовольство тем, что оказались в одном ряду со странами «третьего мира», вроде Сиамы или Кубы, главным для доминионов был допуск в «клуб» государств, суверенность которых не подлежала сомнению, тогда как их собственный статус еще вызывал вопросы. Не случайно позднее в своем парламентском докладе Лоринг Кристи назвал работу канадской делегации успешной, а положение доминиона – особо выгодным³⁹³. Число его представителей, как и других стран Содружества, на пленарных заседаниях доходило до трех благодаря одновременному присутствию в составе собственной и общеимперской делегации. Борден был участником заседаний советов Пяти и Десяти, председателем делегации Британской империи во время отсутствия Ллойд Джорджа. А доступ к рабочим версиям важнейших документов, которого были лишены малые державы, позволял канадцам «контролировать ход работы в своих интересах»³⁹⁴. Хотя на практике не обходилось без минусов: для британцев приоритетными являлись переговоры с союзниками, из-за чего разрыв между темами, обсуждаемыми с главами великих держав и внутри общеимперской делегации, составил к апрелю три недели³⁹⁵.

Скромность влияния уполномоченных от доминиона побуждала журналистов повсеместно искать позитивные прецеденты: например, горячо приветствовали участие Бордена в заседаниях Совета десяти, надеясь на расширение подобной практики. Франкоканадские издания интересовались тонкостями имперских отношений меньше, хотя столь же ревностно следили за малейшими успехами собственной делегации³⁹⁶.

Надо отметить, что поведение канадской делегации одобряли отнюдь не все. Некоторые члены юнионистской коалиции – и не только консерваторы, но и

либералы – расценивали стремление премьер-министра к самостоятельности как вредное для имиджа Британской империи. При этом ряд сторонников Бордена считал, что даже более настойчивые действия с его стороны были бы оправданы. В их число входил генерал Кёрри, утверждавший, что «все намеки на неполноценность и подчиненное положение в отношениях между доминионами и Великобританией должны быть устранены»³⁹⁷. Подобная точка зрения не была редкостью и получила поддержку в прессе доминиона: «Глоуб» запальчиво сравнивала тех, кто в прецедентах Парижской конференции усматривал признаки кризиса и даже распада империи, с пораженцами и другими вредителями времён войны³⁹⁸.

К середине весны приоритетной задачей для автономий стало установление нового формата подписания мирных договоров, отражавшего их самостоятельное представительство. Прежде, из-за отсутствия международной правосубъектности, касавшиеся доминионов соглашения заключались Великобританией и требовали формального утверждения короной. Постепенное развитие самоуправления способствовало передаче им части ответственности. Например, в начале XX в. Канада фактически самостоятельно заключала торговые договоры регионального значения, если они попадали под юрисдикцию соглашений, уже действовавших между Британской империей и США, скрепляя их подписью британского посла в Вашингтоне. Ещё в начале февраля 1919 г. Борден первым из глав автономий предложил выработать особый формат подписания, получив одобрение других премьер-министров и предварительное согласие Ллойд Джорджа.

Вступив в борьбу за самостоятельное представительство на Парижской мирной конференции, канадский лидер поставил на карту многое. Премьер-министр оспаривал взгляды влиятельных политиков метрополии, разошелся во мнениях с частью собственной партии, а главное – покинул на длительный срок страну в период послевоенных трудностей. Только очевидный успех европейской командировки мог стать для общественного мнения достойным оправданием столь продолжительного неучастия премьер-министра в решении внутривнутриполитических проблем.

Двенадцатого марта Борден распространил меморандум о подписании мирного договора с Германией. В нем говорилось о том, что привлечение глав доминионов к этой процедуре должно стать «надлежащим признанием статуса» их стран, достигнутого в результате принятия Резолюции IX³⁹⁹. Предлагался следующий формат: под общим заголовком «Британская империя» разместить подзаголовки «Соединённое Королевство», «Доминион Канада», «Австралийское Содружество», «Южноафриканский Союз» и т.д.⁴⁰⁰. В соответствии с ним, британские делегаты становились первыми среди равных – никто не должен был подписывать документ от лица всей Британской империи, каждый премьер-министр – только за подвластную ему территорию.

«Предложение удовлетворительное, не найдено оснований для отказа», – постановил представитель министерства колоний Чарльз Дэвис на заседании 19 марта⁴⁰¹. Существует мнение что данное согласие исходило от главы министерства лорда Мильнера, который понял инициативу Бордена лишь как намерение лично присутствовать при подписании, а не наполнять его процедуру новым смыслом. Вследствие слабо налаженного взаимодействия внутри имперской делегации, премьер-министры доминионов не знали об этом ошибочном прочтении и удовлетворились полученным разрешением⁴⁰². Но это была только предварительная договорённость. Окончательный порядок подписания ещё предстояло определить. Когда Ллойд Джордж и Бальфур ознакомились с инициативой Бордена, они сразу распознали её замысел. Британские руководители не собирались давать повод усомниться в единстве империи и первенстве метрополии, ставя подписи только за Соединённое королевство. Поэтому утверждённая процедура предусматривала, что представители доминионов должны присутствовать как члены общей делегации, а возглавлявший её премьер-министр метрополии заверит договор от лица Британской империи.

Таким образом, достичь максимальной выгоды у доминионов не получилось и на этот раз. Двадцать шестого марта Борден записал в дневнике, что «погода ужасная, как и мирная конференция. Обе в совершенно в нерабочем

состоянии»⁴⁰³. Канадский лидер счел дальнейшие усилия бессмысленными, а после телеграммы Уайта о серьёзных проблемах при обсуждении налогового законодательства решил вернуться на родину, несмотря на уговоры Ллойд Джорджа⁴⁰⁴. Практичность его политической манеры диктовала переориентацию в сторону задач, на которые он действительно мог повлиять, делегировав подписание Версальского мира Сифтону. Последний должен был «сохранить статус Канады на нынешней конференции, отвергая любые посягательства или непреднамеренные попытки умалить его». «В настойчивых требованиях признания должного статуса, Канада всегда непреклонно шла впереди, в большинстве случаев ведя борьбу без активной помощи, хотя и при пассивной поддержке других автономий», – напоминал Борден в инструкции о дальнейшей деятельности от 12 мая⁴⁰⁵.

В результате формулу подписания Версальского мира доминионами традиционно характеризуют как конституционно амбивалентную. Полномочные представители Великобритании поставили подписи от имени «Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, а также заморских британских доминионов», в то время как канадцы, австралийцы и другие – только от имени своих стран. Инклюзивность первого заголовка делала их подпись чистой формальностью⁴⁰⁶. Сифтон, прогнозируя раскол парламента после обнародования документа, называл формулировку «абсурдной и вообще исключающей необходимость подписания со стороны Канады»⁴⁰⁷.

Уже 7 мая, одновременно с оглашением в Париже, палата общин в Оттаве была ознакомлена с его содержанием. Восьмого мая Уайт сообщил о предоставлении принятого документа на парламентское рассмотрение и утверждение, хотя подписание Великобританией делало его обязательным к исполнению⁴⁰⁸. Собравшиеся, многие из которых являлись юристами, в недоумении начали уточнять детали: как, например, будут развиваться события в случае гипотетического отказа канадского парламента от ратификации? «Договор

будет принят при участии премьер-министра^{§§} и наших уполномоченных, поэтому не могу даже допустить мысли о подобном, – отвечал Уайт. – Но, если такое вдруг произойдет, предполагаю, что будут задействованы некие конституционные механизмы»⁴⁰⁹. Очевидно, что заместитель премьера сам до конца не был в курсе тонкостей новых прецедентов, с которыми пытался примирить парламентариев.

После возвращения канадских делегатов из Парижа, их захватили будничные дела, и только в конце июня Борден запросил у министерства по делам колоний итоговый текст мирного договора для внесения его в парламент. Хотя процесс ратификации не обсуждался в Париже, премьер-министр ещё в начале мая запланировал отыгаться на нём, собираясь сделать так, чтобы утверждение произошло в Британской империи, но специально *для* Канады. Он воспользовался уступкой, полученной Ллойд Джорджем от Клемансо на этапе утверждения модели представительства: доминионы принимали на себя обязательства после ознакомления их парламентов с Версальскими соглашениями.

Британский кабинет пришёл в замешательство: парламент метрополии уже был готов ввести в действие договор для всей империи, не желая заставлять ждать союзников. Канадскому лидеру из Лондона сухо напомнили о том, что документ должно быть ратифицировано странами Антанты и Германией до конца июля, поэтому его передача в Оттаву для рассмотрения на осенней сессии не представляется возможной. Ответ от 9 июля взволновал дипломатическое ведомство метрополии. Премьер-министр, не скрывая своего раздражения, просил объяснить, как же планируется провести ратификацию для всей Британской империи, если ни одна обещанная заверенная копия Версальского мира до сих пор не попала в Канаду⁴¹⁰.

Министр иностранных дел Бальфур полагал, что отсрочка начала действия договора из-за обсуждений в Канаде и Австралии будет катастрофична для международного престижа Великобритании, если Франция и Италия на тот момент уже завершат все процедуры. Его компромиссное предложение сводилось к

^{§§} Кабинету еще не было известно о намерении Р. Бордена покинуть Париж до подписания договора, с которым он окончательно определился 10 мая.

немедленной ратификации документа минимальным числом уже готовых к этому доминионов, чтобы дать возможность завершить метрополии процесс утверждения⁴¹¹. Министр колоний Мильнер со своей стороны опасался, что подобный шаг создаст впечатление о внутренней разобщённости Содружества и спровоцирует чувство ущемленности у «не успевших» автономий. Последнее слово было за Ллойд Джорджем, настаивавшим, что британское правительство не сможет откладывать вступление соглашений в силу после принятия его двумя другими великими державами⁴¹². Напряжённость удалось снять после того, как министерству по делам колоний стало известно о планах проведения ратификации Францией в начале сентября, когда парламент в Оттаве уже начнет новую сессию⁴¹³. На основании этой информации Мильнер настоял на ожидании хотя бы канадцев как инициаторов движения за утверждения Версальского мира в автономиях. И вновь события развивались по выгодному доминионам сценарию: самый последний из них, Австралия, одобрил Версальский мир 2 октября 1919 г., а Италия и Франция – только 7 и 11 октября соответственно.

Выступление Бордена по случаю заключения мира между союзниками и Германией состоялось в палате общин 2 сентября. В нем премьер-министр назвал компромисс 32 стран-участниц с «разными, а порой противоречивыми идеалами и устремлениями <...> выдающимся событием»⁴¹⁴. При этом сам он не был полностью удовлетворён, охарактеризовав итоговые положения как чрезмерно суровые по отношению к проигравшим. По мнению политика, вклад британской делегации в дело мирного урегулирования был значителен, а её работа проходила в «абсолютном взаимопонимании и тесном сотрудничестве»⁴¹⁵. Положение доминионов при панельной системе представлялось Бордену «особенно эффективным», а схема подписания – «важным этапом развития конституционной практики»⁴¹⁶.

Премьер-министр постарался продемонстрировать естественную закономерность конституционно-правовой эволюции Канады: от Имперского военного кабинета и принятия Резолюции IX к представительству на конференции в специфическом двойном амплуа. Он особо подчеркнул признание не только

Ллойд Джорджем, но также Вильсоном и Клемансо правомерности включения Канады в Совет Лиги Наций, устав которой должен был стать документальным подтверждением нового статуса доминиона⁴¹⁷.

Несмотря на общий успех европейской поездки Бордена, ряд членов парламента от консервативной партии восприняли его усилия скептически, считая их излишними и даже вредящими отношениям с метрополией. Сторонники же Дэниэла Макензи, исполнявшего обязанности лидера либералов после смерти Лорье, оценивали их как «манипулятивное заигрывание» с общественным мнением. В ответ Борден заявил оппонентам: «В этой величайшей из всех войн, когда на карту были поставлены свобода, справедливость и будущее мира, Канада стала демократическим лидером Американского континента. Её решимость вдохновляла, жертвы были выдающимися, усилия – неослабевающими до самого конца. Тот неукротимый дух, который сделал её способной на все эти усилия, не позволил ей на мирной конференции и не позволит где бы то ни было ещё, занять положение ниже, чем отведенное уступающим нам в развитии нациям, обладающим меньшим суверенитетом и принесшим несопоставимо меньшие жертвы»⁴¹⁸.

Парламентские дебаты по утверждению мирного договора продемонстрировали разобщенность политических сил. Даже открытая оппозиция самостоятельной ратификации не выступила единым фронтом. В своих записях премьер-министр разделил оппонентов на два лагеря. Первых он назвал «независимцами», хотя их взгляды скорее относились к националистическому изоляционизму. Часть либералов, самым ярким представителем которых стал Э. Лапуант, была встревожена излишне самостоятельной и активной, по их убеждению, позицией Канады в международном поле. Пытаясь представить своё мнение как «истинное выражение канадизма», один из оппозиционеров депутат С. Пауэр заявил: «Пусть Европа сама решит свою судьбу, а мы в Канаде сконцентрируемся на собственных делах, будучи уверены в том, что в нашей земле и у нас самих есть всё необходимое для того, чтобы стать великой и могущественной нацией»⁴¹⁹. Сторонников этого подхода критиковали за

принижения статуса доминиона и возможностей слаженной внутриимперской работы по выработке внешнеполитической линии, которую продемонстрировала Парижская мирная конференция⁴²⁰.

Вторых противников своего курса Борден иронично обозначил как «коронную колонию» или «малую Канаду». Возглавлявшие их лидер оппозиции Д. Маккензи и присоединившийся к либерал-юнионистам У. Филдинг, в прошлом министр финансов в кабинете Лорье, настаивали на том, что Канада является частью империи, а не самостоятельной нацией. Поэтому обсуждение договора, находившегося в юрисдикции короны – всего лишь обман ради манипуляций симпатиями избирателей. «С точки зрения международного права, любая попытка представить Канаду государством-нацией – всего лишь стремление поднять себя, потянув за шнурки ботинок», – заявил в ходе экспрессивного выступления Филдинг⁴²¹. Примечательно, что в этой дискуссии он стоял на более консервативных позициях относительно статуса доминиона, чем глава консервативной партии и другие национал-империалисты.

Дебаты в сентябре 1919 г. показали две основные тенденции. Во-первых, многие политики находились в растерянности относительно будущего доминиона. Кое-кто пытался спекулировать на теме происходивших изменений в его статусе для поднятия личного авторитета, как, например, планировавший стать лидером либералов Маккензи. Во-вторых, оппозицию самостоятельной ратификации стимулировало стремление вернуться под эгиду Британской империи, желательно с её довоенной мощью и статусом. Это отразило тревогу канадцев, основанную на усталости от войны и сложности анализа подвижек, происходивших в имперских и международных отношениях. Деятельность Бордена по закреплению перемен в статусе доминиона и создания перспектив для новых преобразований казалась им политической игрой, далёкой от реальных проблем.

Однако, как бы активно ни действовали антиправительственные круги, они не могли изменить соотношение сил в парламенте. Одобрение Версальского договора фактически означало не только одобрение мира с Германией, но и

поддержку широкой общественностью всей политики Бордена в англо-канадских отношениях и международных делах в 1917-1919 гг.

* * *

К рубежу XIX-XX вв. Канада выделялась среди доминионов Британской империи благодаря устойчивому демографическому приросту, ускорению темпов хозяйственного развития и процесса нациестроительства. Вызванные достижениями перемены повысили актуальность ряда вопросов, в том числе перспектив развития отношений с метрополией, размышлять о которых представители многочисленных политических течений начали ещё во второй половине XIX в.

Наибольшим идеологическим влиянием пользовались новые империалисты, в большинстве своём ассоциировавшиеся с консервативной партией, и национал-автономисты, отождествляемые с либералами, склонявшимися к минимальному взаимодействию с метрополией в области обороны и внешней политики. Переход власти к консерваторам в 1911 г. обусловил новый подход к отношениям с Великобританией, характеризовавшийся стремлением к более интенсивному сотрудничеству. Находившиеся в оппозиции либералы относились к этой инициативе скептически, будучи уверенными в уклонении метрополии от выстраивания партнерства с доминионом. Несмотря на сохранение близких позиций с партией власти по многим внутренним вопросам, их взгляды на место Канады в Британской империи претерпели поворот в сторону более активного стремления к независимости.

С началом Первой мировой войны были забыты политические разногласия. Германский милитаризм представлял собой действительно серьёзную опасность, в том числе для идеалов гражданского общества. Нависшая угроза вызвала вспышку имперского патриотизма в автономиях, временно отодвинув на второй план собственные интересы. Но уже к концу 1914 г. среди отдельных канадских политических деятелей произошёл обратный поворот в сторону внимания к

национальным приоритетам, а на рубеже 1915-1916 г. наступил кризис в отношениях с Великобританией. Метрополия, принимавшая масштабную помощь со стороны автономии как должное, не предоставляла ей полноценной информации даже по касавшимся напрямую вопросам, ни говоря уже о консультациях. Таким образом, тему принципов взаимодействия Великобритании и Канады, степени самостоятельности последней и ответственности друг перед другом, из центра общественного внимания не сумела вытеснить на длительный срок даже война.

По мере ухудшения экономической обстановки, роста потерь на полях сражений и социальной напряженности на родине, всё больше политиков начало склоняться к пересмотру модели отношений с метрополией от безвозмездной помощи в сторону партнерского сотрудничества. Премьер-министр Роберт Борден принял решение взять инициативу в свои руки и обратился к властям метрополии с рядом предложений по налаживанию коммуникаций, которые были проигнорированы. Всё это, а также продолжавшееся в 1916 г. усугубление проблем в тылу и на фронте, привело к назреванию кризиса в имперских отношениях. Одним из его последствий стало сокращение числа сторонников проектов имперской федерации в Канаде и распространение националистических настроений, в том числе среди лояльных к Великобритании членов консервативной партии.

Ллойд Джордж, занявший пост премьер-министра Соединённого Королевства, попытался найти выход из затруднений посредством формирования Имперского Военного кабинета. В рамках этого консультативного органа премьер-министры автономий получили возможность участвовать в координации военных усилий, контролируя использование предоставляемых ими ресурсов. Борден, оценивавший на тот момент англо-канадские отношения с умеренно-националистических позиций, использовал свой политический авторитет и боевые успехи экспедиционного корпуса для принятия имперской конференцией специальной резолюции, по которой признавалось право доминионов на участие в формировании внешней политики Содружества. Несмотря на отсутствие четко

прописанного механизма действий, она дала новый импульс развитию статуса доминионов. Теперь Канада не только предоставляла помощь, но также получала право голоса в обсуждениях в качестве полноправного партнера. Реализовать его Борден смог уже на заседаниях Имперского Военного кабинета 1918 г., в ходе которых раскритиковал действия британского командования на фронте и содействовал принятию Резолюции XV, дающей право главам правительств доминионов напрямую взаимодействовать с британским премьер-министром.

Изменения в имперских отношениях обуславливались не только позицией британских властей, вынужденных идти на компромисс с доминионом ради получения помощи в военное время. Большую роль в этом сыграло изменение политических настроений канадцев, которые рассматривали предоставление их стране возможности принимать решения на международном уровне как эквивалентную награду за свои усилия в деле достижения победы. Стремление оправдать их ожидания стало одним из факторов, обусловившим активную позицию канадского премьер-министра при подготовке к Парижской мирной конференции, позволившую добиться особой формы представительства для доминиона. Присутствие собственной канадской делегации было прецедентом исключительной важности, так как представляемая ей страна не имела признанного международного статуса, при этом получила возможность участвовать в обсуждениях ряда вопросов наравне с пусть и малыми, но вполне суверенными державами.

Бордену удалось реализовать далеко не все амбициозные устремления, сформировавшиеся к 1919 г. Даже достигнутые результаты вызвали заметную двусмысленность положения Канады, стремление которой к росту самостоятельности становилось проблемой для единства Британской империи. Однако политики доминиона, руководствуясь своими национальными интересами, намеревались развивать достигнутый успех.

Примечания

- ¹ Pocock J.G.A. *Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History*. Chicago, 1989.
- ² Pocock J.G.A. *The History of Political Thought: A Methodological Inquiry // Philosophy, Politics and Society*. 2nd series / Ed. by Laslett P. and Runciman W.G. Oxford, 1962. P. 183–202; Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory*. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
- ³ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., 2001; Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991; Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб., 1998.
- ⁴ Коленеко В.А. *Восприятие Канады в общественной мысли России при старом порядке 1801-1917 // Размышления о Канаде. Историко-культурный альманах. Выпуск 3.* Москва, 2007. С. 14-16.
- ⁵ Мижув П.Г. *Крестьянское царство. Очерки развития и современного состояния Канады*. СПб., 1906; Мижув П.Г. *История колониальной политики и колониальной империи Англии*. СПб., 1909.
- ⁶ Корф С.А. *Автономные колонии Великобритании*. СПб., 1914.
- ⁷ Гойхбарг А.Г. *Канада*. М., 1942; Звавич И.С. *Канада*. М., 1945.
- ⁸ Милейковский А.Г. *Канада и англо-американские противоречия*, М., 1958.
- ⁹ Канада 1918 – 1945. *Исторический очерк*. Отв. ред. Поздеева Л.В. М., 1976; Данилов С.Ю., Черкасов А.И. *Двенадцать лиц Канады*. М., 1987; Сороко-Цюпа О.С. *История Канады*. М., 1985; Тишков В.А., Кошелев Л.В. *История Канады*. М., 1982.
- ¹⁰ Канада 1918 – 1945.
- ¹¹ Сердюк А.В. *Канадо-английские отношения, 1918-1931 (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.)*. М., 1988.
- ¹² Кукушкин В.Е. *Канада и эволюция имперских отношений в конце XIX – начале XX в. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.)*. Пермь, 1994 г.
- ¹³ Кукушкин, В. Е. «Империализм» и «континентализм» в судьбах Канады (конец XIX – начало XX вв.) // *Британская история XIX–XX вв.: люди, события, идеи*. Челябинск, 1997.; Кукушкин В.Е. *Из истории канадской национальной идеи первой трети XX века: Джон Скирвинг Юарт (1849 – 1933) // Вестник ЧелГУ, серия история*. 1999, № 1.
- ¹⁴ Зимулина Л.А. *Становление государственного суверенитета британских доминионов (1914-1931) (диссертация на соискание ученой степени д.и.н.)*. М., 1995; Зимулина Л.А. *Канадская общественно-политическая мысль и британская стратегия деволуции в 20-е годы XX века. // Общественная мысль в контексте истории культуры*. М., 2004.
- ¹⁵ *Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистки*. Под ред. Иванова А.Г. Магнитогорск, 2009; Коленеко В.А. *Французская Канада в прошлом и настоящем* М., 2006; Лузянин Г.И. *Россия и Канада в 1893 – 1927 гг.* М., 1997; Коленеко В.А. *Католический синдикализм в Канаде: теория и практика (1920–1960)*. М., 2000. *Переосмысление Канады: кросс-культурные размышления о канадском обществе*. Волгоград, 2013; *Размышления о Канаде. Историко-культурологический альманах. Выпуск 3*. Под ред. Коленеко В.А. М., 2007; 150 лет Канадской Федерации: от Британского доминиона к глобальному игроку. *Материалы 6 Канадских чтений*. Под ред. Акимова Ю.Г., Минковой К.В. М., 2017.
- ¹⁶ Алферова Е.С. *От федерализма к деволуции: трансформация Британской империи (1884 – 1921 гг.) (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.)*. Владимир, 2007; Жуковская Н.Ю. *Канада в системе международных отношений 1914 – 1919 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.)*. Тамбов, 2006; Захарова О.В. *Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921 – 1931 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.)*. Владимир, 2006; Максименко С.И. *Институты власти Великобритании и расторжение англо-японского союза, 1919 – 1922 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.)*. Уссурийск, 2003.
- ¹⁷ Жуковская Н.Ю. «Североатлантический треугольник» в Версале: Канада, США и Великобритания на Парижской мирной конференции 1919 г. // *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*. Тамбов, 2006, № 3 (43); Жуковская Н.Ю. *Канада и Международная организация труда: к вопросу об изменении внешнеполитического статуса доминиона в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*. Тамбов, 2016, № 11(163); Лихарев Д.В., Симоненко Е.С. *Вступление Канады в Первую мировую войну // Новая и новейшая история*. М., 2014, №6; Нохрин И.М. *Канада в составе Британской империи в конце XIX – начале XX вв.: дилемма имперского единства и национальной автономии // Восток – Запад в контексте мировой истории: взгляд из Сибири. Материалы всероссийской научной конференции*. Иркутск, 2012; Нохрин И.М. *Прощание с империей: национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга // Pax Britannica: история Британской империи и созданного ею мира*. Челябинск, 2016; Покровская Д.М. *К 110-летию основания канадского внешнеполитического ведомства: Канада на пути к независимой внешней политике в период между мировыми войнами // Американистика на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2019; Симоненко Е.С. *Позиция Квебека по проблеме вступления Канады в Первую мировую войну // Вестник Томского государственного педагогического университета*. Томск, 2018, №5(194); Соков И.А. *Канада в системе международных отношений в период либерального правительства М. Кинга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Волгоград, 2007,*

№12; Соков И.А. Решение «канадского вопроса» в политическом треугольнике (У. Лорье, А. Бурасса, Р. Борден) в начале XX в. // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2016, № 1(27).

¹⁸ Нохрин И.М. Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания (последняя треть XIX - начало XX вв.). Huntsville, 2012; Соков И.А. У.Л.М. Кинг и эволюция канадского либерализма в первой половине XX века. М., 2011.

¹⁹ Bourinot J.G. Canada under British Rule 1760-1905. Cambridge, 1909; Parkin G.R. Round the Empire for the Use of Schools. London, 1892.

²⁰ Laut A.C. Canada, the Empire of the north, being the romantic story of the new dominion's growth from colony to kingdom. Toronto, 1909; Asselin O. A Quebec view of Canadian nationalism. Montreal, 1909.

²¹ Boyd J. The Future of Canada. Canadianism or Imperialism. Montreal. 1919; Dafoe J.W. Laurier: A Study in Canadian Politics. Toronto, 1922; Glazebrook G.P. de T. Canada at the Paris peace conference. Oxford, 1942; Read H.E. Canada as a Treaty Maker // The Canadian Bar Review. Ottawa 1927, Vol. 5.

²² Dawson R.M. The development of Dominion status, 1900-1936. London, 1937.

²³ Lower A.R.M. Colony to Nation: A History of Canada. Toronto, 1946.

²⁴ Birn D.S. Open Diplomacy at the Washington Conference of 1921-2: The British and French Experience // Comparative Studies in Society and History. Cambridge, 1970, Vol. 12, No. 3; Cook G.L. Sir Robert Borden, Lloyd George and British Military Policy, 1917-1918 // The Historical Journal. Cambridge, 1971, Vol. 14, No. 2; Fitzhardinge L.F. Hughes, Borden, and Dominion Representation at the Paris Peace Conference // The Canadian Historical Review. Toronto, 1968, Vol. XLIX, No. 2; Wigley P. Whitehall and the 1923 Imperial Conference // Journal of Imperial and Commonwealth History. London, 1972-1973, Vol. 1.

²⁵ Cook R., Brown R.C. Canada: A Nation Transformed 1896-1921. Toronto, 1976.

²⁶ Humphries C.W. Canada, 1896-1921: A Nation Transformed by Robert Craig Brown, Ramsay Cook (review) // The Canadian Historical Review. Toronto, 1976, Vol. 57, № 2. P 212-214.

²⁷ Cook R., Brown R.C. Op. cit.

²⁸ Humphries C.W. Op. cit.

²⁹ Wigley P.G. Canada and the Transition to Commonwealth. British-Canadian Relations 1917-1926. Cambridge, 1977. P. ix.

³⁰ Stacey C.P. Canada and the Age of Conflict: A History of Canadian External Policies. Vol. I, 1867-1921. Toronto, 1977; Stacey C.P. Canada and the Age of Conflict: a History of Canadian External Policies. Vol. II, 1921 - 1948: the Mackenzie King Era. Toronto, 1981.

³¹ Neatby H.B. Canada and the Age of Conflict: a History of Canadian External Policies. II: 1921-1948: the Mackenzie King Era by C.P. Stacey (review) // The Canadian Historical Review. Toronto, 1981, Vol. 62, №4. P. 522-523

³² Studies In British Imperial History: Essays in Honour of A. P. Thornton. Ed. by Gordon Martel. London, 1986; MacMillan M. Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and Its Attempt to End War. London, 2001; Media, Memory, and the First World War. McGill-Queen's Studies in the History of Ideas. Ed. by Cercone P.J. Montreal, 2009; Wilson B.M. The Road to the Cobourg Court Room: New Material from the Archives of the Canadian War Museum on the Sir Arthur Currie-Sir Sam Hughes Dispute, 1918-1919 // Canadian Military History. Waterloo, 2012, Vol. 10, Issue 3; Valkoun J. Dominions, Great Britain and Questions Related to Imperial Foreign Policy Implementation and Direction in the 1920s and at the Beginning of the 1930s // West Bohemian Historical Review. Pilsen, 2016, Vol. VI, №2; Vimy Ridge: A Canadian Reassessment. Ed. by Hayes G., Iarocci A., Bechthold M. Waterloo, 2007.

³³ Courtois C.-P. Trois mouvements intellectuels québécois et leurs relations françaises: l'Action française, La Relève et La Nation (1917-1939) (Thèse de doctorat, Histoire, IEP-Paris et UQAM). Paris, 2008; McManus M.K. The End of Imperial Diplomatic Unity, 1919-1928: Anglo-Canadian Relations from the British Perspective (A thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of London). London, 1992; Sauntry V. Canadian Newspapers and the Paris Peace Conference of 1919: A Study of English-Language Media Opinion (A thesis presented to the University of Waterloo in fulfillment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History). Waterloo, 2008; Keelan G. Bourassa's War: Henri Bourassa and the First World War (A thesis presented to the University of Waterloo in fulfillment of the thesis requirement for the degree of Doctor of Philosophy in History). Waterloo, 2015.

³⁴ Canada and the British Empire. Ed. by P. Buckner. Oxford, 2008; Darwin J. The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge, 2009.

³⁵ Berger C. The Sense of Power: Studies in the Ideas of Canadian Imperialism, 1867-1914. Toronto, 1970.

³⁶ Cook R. The Maple Leaf Forever: Essays on Nationalism and Politics in Canada. Toronto, 1971; Cook R. Watching Quebec: Selected Essays. Montreal, 2005; Underhill F.H. In Search of Canadian Liberalism. Toronto, 1960.

³⁷ Kendle J. The Round Table Movement and Imperial Union. Toronto, 1975.

³⁸ Inglis D. Vimy Ridge: 1917-1992. A Canadian Myth Over Seventy Five Years. (A thesis presented to the Simon Fraser University in fulfillment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History). Vancouver, 1995; Tennyson B.D. Canada's Great War, 1914-1918: How Canada Helped Save the British Empire and Became a North American Nation. Toronto, 2014; Prince R.S. The Mythology of War: How the Canadian Daily Newspaper Depicted the Great War. Toronto, 1998.

³⁹ CAB 23 First World War conclusions [URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.htm>]

- ⁴⁰ An act to Confer Certain Powers upon the Governor in Council and to Amend the Immigration Act [URL: http://eco.canadiana.ca/view/oocihm.9_08039/2?r=0&s=1]; An act to Confer the Electoral Franchise upon Women // 8-9 George V, Chap. 20;
- Regulation 17: Circular of Instruction No. 17 for Ontario Separate Schools for the School Year 1912–1913 [URL: https://slmc.uottawa.ca/?q=leg_regulation_17]; Report of the Imperial War Conference, 1917 // Parliamentary Papers (Great Britain), Cd. 8566. London, 1917. P. 4-5.
- ⁴¹ Correspondence Regarding the Halibut Fisheries Treaty // Canadian Sessional Papers, No. IIIa. Ottawa, 1923. P. 10-16; Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. 12th Parliament, 7th Session. Ottawa, 1918.
- ⁴² Documents on Canadian External Affairs. Vol. 1, 1909–1918. Ottawa, 1967.
- ⁴³ Bourassa, H. Conscriptio. Montreal, 1917; Curtis L. The Problem of Commonwealth. Toronto, 1915; Parkin G.R., Ewart J.S. The kingdom of Canada. Toronto, 1908; G.R. Round the empire for the use of schools. London, 1892.
- ⁴⁴ Bourassa H. Hier, aujourd'hui, demain. Montreal, 1916; Bourassa H. The Duty of Canada at the Present Hour. Montreal, 1916; Bourassa H. Une Page d'Histoire //Le Devoir, 1914; Bourassa, H. Après la Guerre, la Famine//Le Devoir, 1914.
- ⁴⁵ Arthur Meighen's Election Manifesto, 4 October 1921 // Gazette, 5 October 1921; Extracts from Mackenzie King's Statement on Foreign Policy, 8 October 1923. King Papers, P.A.C., folios C 62621-38; The Liberal Platform // Liberal Speaker's Handbook. Toronto, 1921; Speech of sir Robert Borden on the Treaty of Peace with Germany // Canadian House of Commons Debates. Ottawa, 1919. P. 13-22.
- ⁴⁶ Canada at War. A Speech Delivered By Rt. Hon. Sir Robert Laird Borden. Ottawa, 1916; Documents on Canadian External Relations. Vol. 3, 1919 – 1925. Ed. by Clark L.C. Ottawa, 1970.
- ⁴⁷ War Memoirs of David Lloyd George. 1918. Boston, 1937.
- ⁴⁸ Borden R. L., Macquarrie H. Robert Laird Borden, Vol I: His Memoirs. Toronto, 1969; The Diaries of William Lyon Mackenzie King [URL: <http://webarchive.bac-lac.gc.ca:8080/wayback/20120509202239/http://www.collectionscanada.gc.ca/databases/king/001059-100.01-e.php>].
- ⁴⁹ Historical Statistics of Canada. Ed. by Urquhart M.C., Buckley K.A.H. Cambridge, Toronto, 1965; Mackintosh W.A. The Economic Background of Dominion-Provincial Relations: Appendix III of the Royal Commission Report on Dominion-Provincial Relations. Toronto, 1967; Nicholson G.W.L. Canadian Expeditionary Force 1914–1919. Official History of the Canadian Army in the First World War. Ottawa, 1962.
- ⁵⁰ The British North America Act, 1867 [URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/30-31/3/enacted>]
- ⁵¹ Canada: The Land Of Opportunity. Ottawa, 1900. P. 20.
- ⁵² Parkin, G.R. Round the empire for the use of schools. London, 1892. P. 2.
- ⁵³ Statistics Canada: Estimated population of Canada, 1605 to present [URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/98-187-x/4151287-eng.htm>]
- ⁵⁴ Ninette K., Trebilcock M.J. The Making of the Mosaic: A History of Canadian Immigration Policy. Toronto, 2010. P. 116.
- ⁵⁵ Reynolds L.G. The British Immigrant: His Social and Economic Adjustment in Canada. Toronto, 1935. P. 57.
- ⁵⁶ Statistics Canada: immigration from 1851 to 2001. [URL: <http://www40.statcan.ca/cbin/ze/w40re.cgi/101/cst01/demo03.htm?sdi=immigration>]
- ⁵⁷ Kukushin V. From peasants to labourers: Ukrainian and Belarusan Immigration from the Russian Empire to Canada. Kingston, 2007. P. 40.
- ⁵⁸ Cook R., Brown R.C. Canada: A Nation Transformed 1896-1921. Toronto, 1976. P. 57.
- ⁵⁹ An Act Respecting Immigration. Ottawa, 1910.
- ⁶⁰ House of Commons Debates, 9th Parliament, 3rd Session, Vol. 3. Ottawa, 1903. P. 6562.
- ⁶¹ Connor R. The foreigner: a Tale of Saskatchewan. New York, 1909.
- ⁶² Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 74.
- ⁶³ The Alberta Act (4-5 Edward VII, c. 3 Dominion statute) // Statutes, treaties and documents of the Canadian Constitution, 1713-1929. Toronto, 1930. P. 683; The Saskatchewan Act (4-5 Edward VII, c. 42 Dominion statute) // Statutes, treaties and documents of the Canadian Constitution, 1713-1929. Toronto, 1930. P. 687.
- ⁶⁴ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 81; Parkin, G.R. Op. cit. P. 17-18.
- ⁶⁵ MacGibbon D.A. The Canadian Grain Trade, 1931-1951. Toronto, 1952. P. 82.
- ⁶⁶ Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М., 1985. С. 94.
- ⁶⁷ Mackintosh W.A. The Economic Background of Dominion-Provincial Relations: Appendix III of the Royal Commission Report on Dominion-Provincial Relations. Toronto, 1967. P. 48.
- ⁶⁸ Данилов С.Ю., Черкасов А.И. Двенадцать лиц Канады. М., 1987. С. 131.
- ⁶⁹ Mackintosh W.A. Op. cit. P. 85.
- ⁷⁰ Canada Year Book: 1932. Ottawa, 1933. P. 103.
- ⁷¹ Bliss M. Right Honourable Men: The Descent of Canadian Politics from MacDonald to Mulroney. Toronto, 1994. P. 131.
- ⁷² Сороко-Цюпа О.С. Указ. соч. С. 102-103.
- ⁷³ Biggar E.B. Hydro-Electric Development in Ontario: A History of Water Power Administration under the Hydro-Electric Power Commission of Ontario. Toronto, 1920. P. 35.
- ⁷⁴ Freeman Neil B. The politics of power: Ontario Hydro and its government, 1906-1995. P. 37.
- ⁷⁵ Porritt E. Sixty Years of Protection in Canada. 1846-1912. Winnipeg, 1913. P. 451.
- ⁷⁶ Skelton O.D. Life and Letters of Sir Wilfrid Laurier. P. 387.

- ⁷⁷ Ibid. P. 388.
- ⁷⁸ History of Federal Ridings since 1867 [URL: <http://www.parl.gc.ca/About/Parliament/FederalRidingsHistory/hfer.asp?Language=E&Search=G>]
- ⁷⁹ MacKenzie D., Dutil P. Canada 1911: The Decisive Election that Shaped the Country. London, 2001. P. 249.
- ⁸⁰ Bliss M. Op. cit. P. 65
- ⁸¹ Ibid. P. 66
- ⁸² Macquarrie H. Robert Borden and the Election of 1911 // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne d'Economie et de Science politique. Toronto, 1959, Vol. 25, №3. P. 280.
- ⁸³ Borden R. L. Macquarrie H. Robert Laird Borden, Vol I: His Memoirs. Toronto, 1969. P. 327.
- ⁸⁴ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 183.
- ⁸⁵ History of Federal Ridings since 1867 [URL: <http://www.parl.gc.ca/About/Parliament/FederalRidingsHistory/hfer.asp?Language=E&Search=G>]
- ⁸⁶ MacKenzie D., Dutil P. Op. cit. P. 280.
- ⁸⁷ Borden R. L., Macquarrie H. Op. cit. P. 231.
- ⁸⁸ Morton D. A Short History of Canada. Toronto, 2006. P. 173.
- ⁸⁹ MacKenzie D., Dutil P. Op. cit. P. 296.
- ⁹⁰ Canada Grain Act with Amendments. Ottawa, 1912.
- ⁹¹ House of Commons Debates, 12th Parliament, 2nd Session: Vol. 2. Ottawa, 1912-1913. P. 2147.
- ⁹² Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 198.
- ⁹³ Ibid. 199.
- ⁹⁴ Leonard F. A Thousand Blunders: The Grand Trunk Pacific Railway and Northern British Columbia. Vancouver, 1996. P. 89.
- ⁹⁵ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 199.
- ⁹⁶ Bercuson D. Confrontation at Winnipeg: Labour, Industrial Relations, and the General Strike. Montreal, 1990. P. 17; Fudge J., Tucker E. Labour Before the Law: The Regulation of Workers Collective Action in Canada, 1900-1948. Toronto, 2001. P. 66.
- ⁹⁷ Fudge J., Tucker E. Op. cit. P. 87.
- ⁹⁸ Goutor D. Guarding the Gates: The Canadian Labour Movement and Immigration, 1872-1934. Vancouver, 2007. P. 149.
- ⁹⁹ Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М., 1982. С. 119.
- ¹⁰⁰ Нохрин И.М. Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания. Канада, 2012 г. С. 35.
- ¹⁰¹ Drummond A.T. Imperial and Colonial Confederation // Rose-Belford's Canadian Monthly and National Review. Oxford [reprint], 1875, Vol. VII. P.406.
- ¹⁰² Archer A. Canada. A Short History of the Dominion of Canada. St. John, 1884; Calkin J. A history of the Dominion of Canada. Halifax, 1898; Tuttle Ch R. Short history of the Dominion of Canada, from 1500 to 1878. Boston, 1878.
- ¹⁰³ Auchinleck G. A history of the war between Great Britain and the United States of America, during the years 1812, 1813, and 1814. Toronto, 1862; Gilleland J. C. History of the late war, between the United States and Great Britain. Baltimore, 1818; Johnson R. A history of the War of 1812-15; between the United States and Great Britain. New York, 1882.
- ¹⁰⁴ Monro A. New Brunswick, with a brief outline of Nova Scotia and Prince Edward Island. Halifax, 1855.
- ¹⁰⁵ Bourinot J.G. Our intellectual strength and weakness; a short historical and critical review of literature, art and education in Canada. Montreal. 1898. P. 17; Galway E. From Nursery Rhymes to Nationhood Children's Literature and the Construction of Canadian Identity. New York, 2008. P. 146.
- ¹⁰⁶ Canada National Anthem [Url: https://www.canada.ca/content/dam/ircc/migration/ircc/english/celebrate/pdf/national_anthem_e.pdf]
- ¹⁰⁷ New W.H. A History of Canadian Literature. Montreal, 2003. P. 36-38.
- ¹⁰⁸ Montgomery L.M. Anne of Green Gables. New York, 2014. P. 191.
- ¹⁰⁹ Hémon L. Maria Chapdelaine. Montréal, 1988. Garneau F.-X. Histoire du Canada depuis sa découverte jusqu'à nos jours. Montréal, 1996.
- ¹¹⁰ Potvin G. Kallmann H. "O Canada" // The Canadian Encyclopedia. Toronto, 2015. [URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/en/article/o-canada/>]
- ¹¹¹ Skelton O.D. Op. cit. P. 149.
- ¹¹² Нохрин И.М. Миграция лоялистов как фактор политического развития и межэтнических отношений в Канаде конца XVIII в. // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. Челябинск, 2013, №1. С. 19.
- ¹¹³ Report [of] the first meetings of the League in Canada. Montreal, 1885. P.2.
- ¹¹⁴ Berger C. The Sense of Power: Studies in the Ideas of Canadian Imperialism, 1867-1914. Toronto, 1970. P. 79.
- ¹¹⁵ Skelton O.D. Op. cit. P. 73.
- ¹¹⁶ Parkin, G.R. Imperial Federation: the problem of national unity. London, 1892. P. 31.
- ¹¹⁷ Grant G.M. Ocean to ocean: Sandford Fleming's expedition through Canada in 1872: being a diary kept during a journey from the Atlantic to the Pacific with the expedition of the engineer-in-chief of the Canadian Pacific and Intercolonial railways. London, 1873. P. 367.
- ¹¹⁸ Elements of Political Science. Boston, 1906. P. 20; Leacock S. Economic Prosperity in the British Empire. Toronto, 1930.

- ¹¹⁹ Denison G.T. Robert Grant Haliburton // *The Canadian Magazine of Art, Science and Literature*. Oxford [reprint], 1901, Vol. XVII. №2. P. 129.
- ¹²⁰ Нохрин И.М. Организация «Канада прежде всего» в контексте развития общественно-политической мысли Британской Северной Америки (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // *Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистики*. Магнитогорск, 2009 г. С. 34-35.
- ¹²¹ Кукушкин В.Е. Из истории канадской национальной идеи первой трети XX века: Джон Скирвинг Юарт (1849 – 1933) // *Вестник ЧелГУ, серия история*. Челябинск, 1999, №1. С. 113.
- ¹²² Ewart J.S. *The kingdom of Canada*. Toronto, 1908. P. 350.
- ¹²³ Ibid. P. 25.
- ¹²⁴ Ewart to E.L. Duveen. July 26, 1910 // *Ewart Papers* P. 77. Цит. по Кукушкин В.Е. Из истории канадской национальной идеи первой трети XX века: Джон Скирвинг Юарт (1849 – 1933) // *Вестник ЧелГУ, серия история*. 1999, №1.
- ¹²⁵ Кукушкин В.Е. Из истории канадской национальной идеи первой трети XX века: Джон Скирвинг Юарт (1849 – 1933) // *Вестник ЧелГУ, серия история*. Челябинск, 1999, №1. С. 111.
- ¹²⁶ Коленеко В.А. *Французская Канада в прошлом и настоящем* М., 2006. С. 83.
- ¹²⁷ Нохрин И.М. *Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания*. Канада, 2012 г. С. 177.
- ¹²⁸ Pelletier-Baillargeon H. *Olivar Asselin et son temps: Tome 1, Le militant*. Montréal, 1996. P. 486.
- ¹²⁹ *The development of Dominion status, 1900-1936*. Ed. by Dawson R.M. London, 1937. P. 136.
- ¹³⁰ *Proceedings of the Royal Colonial Institute*. London, 1907, Vol. 38. P. 293.
- ¹³¹ *Le Devoir* // Montréal, 26 juin 1911.
- ¹³² Кукушкин, В. Е. «Империализм» и «континентализм» в судьбах Канады (конец XIX – начало XX вв.) // *Британская история XIX–XX вв.: люди, события, идеи*. Челябинск, 1997. С. 80.
- ¹³³ Underhill, F.H. *In Search of Canadian Liberalism*. Toronto, 1960. P. 91.
- ¹³⁴ Smith, G. *Political Destiny of Canada*. Toronto, 1878. P. 21.
- ¹³⁵ Нохрин И.М. Жюль-Поль Тардивель и становление идей франко-канадского сепаратизма в последней трети XIX в. // *Вестник ЧелГУ. Серия История*. Челябинск, 2011, № 9. С. 118.
- ¹³⁶ Нохрин И.М. *Op. cit.* С. 186.
- ¹³⁷ Dawson R.M. *Op. cit.* P. 130.
- ¹³⁸ Нохрин И.М. Канада в составе Британской империи в конце XIX – начале XX вв.: дилемма имперского единства и национальной автономии // *Восток – Запад в контексте мировой истории: взгляд из Сибири. Материалы всероссийской научной конференции*. Иркутск, 2012. С. 202
- ¹³⁹ CAB 2/2: Committee of Imperial Defence and Standing Defence Sub-committee: Minutes. 29-30. May 1911.
- ¹⁴⁰ Wigley P.G. *Canada and the Transition to Commonwealth*. *British-Canadian Relations 1917-1926* (Cambridge Commonwealth Series). Cambridge, 1977. P. 15.
- ¹⁴¹ Соков И.А. Решение «канадского вопроса» в политическом треугольнике (У. Лорье, А. Бурасса, Р. Борден) в начале XX в. *Вестник Брянского государственного университета*. – Брянск, 2016. - № 1(27). С. 109.
- ¹⁴² Skelton O.D. *Canada's Rejection of Reciprocity* // *The Journal of Political Economy*. Chicago, 1911, №9. P. 729.
- ¹⁴³ Dutil P., MacKenzie D. *Op. cit.* P. 300.
- ¹⁴⁴ Stacey C.P. *Canada and the Age of Conflict: A History of Canadian External Policies*. Vol. I, 1867-1921. Toronto, 1977. P. 158.
- ¹⁴⁵ *The Canadian Annual Review of Public Affairs*, 1911. London, 2018. P. 295.
- ¹⁴⁶ *Text Of The Naval Service Act As Passed In 1910*// Tucker G. N. *The Naval Service Of Canada*. Ottawa, 1962.
- ¹⁴⁷ MacKenzie D., Dutil P. *Op. cit.* P. 46.
- ¹⁴⁸ Borden R. L., Macquarrie H. *Op. cit.* P. 364.
- ¹⁴⁹ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 207.
- ¹⁵⁰ *House of Commons Debates, 12th Parliament, 1st Session: Vol. 1*. Ottawa, 1912. P. 692.
- ¹⁵¹ Borden R. L., Macquarrie H. *Op. cit.* P. 409.
- ¹⁵² Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 209.
- ¹⁵³ Bliss M. *Op. cit.* P. 76.
- ¹⁵⁴ *The Canada Gazette*. Ottawa, 1 August 1914, vol. 48.
- ¹⁵⁵ Tennyson B.D. *Canada's Great War, 1914-1918: How Canada Helped Save the British Empire and Became a North American Nation*. Toronto, 2014. P. 7.
- ¹⁵⁶ Borden R. L., Macquarrie H. *Op. cit.* P. 210.
- ¹⁵⁷ Tennyson B.D. *Op. cit.* P. 8.
- ¹⁵⁸ Симоненко Е.С. Позиция Квебека по проблеме вступления Канады в Первую мировую войну // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – Томск, 2018. - №5(194). С. 83.
- ¹⁵⁹ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 21.
- ¹⁶⁰ *House of Commons Debates, 12th Parliament, 4th Session: Vol. 1*. Ottawa, 1914. P. 10.
- ¹⁶¹ Bourassa, Henri. *The Duty of Canada at the Present Hour* // *Le Devoir*. Montreal, 1915. P. 1.
- ¹⁶² *The Globe*. 1914, August 3-4 / Цит. по Le Rossignol J. E. *Canada and the War*. P. 268.

- ¹⁶³ Zuehlke M. *Brave Battalion: The Remarkable Saga of the 16th Battalion (Canadian Scottish) in the First World War*. Ontario, 2008. P. 7.
- ¹⁶⁴ Manitoba Free Press. 1914, August 7. p. 11. / Цит. по Prince R.S. *The Mythology of War: How the Canadian Daily Newspaper Depicted the Great War*. Toronto, 1998. P. 131.
- ¹⁶⁵ Zuehlke M. *Op. cit.* P. 8.
- ¹⁶⁶ Prince R.S. *The Mythology of War: How the Canadian Daily Newspaper Depicted the Great War*. Toronto, 1998. P. 36.
- ¹⁶⁷ King George Addresses the Colonies. London, 1914, August 4.
- ¹⁶⁸ Ewart J.S. *The Roots and Causes of the Wars (1914-1918)*. Vol. 2. New York, 1925. P. 991.
- ¹⁶⁹ *Official History of the Canadian Army in the First World War: Canadian Expeditionary Force 1914-1919*. Ottawa, 1938. P. 18.
- ¹⁷⁰ Лихарев Д.В., Симоненко Е.С. Вступление Канады в Первую мировую войну // *Новая и новейшая история*. М., 2014, №6. С. 22.
- ¹⁷¹ Canadian War Museum: Training at Valcartier [URL: <http://www.warmuseum.ca/firstworldwar/history/going-to-war/canada-enters-the-war/training-at-valcartier/>]
- ¹⁷² Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 215.
- ¹⁷³ Tennyson B.D. *Op. cit.* P. 10.
- ¹⁷⁴ House of Commons Debates, 12th Parliament, 4th Session: Vol. 1. Ottawa, 1914.
- ¹⁷⁵ An act to confer certain powers upon the Governor in Council and to amend the immigration act [URL: http://eco.canadiana.ca/view/oocihm.9_08039/2?r=0&s=1]
- ¹⁷⁶ *Ibid.*
- ¹⁷⁷ *Ibid.*
- ¹⁷⁸ House of Commons Debates, 12th Parliament, 4th Session : Vol. 1. Ottawa, 1914. P. 19.
- ¹⁷⁹ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. М., 2011. С. 375.
- ¹⁸⁰ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 216
- ¹⁸¹ Letter from C.D.C. in the Montreal Star, 30 April 1915, p. 10. Цит. по P. 109.
- ¹⁸² Duguid A.F. *Op. cit.* P. 17.
- ¹⁸³ *Ibid.*
- ¹⁸⁴ *Ibid.*
- ¹⁸⁵ Tennyson B.D. *Op. cit.* P. 30.
- ¹⁸⁶ Borden papers, speech to Canadian Club of Montreal, 7 December 1914, pp. 177074-5. Цит. по Cook T. "Our first duty is to win, at any cost" Sir Robert Borden during the Great War. // *Journal of Military and Strategic Studies*. Calgary, 2011, Vol. 13. P. 8.
- ¹⁸⁷ Kordan B.S. "They Will Be Dangerous": Security and the Control of Enemy Aliens in Canada, 1914 // *Canadian State Trials, Volume IV: Security, Dissent and the Limits of Toleration in War and Peace, 1914 – 1939*. Ed. by Wright B., Tucker E., Binnie S. USA, 2015. P. 54.
- ¹⁸⁸ Avery D. *Dangerous foreigners: European Immigrant Workers and Labour Radicalism in Canada, 1896-1932*. Oxford, 1979. P. 66.
- ¹⁸⁹ *Ibid.* P. 69.
- ¹⁹⁰ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 225
- ¹⁹¹ Bourassa, H. *Après la Guerre, la Famine// Le Devoir*. Montreal, 1914, September 2. P. 1.
- ¹⁹² *Ibid.*
- ¹⁹³ Bourassa H. *Une Page d'Histoire IV // Le Devoir*. Montreal, 1914, September 12. P. 1.
- ¹⁹⁴ Bourassa H. *Une Page d'Histoire V//Le Devoir*. Montreal, 1914, September 14. P. 1.
- ¹⁹⁵ Bourassa, H. *Vrai Loyalisme//Le Devoir*. Montreal, 1914, November 19.
- ¹⁹⁶ Keelan G. *Bourassa's War: Henri Bourassa and the First World War*. Waterloo, 2015. P. 89.
- ¹⁹⁷ *Ibid.* P. 90.
- ¹⁹⁸ *Ibid.* P. 91.
- ¹⁹⁹ *Ibid.* P. 93-94.
- ²⁰⁰ Bourassa H. *The Duty of Canada at the Present Hour*. Montreal, 1916. P. 7.
- ²⁰¹ *Ibid.* P. 9.
- ²⁰² *Ibid.* P. 24.
- ²⁰³ *Ibid.* P. 9.
- ²⁰⁴ Montreal Star. Montreal, 1914, October 10 P. 5
- ²⁰⁵ Neufeld E. P. *Money and Banking in Canada*. Toronto, 1967. P. 207.
- ²⁰⁶ *Ibid.* P. 209.
- ²⁰⁷ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 229.
- ²⁰⁸ *Ibid.* P. 230.
- ²⁰⁹ Lew B., McInnis M. *Guns and Butter: World War I and the Canadian Economy*. P. 16. [URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1072.2930&rep=rep1&type=pdf>]
- ²¹⁰ House of Commons Debates, 12th Parliament, 5th Session: Vol. 1. Ottawa, 1915. P. 552.
- ²¹¹ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 245.
- ²¹² Lew B., McInnis M. *Op. cit.* P. 42.

-
- ²¹³ Warhaft S. *Well May We Say... The Speeches That Made Australia*. Melbourne, 2004. P. 74.
- ²¹⁴ William Ferguson Massey // Magill F. N. *The 20th Century Go-N: Dictionary of World Biography, Volume 8*. 1999. P. 2445.
- ²¹⁵ Nicholson G.W.L., Humphries M.O. *Op. cit.* P. 215.
- ²¹⁶ Tennyson B.D. *Op. cit.* Toronto, 2014. P. 91.
- ²¹⁷ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 239.
- ²¹⁸ Nicholson, Col. G.W.L. *Op. cit.* P. 28.
- ²¹⁹ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 216.
- ²²⁰ Battle of St. Eloi Craters // *The Canadian Encyclopedia* [URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/battle-of-st-eloi-craters/>]
- ²²¹ Грудзинский, В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм. Челябинск, 1996. С. 226.
- ²²² Curtis L. *The Problem of the Commonwealth*. London, 1915. P. 9
- ²²³ Brown R.C. *Robert Laird Borden: A biography*. Toronto, 1980. P. 28.
- ²²⁴ *Ibid.* P. 29.
- ²²⁵ Borden R. L., Macquarrie H. *Op. cit.* P. 234.
- ²²⁶ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 23.
- ²²⁷ *Ibid.*
- ²²⁸ *Documents on Canadian external relations. Vol. 1 (1908-1918)*. Ottawa, 1969. P. 104.
- ²²⁹ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 24
- ²³⁰ Milner A. *Speeches Delivered in Canada by viscount Milner*. Toronto, 1909. P. 15.
- ²³¹ Алферова Е.С. От федерализма к деволюции: трансформация Британской империи (1884 – 1921 гг.) (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Владимир, 2007. С. 136.
- ²³² Berger C. *Op. cit.* P.
- ²³³ Kendle J. *The Round Table Movement and Imperial Union*. Toronto, 1975. P. 165
- ²³⁴ Curtis L. *Op. cit.* P. 157.
- ²³⁵ Kendle J. *Op. cit.* P. 188.
- ²³⁶ Eayrs J. *The Round Table Movement in Canada, 1909–1920 // Canadian Historical Review*. Toronto, 1957, Vol. 38. P. 5.
- ²³⁷ Keith A. *Imperial Unity and the Dominions*. Oxford, 1916. P. 418.
- ²³⁸ *Ibid.* P. 127.
- ²³⁹ Breadner R.W. *The Canadian Business Profits And Income War Tax Acts: I. The Business Profits War Tax Act // The Bulletin of the National Tax Association*. Washington, 1919, Vol. 4, No. 4. P. 93-97.
- ²⁴⁰ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 236.
- ²⁴¹ Knowles V. *Strangers at Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–2015*. Toronto, 2007. P. 129.
- ²⁴² Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 260.
- ²⁴³ Брендон П. Указ. соч. С. 354.
- ²⁴⁴ Там же. С. 375.
- ²⁴⁵ *War Memoirs of David Lloyd George 1915-1916 (Vol. II)*. Boston, 1937. P. 324.
- ²⁴⁶ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 217.
- ²⁴⁷ Prince R.S. *Op. cit.* P. 276.
- ²⁴⁸ *Ibid.* P. 5.
- ²⁴⁹ Armstrong E. *The Crisis of Quebec, 1914-1918*. Ottawa, 1974. P. 123.
- ²⁵⁰ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 220.
- ²⁵¹ Armstrong E. *Op. cit.* P. 124.
- ²⁵² Bourassa H. *Hier, aujourd'hui, demain*. Montreal, 1916. P. 40.
- ²⁵³ *Ibid.* P. 55.
- ²⁵⁴ *Ibid.* P. 65.
- ²⁵⁵ *Ibid.* P. 112.
- ²⁵⁶ *Ibid.* P. 133.
- ²⁵⁷ *Ibid.* P. 146.
- ²⁵⁸ *Ibid.* P. 177.
- ²⁵⁹ Morris J. *Pax Britannica: The Climax of an Empire*. USA, 1968. P. 252.
- ²⁶⁰ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 280.
- ²⁶¹ *Canada at War. A Speech Delivered By Rt. Hon. Sir Robert Laird Borden*. Oxford[reprint], 1916. P. 6-8.
- ²⁶² *Ibid.* P. 8.
- ²⁶³ *Ibid.*
- ²⁶⁴ Cook R., Brown R.C. *Op. cit.* P. 277.
- ²⁶⁵ *Industrial Canada*. Toronto, 1916, October.
- ²⁶⁶ Brown R.C. *Op. cit.* P. 65.
- ²⁶⁷ *Ibid.* P. 69.
- ²⁶⁸ Stacey C.P. *Op. cit.* P. 206.
- ²⁶⁹ Wrong G.M. *Canada and The Imperial War Cabinet // The Canadian Historical Review*. Toronto, 1920, Vol. 1. P. 12.

- ²⁷⁰ Dawson R.M. Op. cit. P. 22.
- ²⁷¹ Ibid.
- ²⁷² Ibid. P. 23.
- ²⁷³ War Memoirs of David Lloyd George. P. 1735.
- ²⁷⁴ House of Commons Debates, 12th Parliament, 7th Session: Vol. 1. Ottawa, 1918. P. 604.
- ²⁷⁵ Stacey C.P. Op. cit. P. 206.
- ²⁷⁶ Wigley P.G. Op. cit. P. 34.
- ²⁷⁷ Historical Documents of Canada, Volume V: The Arts of War and Peace, 1914-1945. Ed. by Stacey C.P. Toronto, 1972. P. 366.
- ²⁷⁸ Documents on Canadian External Policy. 1917-1939. Ed. by Riddel W.A. Toronto, 1962. P. 5.
- ²⁷⁹ Грудзинский, В.В. Указ. соч. С. 246.
- ²⁸⁰ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 368
- ²⁸¹ Ibid.
- ²⁸² Buffetaut Y. 1917 Spring Offensives: Arras, Vimy, le Chemin des Dames. Paris, 1997. P. 59.
- ²⁸³ Nicholson G.W.L. Op. cit. P. 263.
- ²⁸⁴ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 218; Ibid. 252.
- ²⁸⁵ Tennyson B.D. Op. cit. Toronto, 2014. P. 79.
- ²⁸⁶ Le Devoir //Montreal, 1917, April 10. P. 1; Vancouver Sun // Vancouver, 1917, April 10. P. 1; The Halifax Herald // Halifax, 1917, April 10. P. 1.
- ²⁸⁷ The Manchester Guardian// Manchester, 1917, April 16. P. 3.
- ²⁸⁸ Inglis D. Vimy Ridge: 1917-1992. A Canadian Myth Over Seventy Five Years. Master of Arts Thesis. Simon Fraser University, 1995. P. 41.
- ²⁸⁹ Documents on Canadian External Affairs. Vol. I. Ottawa, 1967. P. 314
- ²⁹⁰ Inglis D. Op. cit. P. 39
- ²⁹¹ Granatstein J.L. Canada's Army: Waging War and Keeping the Peace. Toronto, 2004. P. 118.
- ²⁹² Dawson R.M. Op. cit. P. 175
- ²⁹³ Ibid.
- ²⁹⁴ Stacey C.P. Op. cit. P. 213.
- ²⁹⁵ Грудзинский, В.В. Указ. соч. С. 248.
- ²⁹⁶ Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. 12th Parliament, 7th Session. Ottawa, 1918. P. 1527
- ²⁹⁷ Crowley T. Marriage of Minds: Isabel and Oscar Skelton Reinventing Canada. Toronto, 2003. P. 118-120.
- ²⁹⁸ Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. 12th Parliament, 7th Session. Ottawa, 1918. P. 1543
- ²⁹⁹ Thompson G. Reframing Canada's Great War: Liberalism, sovereignty, and the British Empire c. 1860s–1919 // Canada's Journal of Global Policy Analysis. USA, 2018, Vol. 73. P. 102.
- ³⁰⁰ Wigley P.G. Op. cit. P. 54.
- ³⁰¹ Ibid.
- ³⁰² Ibid. P. 45.
- ³⁰³ Ibid. P. 48.
- ³⁰⁴ Winks R. W. Canadian-West Indian union: a forty-year minuet. London, 1968. P. 41.
- ³⁰⁵ Wigley P.G. Op. cit. P. 57.
- ³⁰⁶ Morchain J.K. Search for a nation: French-English relations in Canada since 1759. London, 1967. P. 57.
- ³⁰⁷ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 268.
- ³⁰⁸ Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. 12th Parliament, 7th Session. Ottawa, 1918. P. 1541.
- ³⁰⁹ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 226.
- ³¹⁰ Bothwell R., Drummond I., English J. Canada 1900-1945. Toronto, 1987. P. 127.
- ³¹¹ Brown C. Robert Laird Borden: A Biography, Vol. 2, 1914–37. Toronto, 1980. P. 88.
- ³¹² Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 269.
- ³¹³ Careless J.M.S. Canada: A Story of Challenge. Cambridge, 1963. P. 336.
- ³¹⁴ Brown R.C. Op. cit. P. 87.
- ³¹⁵ Patenaude, É.-L. (Ésioff-Léon), 1875-1963 // Archives Canada [URL: <https://archivescanada.accesstomemory.ca/patenaude-e-l-esioff-leon-1875-1964>]
- ³¹⁶ Acland P. All Else Is Folly: A Tale of War and Passion. Ontario, 2014.
- ³¹⁷ Чейз Дж. Х. Генерал умирает в постели (сборник). М., 1996; Thompson E. Canadian Fiction of the Great War // Canadian Literature. 1981, №91. P. 87.
- ³¹⁸ Child P. God's Sparrows. Ontario, 2017.
- ³¹⁹ Findley T. The Wars. Istborn, 2001.
- ³²⁰ Bothwell R., Drummond I., English J. Op. cit. P. 128.
- ³²¹ Bourassa, H. Conscription. Montreal, 1917. P. 16.
- ³²² Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 591.
- ³²³ Ibid. P. 588.
- ³²⁴ Ibid. P. 593.
- ³²⁵ Ibid. P. 62.

- ³²⁶ Ibid. P. 572.
- ³²⁷ Jones R., Granatstein J.L. Conscription // The Canadian Encyclopedia [URL: www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/conscription]
- ³²⁸ Коленко В.А. Указ. соч. М., 2006. С. 86.
- ³²⁹ Provencher J. Québec sous la loi des mesures de guerre 1918. Montréal, 2014. P. 75.
- ³³⁰ Cinq Civils sont Tues par les Soldates a Québec // La Presse Montreal, 1918, 2 Avril 2.
- ³³¹ Morchain J.K. Op. cit. P. 59.
- ³³² Wrong G.M. Op. cit. P. 18.
- ³³³ Stacey C.P. Op. cit. P. 219.
- ³³⁴ Brown R.C. Op. cit. P. 135.
- ³³⁵ Wigley P.G. Op. cit. P. 62
- ³³⁶ CAB 23/43: IWC 16, 13 June 1918. P. 50.
- ³³⁷ Ibid. P. 52.
- ³³⁸ Ibid. P. 53.
- ³³⁹ Ibid. P. 54.
- ³⁴⁰ Ibid. P. 55.
- ³⁴¹ Brown R.C. Op. cit. P. 137.
- ³⁴² Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 370.
- ³⁴³ Ibid. P. 371.
- ³⁴⁴ Kendle J. Op. cit. P. 218.
- ³⁴⁵ Documents on Canadian External Affairs. Vol. I. P. 345.
- ³⁴⁶ Ibid. P. 347.
- ³⁴⁷ Dawson R.M. Op. cit. P. 176.
- ³⁴⁸ Ibid.
- ³⁴⁹ Wigley P.G. Op. cit. P. 64.
- ³⁵⁰ Cook G.L. Sir Robert Borden, Lloyd George and British Military Policy, 1917-1918 // The Historical Journal. Cambridge, 1971, Vol. 14. P. 394.
- ³⁵¹ Glazebrook G. P. de T. Canada at the Paris Peace Conference. London, 1942. P. 24.
- ³⁵² House of Commons Debates, 12th Parliament, 7th Session: Vol. 1. Ottawa, 1918. P. 24.
- ³⁵³ Stacey C.P. Op. cit. P. 240.
- ³⁵⁴ Documents on Canadian External Affairs. Vol. I. P. 218
- ³⁵⁵ Dafoe J. W. Canada and the Peace Conference of 1919 // The Canadian Historical Review. Toronto, 1943, № 3(24). P. 241.
- ³⁵⁶ Wigley P.G. Op. cit. P. 72.
- ³⁵⁷ Жуковская Н.Ю. «Североатлантический треугольник» в Версале: Канада, США и Великобритания на Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2006, № 3 (43). С. 245.
- ³⁵⁸ Bothwell R., Drummond I., English J. Op. cit. P. 173, 179; Canadian War Museum - Finance and War Production [URL: <https://www.warmuseum.ca/firstworldwar/history/life-at-home-during-the-war/the-war-economy/finance-and-war-production/>].
- ³⁵⁹ Canada Year Book 1916-1917. Ottawa, 1917. P. xiii, 289. Canada Year Book 1918. Ottawa, P. xiv, 306.
- ³⁶⁰ Glazebrook G. P. de T. Op. cit. P. 41
- ³⁶¹ Minutes of Imperial War Cabinet, meeting №48. London, 1918, December 31.
- ³⁶² Sauntry V. Canadian Newspapers and the Paris Peace Conference of 1919: A Study of English-Language Media Opinion. A thesis presented to the University of Waterloo in fulfillment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History. Waterloo, 2008. P. 37
- ³⁶³ Manitoba Free Press. Manitoba, 1918, Dec. 3. P. 7.
- ³⁶⁴ The Globe. Toronto, 1918, Dec. 28. P. 6.
- ³⁶⁵ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 375.
- ³⁶⁶ Documents on Canadian External Relations. Vol. II. The Paris Peace Conference Of 1919. Ottawa, 1969. P. 18.
- ³⁶⁷ CAB 23/42: IWC, 48, 31 Dec 1918 95/8
- ³⁶⁸ Ibid.
- ³⁶⁹ Ibid.
- ³⁷⁰ Ibid.
- ³⁷¹ Fitzhardtng L.F. Hughes, Borden, and Dominion Representation at the Paris Peace Conference // Canadian Historical Review. Toronto, 1968, Vol. 49. P. 160-169.
- ³⁷² MacLaren R. Commissions High: Canada in London, 1870-1971. Toronto, 2006. P. 211.
- ³⁷³ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 376.
- ³⁷⁴ Ibid.
- ³⁷⁵ Documents on Canadian External Relations. Vol. II. P. 26
- ³⁷⁶ Laing L. H. The Struggle for the Recognition of Dominion Autonomy // The American Journal of International Law. Washington, 1939, Vol. 33, No. 4. P. 749.

-
- ³⁷⁷ Ibid.
- ³⁷⁸ Stacey C.P. Op. cit. P. 247
- ³⁷⁹ Жуковская Н.Ю. Канада в системе международных отношений 1914 – 1919 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Тамбов, 2006 г. С. 157.
- ³⁸⁰ Documents on Canadian External Relations. Vol. II. P. 27.
- ³⁸¹ Ibid.
- ³⁸² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919, Volume III. Ed. by Fuller J.V., Dennett T. Washington, 1943. P. 483.
- ³⁸³ Ibid. P. 533.
- ³⁸⁴ Ibid. P. 534; 603.
- ³⁸⁵ Documents on Canadian External Relations. Vol. II. P. 30.
- ³⁸⁶ Ibid. P. 31.
- ³⁸⁷ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 377
- ³⁸⁸ Sauntry V. Canadian Newspapers and the Paris Peace Conference of 1919: A Study of English-Language Media Opinion. A thesis presented to the University of Waterloo in fulfillment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History. Waterloo, 2008. P. 42.
- ³⁸⁹ La Presse. Montreal, 1919, avril 2.
- ³⁹⁰ Nicolson H. Peacemaking 1919. London, 1964. P. 45.
- ³⁹¹ Dafoe J.W. Canada and the Peace Conference of 1919 // Canadian Historical Review. Toronto, 1943, 24 (3). P. 242.
- ³⁹² Glazebrook G. P. de T. Op.Cit. P. 54
- ³⁹³ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 381
- ³⁹⁴ Ibid. P. 381
- ³⁹⁵ Wigley P.G. Op. cit. P. 82
- ³⁹⁶ Matsunuma M. La Conférence de la Paix de Paris vue du Québec : les journaux montréalais et la naissance de la Société des Nations (1918-1919) // Etudes Canadiennes. Guyancourt, 2016, №80. P. 50.
- ³⁹⁷ Sauntry V. Op. cit. P. 70.
- ³⁹⁸ The Globe. Toronto, 1919, May 7. P. 6.
- ³⁹⁹ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 377
- ⁴⁰⁰ Ibid. P. 378
- ⁴⁰¹ CO 532/136: minute of Charles Davis, 19 March 1919.
- ⁴⁰² Wigley P.G. Op. cit. P. 89
- ⁴⁰³ Borden Diary, 26 March 1919
- ⁴⁰⁴ Brown C. Op. cit. P. 158
- ⁴⁰⁵ Documents on Canadian External Relations. Vol. II. P. 156.
- ⁴⁰⁶ Dawson R.M. Op. cit. P. 33
- ⁴⁰⁷ Borden Papers, Sifton to Borden, 12 May 1919, цит. по Canada at the Paris Peace Conference, P. 111
- ⁴⁰⁸ House of Commons Debates, 13th Parliament, 2nd Session: Vol. 3. Ottawa, 1919. P. 2200.
- ⁴⁰⁹ Ibid
- ⁴¹⁰ Dawson R.M. Op. cit. P. 186
- ⁴¹¹ CO 532 1907-1925 Colonial Office: Dominions Original Correspondence (26 July 1919).
- ⁴¹² LG/F/39/1/29: Arthur James Balfour, to Milner (31 July 1919).
- ⁴¹³ CO 532/133: minute (6 Aug 1919).
- ⁴¹⁴ Borden R. Canada and the peace. A speech on the Treaty of peace, delivered in the Canadian House of Commons on Tuesday, September 2, 1919. Ottawa, 1919. P. 4.
- ⁴¹⁵ Ibid. P. 12.
- ⁴¹⁶ Ibid. P. 14.
- ⁴¹⁷ Ibid. P. 15; Жуковская Н.Ю. Канада и Международная организация труда: к вопросу об изменении внешнеполитического статуса доминиона в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016, № 11. С. 145.
- ⁴¹⁸ Dawson R.M. Op. cit. P. 194
- ⁴¹⁹ House of Commons Debates, 13th Parliament, 3rd Session: Vol. 1. Ottawa, 1919. P. 230
- ⁴²⁰ Ibid. P. 230-238.
- ⁴²¹ Ibid. P. 185.

ГЛАВА 2. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

2.1. Англо-канадские отношения в 1919-1921 гг.

Подписание Версальского мира сделало 1919 г. знаковым для Канады – теперь доминион стал упоминаться за пределами британских владений не только как самоуправляющаяся часть империи, но и субъект международных отношений. Это было время надежд, а также – сомнений, опасений и даже страхов в отношении будущего Канады. Готовность политиков как можно скорее воспользоваться шансами, открывшимися благодаря Имперскому Военному кабинету, Парижской конференции и Лиге Наций, являлась вполне закономерной. Борден и его соратники ожидали, что росту возможностей на международной арене будут сопутствовать серьезные изменения в политико-правовом положении доминиона.

Однако то, что одними считалось оптимальным результатом, для других выглядело слишком быстрой и радикальной трансформацией, а главное – необоснованной. Проводимый федеральным руководством курс вызывал непонимание как у рядовых граждан, так и у парламентариев. Заявившие о себе на национальном уровне фермерское движение и профсоюзы настаивали на первостепенном решении социально-экономических проблем, считая остальное лишь политической игрой¹. А большинству находившихся в оппозиции либералов казалось, что концентрация внимания на повышении самостоятельности доминиона по внешнеполитическому направлению, когда внутривнутриполитические вопросы остро требовали внимания, приведёт только к дисбалансу и негативным последствиям.

Канадская историография выделяет в первых послевоенных годах два условных этапа – статический и динамический². Первый, продолжавшийся до конца 1919 г., отличался малой активностью доминионов, занятых послевоенным восстановлением. Примером разумного безразличия к вопросам, которые не касались их напрямую, стал процесс мирного урегулирования, последовавший за

подписанием Версальского мирного договора. О статичности этого периода также говорит фактическое прекращение работы ИВК. Вторая фаза длилась с конца 1919 г. до 1921 г., её основным мотивом стало стремление Канады к практическому применению условий, предусмотренных Резолюцией IX.

Внешне отношения между метрополией и доминионами выглядели вполне обнадеживающе, однако при более внимательном рассмотрении создававшегося положения необходимость пересмотра принципов имперского общежития становилась очевидной. Об этом напоминала и Резолюция IX, предполагавшая созыв конституционной конференции после окончания войны³. Вернувшись из Парижа, редактор «Манитоба Фри Пресс» Дафо в переписке с Сифтоном метко назвал положение доминиона «аномальным» и «нуждавшимся в новой дефиниции»⁴. Перед канадцами встала задача сформировать позицию по ключевым вопросам для участия в ожидавшейся конференции. Война не унифицировала существовавшие идейные течения, а напротив, сделала спектр мнений касательно статуса доминиона еще более размытым. Между четкими полюсами из сепаратистов и федералистов, находилась сложно дифференцируемая общность, все части которой за годы войны претерпели явный крен в сторону национализма. И если близко «стоявшие» друг к другу группы расходились во взглядах в частности, то по мере увеличения «расстояния» в условной системе координат, отличие между фракциями националистов существенно нарастало, вплоть до противоречий касательно принципиальных вопросов.

Это разнообразие продемонстрировали дебаты, развернувшиеся ещё в ходе ратификации Версальского мира. Одни боялись слишком быстрого и безосновательного движения к независимости, другие – создания имперской федерации. А обязательства, налагаемые Лигой Наций, вовсе повергли палату общин в замешательство. Однако уже тогда Борден обозначил неизбежность дальнейшей эволюции связей между метрополией и автономиями в наметившемся ключе. «Будущие взаимоотношения народов империи должны определиться в соответствии с волей метрополии и каждого доминиона на конституционном совещании, которое вскоре состоится. Несомненно, в их основу будет положен

принцип равенства наций. Каждая из них должна сохранить свою абсолютную автономию, но также – иметь право голоса в отношении вопросов мира и войны», – подытожил премьер-министр, пообещав при выработке позиции Канады опираться главенствовавшие в обществе воззрения⁵.

Между тем, даже заинтересованные в проведении конституционной конференции британские политики не спешили с назначением её точной даты. «Раунд Тейбл» вошел в полосу кризиса повсеместно – в метрополии, и в регионах. Позиция федералистов в начале 1920-х гг. заключалась в том, что всё предшествовавшее являлось периодом «исследования» Британской империи. Теперь же от доминионов ожидалось проведение «самообследования» и выдвижение предложений по доработке проекта имперской федерации, исходя из их собственной специфики. Инициатива проведения конституционной реформы тоже должна была исходить от них – иначе преобразования «сверху» считались бессмысленны⁶. Но и автономиям, оказавшимся в 1918-1920 гг. перед необходимостью сконцентрироваться на ликвидации социально-экономических последствий войны, пришлось на время отложить модернизацию имперской системы.

В Канаде наиболее остро стоял рабочий вопрос. Трудности демилитаризации, безработица и падение уровня жизни населения спровоцировали рост численности профсоюзов и волну забастовок⁷. Юнионистское правительство изъявило готовность пойти навстречу рабочим, но исполнение принятых решений было ограниченным, плохо контролировалось и не затрагивало коренных причин кризиса. Не добившись быстрых результатов, власти ограничились свободой собраний, спровоцировав радикализацию тред-юнионистского движения весной 1919 г.⁸. Неоднократные предупреждения Уайта о выходе ситуации из-под контроля Борден, сосредоточенный на работе мирной конференции, счел всего лишь «хлопотными и раздражающими»⁹. Апогеем экономического кризиса стала забастовка в Виннипеге, к которой 15 мая присоединилось около 30 тыс. человек¹⁰. В результате, с мая по июнь 1919 г., город целиком оказался в руках забастовщиков¹¹. Стачка закончилась столкновением с

полицией, в ходе которого погибло 2 человека, пострадало более 35 и сотни были арестованы¹². Однако, для федеральной власти это была пиррова победа, обернувшаяся ощутимым ударом по её имиджу.

Уже 28 июня Комиссия под руководством верховного судьи Манитобы Т. Мэзера представила анализ причин стачки. Доклад весьма объективно характеризовал создавшееся положение. В нём отметились разного рода домыслы и подчеркивалось, что даже неквалифицированные канадские рабочие обладали достаточным критическим мышлением, чтобы не попасть под влияние революционных идей. Среди мотивов забастовки назывались вполне объективные: безработица, низкий уровень жизни, ограничение свободы слова и показная демонстрация богатства соотечественниками. Но особый интерес представляла мысль о том, что новый статус доминиона подразумевает проведение передовой социальной политики. «Приняв Версальский мир^{***}, народы утвердили принципы, которые ранее были лишь идеалами, – писал Мэзерс. – Поскольку Канада только идет к наивысшему этапу развития, у нас есть уникальная возможность двигаться к нему в соответствии с этими новыми принципами»¹³.

Ослаблением оппонентов, не преуспевших в решении внутривнутриполитических проблем, надеялся воспользоваться новый лидер либеральной партии Уильям Лайон Макензи Кинг. Несмотря на отсутствие широкой популярности, он всё-таки оказался оптимальным кандидатом: в 1919 г. непричастность к политическим скандалам и введению конскрипции имела большое значение. Хотя в частной жизни Макензи Кинг придерживался строгой пуританской морали, его политическое мировоззрение было прогрессивнее, чем у многих современников. Он внес в новую партийную программу такие пункты, как сорокавосемичасовая рабочая неделя, широкая система социального страхования и пенсионного обеспечения по старости. Более того, жизнь и сохранность физического здоровья «трудящихся» были провозглашены «главным достоянием нации»¹⁴. Всё это, наряду с приверженностью идеям этнической и религиозной терпимости,

^{***} Версальский мирный договор предполагал создание Международной организации труда в рамках Лиги Наций.

привлекло на его сторону франкоканадское крыло умеренных либералов во главе с влиятельным Эрнестом Лапуантом, коалицию с которым безуспешно пытался построить Борден.

Внешнеполитическим вопросам либералы предпочитали сугубо внутренние проблемы, волновавшие избирателей. Их позиция относительно статуса доминиона и перспектив конституционной конференции в обновленной платформе партии отличалась осторожностью. «Мы выступаем решительно против централизованного имперского контроля и считаем, что никакие изменения в канадской конституции в плане отношений с метрополией не должны вступать в силу до тех пор, пока не будут приняты парламентом и ратифицированы всенародным референдумом», – гласила партийная резолюция по проблеме автономии¹⁵. Близки к ним в этом отношении были представители фермеров: среди вопросов, выходящих за рамки внутривнутриполитических, их интересовал только комплекс тарифного законодательства¹⁶.

Большинство франкоканадских националистов присоединилось к либералам, понимая, что не смогут выстоять на политической арене в одиночку. В стороне остались те, кого условно можно обозначить как ультрасепаратистов – сторонников независимости не Квебека, как прежде, а всей Канады от Британской империи. Их популярность снизилась: доминион был слишком отягощён проблемами, чтобы бороться за полную самостоятельность и достойное место в формирующемся миропорядке. Кроме того, движение осталось без ярких лидеров: Анри Бурасса дистанцировался от политической активности, умер от испанки Жюль Фурнье. Вернувшийся с фронта Оливар Асселин не смог в одиночку вдохнуть новую жизнь в «Л'аксьон националь»^{†††} и оказался персоной нон грата для либералов из-за критики Лорье в годы войны. Продолжая придерживаться сепаратистских взглядов, он считал независимость неизбежной, а её залогом видел экономическую самостоятельность¹⁷. Франкоканадский публицист использовал оставшееся влияние для поддержки Лионеля Гру – католического священника,

^{†††} Франкоканадское общественное движение, участники которого выступали за защиту французского языка, католической религии и традиционных ценностей квебекцев.

популярного среди националистов в межвоенный период, к которому примкнули бывшие последователи Бурасса.

Консерваторы в данный период шли противоположным путем: испытывая трудности в решении социально-экономических проблем, они стремились уравновесить их достижениями в области международных отношений. Партия власти сделала основную ставку на улучшение имиджа за счёт выгодной презентации и использования результатов Версальского мира. Её задачи сводились к самостоятельному позиционированию в Лиге Наций, скорому проведению конституционной конференции с ощутимыми выгодами для Канады, а также организации собственного дипломатического представительства в Вашингтоне.

Первой «площадкой», на которой канадское правительство попыталось предстать в выгодном свете, стала Лига Наций, куда Канада, Австралия, ЮАС, Новая Зеландия и Индия вошли в качестве стран-основательниц наравне с Британской империей. Ещё важнее было то, что Борден сумел добиться от Ллойда Джорджа, Вильсона и Клемансо обещания дать доминионам право избираться в Совет Лиги, постоянным членом которого уже являлась Великобритания¹⁸. Не стремясь окончательно обособиться или подорвать дипломатическое единство Содружества, сторонники укрепления статуса доминиона рассматривали эту организацию как пространство для утверждения особой канадской правосубъектности на международном уровне. Но было очевидно, что столкновение имперских интересов и национальных приоритетов Канады – только дело времени¹⁹.

Многие члены Лиги были недовольны преимуществом Великобритании, которая могла призвать на свою сторону доминионы при голосовании. Британцы, подспудно надеявшиеся на такую возможность, отрицали факт численного перевеса. В оправдание они апеллировали к статьям Устава Лиги Наций о порядке разрешения споров между членами организации. В соответствии с ними, при третейском разбирательстве по вопросам, напрямую касающихся Британской империи, доминионы не имели права индивидуального голоса в Совете, юридически являясь частью одной из спорящих сторон. Власти метрополии

предложили им подписать публичное заявление о согласии с такой трактовкой²⁰. Однако оно шло в разрез с интересами автономий, так как свидетельствовало не столько о единстве внешней политики, сколько о их зависимости от позиции метрополии. Вполне ожидаемо, что в итоге подписать заявление не удалось²¹.

Подобная разобщенность лишь усугубляла затруднения. Постоянным членом Совета Лиги Наций являлась только Британская империя в лице метрополии, тем более что статус доминионов не имел однозначной трактовки, в том числе в канадских политических кругах и даже самой партии власти. Империалисты, группировавшиеся вокруг Бордена, считали согласование с доминионами внешней политики после одобрения Резолюции IX делом решенным. Лоринг Кристи, занимавший пост советника по правовым вопросам, инициировал отправку серии меморандумов британским властям в попытке прояснить ситуацию. «На первый взгляд кажется, что все субъекты империи должны принимать участие в назначении представителя, который будет заседать в Совете от её имени. Однако, это простое решение имеет далеко идущие последствия, которые необходимо тщательно просчитать. Вопрос здесь скорее политический, чем юридический. Вся эта ситуация аномальна, нелогична и очень ярко показывает необходимость проведения конституционной конференции», – говорилось в телеграмме от 9 февраля 1920 г.²² В свою очередь, многие националисты считали, что Канада ещё не обладала достаточным влиянием и столь обширной внешнеполитической повесткой, чтобы всерьёз бороться за право голоса в Лиге Наций. Кроме того, участие в консультациях подразумевало обязательства по исполнению решений, способное повлечь лишние трудности в период послевоенного восстановления.

Оперативного ответа канадцы не получили, так как министерство колоний пыталось найти компромиссный вариант с учётом мнений всех членов Содружества и США. Руководствуясь собственной выгодой, Форин оффис поддержал ЮАС, к которому позже присоединилась Австралия, – закрепить место Британской империи в Совете за представителем Соединённого Королевства. Доминионы же могли самостоятельно назначить уполномоченных, которые вместе

с ним образовывали бы совещательную конференцию для проработки региональных вопросов. Это давало возможность оптимизировать принятие решений и сместить внимание США с формальной многочисленности представительства Содружества²³. В итоге именно такой подход был выбран, но интерпретирован британским МИДом по своему усмотрению. Например, на заседание Совета Лиги Наций в Женеве в апреле 1920 г. Керзон отправился в качестве единственного представителя всей империи. О произошедшем доминионы оказались информированы постфактум, а о согласовании общей позиции по повестке не шло и речи.

В конце 1919 г. канадское правительство выступило с инициативой проведения в Оттаве конституционной конференции ориентировочно в октябре следующего года. В январе 1920 г. Эмери, от имени метрополии, выразил сдержанную заинтересованность, сделав оговорку, что трудности послевоенного восстановления лишают премьер-министра возможности дать заранее однозначный ответ относительно возможности участие в организации и работе столь значимого мероприятия²⁴. Проведение конференции было признано нецелесообразным после апрельской телеграммы Мильнера, в которой сообщалось о внутривполитических затруднениях, не позволяющих премьер-министрам доминионов посетить Оттаву в 1920 г.²⁵.

Поняв бесперспективность упорства по воплощению в жизнь своего предложения, кабинет Бордена решил переключиться на другое, более многообещающее направление. В протоколах заседаний делегации Британской империи на Парижской мирной конференции вопрос об установлении доминионами дипломатических отношений с иностранными государствами не упоминается²⁶. Но буквально сразу после ратификации Версальского договора, канадский парламент приступил к подготовке официального обращения с целью получить согласие на назначение собственного представителя в Вашингтоне.

Попытки установления прямого канала связи с США, пусть и под эгидой метрополии, имели давнюю историю. Впервые конкретные предложения о его организации высказывались еще в 1880-х гг. В 1909 г. британское правительство

включило представителей доминиона в международную комиссию для разрешения споров по определению границ в прибрежных водах. А в 1914-1918 гг. в США действовала специальная Канадская «Военная-дипломатическая миссия». Её персонал выполнял посреднические функции при рассмотрении общих вопросов, относящихся к Британской империи и региональных – к Канаде, обеспечивая прямой контакт с различными должностными лицами в Вашингтоне²⁷. Таким образом, этот временный орган оперативно и с малыми затратами способствовал реализации общей политики. Это было важно, так как ещё в начальный период конфликта Великобритания отказалась от вложений в канадскую экономику, интенсифицировав торговые и кредитно-инвестиционные отношения с США. Успех миссии обусловил продолжение её работы после окончания войны в Европе и рассматривался Борденом как шаг к чему-то большему. Товарооборот между Соединёнными Штатами и Канадой устойчиво рос, показывая высокую перспективность, а новое представительство с особым статусом могло бы сделать торговлю ещё выгоднее²⁸.

Канадские власти под предводительством Бордена продолжали курс на постепенное, но неуклонное расширение автономии. Девятнадцатого сентября 1919 г. Л. Кристи представил меморандум, ставший основой обращения генерал-губернатора к министерству колоний. В соответствии с ним за Канадой, как членом Лиги Наций, практически закреплялась субъектность в сфере международного права. Это подразумевало не только обязательства по поддержанию мира, но и определенные права, в том числе связанные с возможностью ведения прямых переговоров. Для осуществления данной привилегии предлагалось присвоить представителю доминиона в США статус посланника²⁹.

Реакция министра колоний лорда Мильнера продемонстрировала перемены, произошедшие под влиянием Первой мировой войны. Его ответ от 28 октября не содержал удивления или раздражения, а был выдержан в деловом тоне. Руководствуясь необходимостью «сохранить и подчеркнуть солидарность империи», он предлагал выделить канадскому посланнику, который сравнился бы

в статусе с британскими коллегами, особый отдел внутри посольства, остающегося под верховным контролем посла Великобритании³⁰. Эта схема, разработанная Эмери, стала зимой 1919-1920 гг. отправной точкой для переговоров по реализации экстраординарного проекта. Лондон и Оттава сошлись на том, что для поддержания канадо-американских отношений последняя назначит полномочного представителя, остающегося частью британской дипломатической миссии и заменяющего посла в его отсутствие. В целом переговоры прошли успешно, так как обе стороны демонстрировали готовность к компромиссу.

В середине мая 1920 г. канадский и британский парламенты приступили к рассмотрению проекта по преобразованию Военной миссии в Вашингтоне. Переживавшие подъем либералы выступили против учреждения представительства, считая его несвоевременным и излишним, пока политико-правовые отношения между доминионом и метрополией не поддавались чёткому определению. Э. Лапуант высказывал недоумение относительно того, в сторону какой из двух очевидных перспектив ведёт доминион правительство Бордена: к имперской федерации или полной автономии?³¹ Обе представлялись откровенно невыгодными для Канады подразумевая либо ослабление самоуправления, либо столкновение с пока непосильными задачами. Политик повел настоящее наступление на консерваторов: «Я требую, чтобы парламенту огласили все подробности этого предприятия: на каких условиях британское правительство согласилось назначить канадского представителя в Вашингтоне? Каков будет его реальный статус? В какой мере канадцы будут нести ответственность за его действия в качестве исполняющего обязанности посла Великобритании? Только получив ответы мы сможем обсудить этот вопрос, а наши граждане – решить, насколько полезны подобные конституционные изменения»³².

Юнионист Н. Роуэлл, со своей стороны, считал высказанные опасения надуманными, и апеллировал к перспективам, которых автономия лишилась бы в случае отказа. «Не думаю, что в стране действительно существуют разногласия по данному вопросу, – подытожил он. – Полагаю, большинство населения поддерживает инициативу правительства и видит, что она отвечает интересам

Канады и Британской империи. Ведь тогда канадские дела в Вашингтоне будут вестись напрямую. Мы не можем всегда оставаться в зависимом положении, когда за нашими действиями наблюдают и контролируют их»³³.

Причины упорства сторонников проекта очевидны: новый статус дипломатического представителя позволил бы интенсифицировать отношения с США и дополнить прецедент, установленный в Париже. Тем более, что коалиционное правительство не намеревалось добиваться полностью автономной внешней политики. В его представлении основой оптимального общеимперского курса являлся не союз метрополии и зависимых владений, а объединение партнеров, в равной мере влияющих на принятие решений³⁴.

Дебаты носили острый характер, в итоге правящей партии удалось добиться положительного результата с минимальным перевесом. Многие чиновники в метрополии, прежде всего из Форин оффис, ожидаемо сочли инициативу претензией, не соответствующей уровню самостоятельности доминиона. Настоящим камнем преткновения стал вопрос о том, сможет ли канадский представитель выступать на равных с дипломатами других стран, если сам будет иметь подчиненное положение в британском посольстве³⁵. Даже в июне, когда о создании представительства Канады в США объявили официально, круг полномочий его сотрудников и принципы сотрудничества с британским посольством интенсивно обсуждались.

И всё-таки, вопреки предпринятым усилиям и продолжительной подготовке, назначения посланника в Вашингтон так и не состоялось. Одной из главных причин этого стал уход Р. Бордена с поста премьер-министра летом 1920 г. по состоянию здоровья. По итогам внутривнутрипартийного обсуждения и отказа Уайта, возглавлявшего правительство в период Парижской конференции, новым главой консерваторов и премьер-министром стал Артур Миэн. Он был одним из главных исполнителей идей Бордена, настоящей «рабочей лошадкой», привлекаемой для решения сложных задач, например таких, как разработка Акта о конскрипции, национализация железных дорог, урегулирование рабочего вопроса.

Но современники признавали: при всей работоспособности, одаренности и здоровой амбициозности, мышлением сорокашестилетний Миэн больше походил не на Бордена, а на Макдональда – другого влиятельного лидера консерваторов последней четверти XIX века. Поэтому далеко не все юнионисты были довольны выбором, сомневаясь в его способности одновременно предложить новые подходы для решения вопросов внутренней политики и активного развития статуса доминиона. В этом смысле национал-автономисты, полагавшиеся на естественную эволюцию имперских отношений и не прилагавшие особых усилий для поддержания их интенсивности, оказывались в более выигрышной позиции. Макензи Кинг подтверждал в дневнике, что лидерство Миэна выгодно для либеральной партии, хотя для страны предпочтительнее был бы Уайт³⁶.

Несмотря на длительную работу в кабинете Бордена, оказавшись в кресле премьер-министра, Миэн не выказывал заинтересованности в организации собственного дипломатического представительства в США. В сентябре 1920 г. он отказался от встречи с британским послом в Вашингтоне, изъявив готовность отложить дело на неопределённый срок. Сложно определить, что стало решающим фактором столь резкой утраты интереса. Скорее всего, решающую роль в этом сыграли конъюнктурные соображения. Новому лидеру консерваторов казалось бесперспективным брать на себя ответственность за резонансные проекты предшественника в год перед федеральными выборами при снижении популярности его собственной партии.

Хотя после смены руководителя инициативность канадского правительства несколько снизилась, оно с энтузиазмом приняло участие в подготовке делегации Британской империи к очередной сессии Ассамблеи Лиги Наций осенью 1920 г. В выступлениях Н. Роуэлла, возглавлявшего делегацию Канады в Женеве, четко прослеживалось её стремление к активному соучастию в принятии общеимперских решений и обеспечению индивидуального представительства. «Важно действовать осмотрительно и не делать никаких заявлений, которые могли бы подтвердить обвинения в том, что нынешние условия фактически дают Великобритании сразу шесть голосов, – подчёркивал канадский дипломат. – В то же время, необходимо

проводить как можно более интенсивные консультации между доминионами и метрополией, достигая компромисса по всем ключевым пунктам. <...> Правительство Канады также считает, что вся корреспонденция должна направляться ему напрямую или через верховного комиссара»³⁷.

Желая показать наличие очевидных проблем в системе имперской коммуникации, он привел в качестве примера события, связанные с назначением представителя от Канады в Совет Лиги Наций. По его словам, при существующих изъянах коммуникации правительство в Оттаве могло уже принять решение на этот счёт, а обсуждения в Лондоне продолжались бы без столь важной информации. Это вызвало продолжительную дискуссию о совершенствовании системы связи, хотя резонансная реплика была лишь предположением, призванным отразить свободу действий, которую ощущала за собой Канада. Такое количество процедурных сложностей демонстрировало, по мнению Роуэлла, острую необходимость обмена мнениями в рамках конституционной конференции³⁸. Это была ещё не открытая претензия, но вполне ясное указание на наличие собственной позиции североамериканской стороны. Если британский кабинет игнорировал стремление к эффективным договоренностям, то Канада считала возможным действовать самостоятельно на собственной правовой основе, пока это не наносило ущерб репутации империи. Такое намерение демонстрировало, как национальные интересы не просто сравнивались с имперскими, а постепенно становились более приоритетными.

Вовсе не желая ослабить дипломатическое единство, Канада начала использовать любую возможность высказать собственное мнение по внешнеполитическим вопросам, даже если оно не могло оказать существенного влияния. Так, в ходе первой сессии Генеральной Ассамблеи в ноябре 1920 г., Роуэлл специально предпочел голосовать вразрез с Великобританией – за принятие в организацию Албании³⁹. Руководствуясь своими интересами, к ним присоединился ЮАС. Но из-за очевидной формальности этого жеста он не стал поводом для тревоги в Соединённом Королевстве.

Зато настораживающе выглядела канадская активность в отношении отмены статьи X Устава Лиги Наций. По мнению министра юстиции Доэрти, предусмотренная ей гарантия территориальной целостности государств являлась не работоспособной в принципе, а главное – потенциально обязывавшей Канаду вновь воевать за чужие интересы⁴⁰. Критика данного положения подогревалась в Оттаве антипатией к нему со стороны Вашингтона. В итоге США не вступили в Лигу Наций по причине отказа сената ратифицировать Версальский договор, частью которого являлся её Устав, а возражения канадцев остались без внимания, что задело их национальное самолюбие. Поддержка со стороны Великобритании, рассчитывавшей и дальше привлекать автономии к реализации своих внешнеполитических планов, ожидаемо отсутствовала. Вместе с другими членам Совета она активизировала административные механизмы, чтобы предложение об отмене статьи X не вошло в повестку сессии ассамблеи Лиги в 1921 г.

Если в конце 1919 г. юнионистский блок считал конституционную конференцию делом ближайшего будущего и даже выступал с инициативой её проведения в Оттаве, то на рубеже 1920-1921 гг., лишившись содействия либералов, консерваторы не предпринимали конкретных шагов, способствующих её скорейшему проведению. Бездействие во многом объяснялось позицией Миэна, который считал сложившуюся практику отношений с Великобританией вполне приемлемой⁴¹. Концепция неформальных уз и сила традиций казались ему достаточно гибкими инструментами, посредством которых заданное Борденом направление развития должно было естественно и успешно продолжиться. Вопросы, далеко выходящие за пределы ключевых внутривнутриполитических тем, не интересовали его в данный период. Даже перевод Военной миссии в Вашингтоне на мирную основу в апреле 1921 г. произошел благодаря усилиями его предшественника.

Ситуация представляется, на первый взгляд, удивительной: премьер-министр отстранялся от курса на дальнейшее изменение статуса руководимого им доминиона. Особенно если учесть, сколь активно делегация Канады выступала за пересмотр статьи X Устава Лиги Наций. Назревшая ревизия конституционного

положения автономий и выработка функциональной системы консультаций могли бы как повысить эффективность имперского сотрудничества, так и урегулировать вопрос о международной правосубъектности доминионов, в чём объективно нуждалось все Содружество⁴². Однако Миэна гораздо меньше, чем Бордена, интересовала конституционно-правовая сторона процесса. В условиях, когда «фасад» империи поддавался изменениям с большим трудом, лидеру консерваторов, полагавшемуся преимущественно на естественный ход событий, казалось достаточным того занятая послевоенным восстановлением метрополия готова соглашаться на инициативы, выдвигаемые Канадой в индивидуальном порядке⁴³.

Безынициативность Великобритании объяснялась не только желанием сохранить максимально возможное влияние на доминионы. Изменения в системе имперских отношений за годы войны, носившие достаточно хаотичный характер, создавали беспрецедентные трудности. Невозможность сохранения «традиционной» империи, игнорируя её проблемы, становилась всё очевиднее для высших эшелонов власти. При этом оставалось совершенно неясным: как легитимизировать переход доминионов на качественно новый уровень их политической эволюции, если подобным опытом не обладали другие страны, а главное – не уронив свой статус и добившись компромисса между всеми субъектами Содружества⁴⁴? Пока эффективный план не вырисовался, британские власти уповали на спад национализма и максимально продолжительное лавирование на основе неформальных договоренностей.

Показательна была усугублявшаяся проблема статуса генерал-губернатора. Еще в 1916 г. Борден, сознавая возможность его вмешательства во внутренние дела доминиона, заговорил о важности пересмотра функционала представителя короны и правительства. Конкуренция с бурскими националистами, критиковавшими подконтрольность властей ЮАС генерал-губернатору, побудила южноафриканских лидеров Боту и Смэтса поддержать канадскую позицию по этому вопросу во время работы ИВК 1917 г. Австралийский премьер Хьюз присоединился к ним накануне мирной конференции 1919 г. Их идея была проста:

если доминионы – действительно автономные государственные образования, то возможность прямого вмешательства британских властей в деятельность местных органов через генерал-губернатора должна быть ограничена. Расходясь в деталях предложений, основанных на их региональном опыте, премьер-министры хотели участвовать в выборе кандидатуры на столь значимый пост. Они попытались инициировать дискуссию еще при подготовке к Парижской конференции, но столкнулись с принципиальной позицией Ллойд Джорджа относительно неизменности статуса и британского происхождения генерал-губернаторов. Прямой отказ озвучен не был, но этот и другие неудобные для британского премьера вопросы откладывались до конституционной конференции, а по сути – на неопределённый срок.

Но то, что конференция не состоялась – не менее важный факт, чем её проведение. У метрополии и автономий постепенно оформлялись представления о степени и характере желаемых изменений, хотя никто из них не располагал достаточно вескими аргументами, чтобы добиться поставленных целей. После обсуждения весной 1920 г. инициативы Канады по встрече в Оттаве, все потенциальные участники сошлись на том, что, помимо субъективных, её организации препятствовал ряд объективных причин. Во-первых, процесс мирного урегулирования оказался более продолжительным и сложным, чем предполагалось. Во-вторых, давали о себе знать накопившиеся с 1914 г. внутренние затруднения, а также всеобщая усталость от напряжения сил в военное время. Эффективно совмещать работу над конституционными вопросами с дипломатической деятельностью и налаживанием экономики не представлялось возможным.

К сентябрю 1920 г. министерство колоний окончательно признало неготовность к созыву конституционной конференции в ближайший год. В первых числах октября Мильнер выступил с идеей встречи в формате Имперского Военного кабинета для обсуждения накопившихся в Содружестве трудностей, требовавших разрешения для начала работы над «общей частью конституционного права»⁴⁵. Ллойд Джордж отреагировал на предложение одобрительно, так как

осознавал сложность положения и считал переговоры лицом к лицу наиболее эффективными. По сути, созыв ИВК был выгодной полумерой для метрополии: используя его, как и во время войны, для решения наиболее острых вопросов, можно было вновь отложить тему конституционного переустройства на неопределенный срок.

Показательно, что при сохранении попыток «Раунд Тейбл» влиять на имперские процессы, Мильнер не рассчитывал на продвижение проекта имперской федерации в ходе грядущей конференции. Учитывая отпор премьер-министров доминионов попыткам централизации в ходе работы ИВК в 1917 г. и их настороженность при подготовке к мирной конференции в 1919 г., руководство организации называло первостепенной задачей не формирование более тесного имперского союза, а поддержание хотя бы установившейся кооперации по наиболее важным направлениям⁴⁶. Развитие доминионов шло быстро и столь неожиданными путями, что все предшествующие кропотливые исследования не помогали «рыцарям» найти перспективные способы решения затруднений в отношениях между странами Содружества.

В свою очередь, доминионы тоже не обладали четким пониманием собственных перспектив. Наиболее радикальных взглядов на самоопределение придерживался Смэтс – это во многом объяснялось содержанием и накалом политической борьбы в ЮАС. Хьюз, известный экспрессивностью риторики, интерпретировал статус доминиона как близкий к независимому, но при сохранении Австралии в качестве неотъемлемой части единой империи. На другом полюсе находилась Новая Зеландия, остававшаяся самым пробританским доминионом. Мэсси демонстрировал скептицизм и настороженность по отношению к любым существенным изменениям и всё ещё положительно смотрел на участие в программе финансирования имперского флота. Канада занимала позицию, близкую к австралийской: Борден считал важным сохранение дипломатического единства империи в сочетании с активностью в Лиге Наций и стремлением к особому представительству в Вашингтоне. С таким наследством на

имперскую конференцию 1921 г. предстояло отправиться Миэну, по-прежнему не заинтересованному в её преобразовании в конституционную⁴⁷.

Встреча премьер-министров проходила в Лондоне с 20 июня по 5 августа 1921 г. и уже на этапе подготовки позиционировалась как принципиально отличавшаяся от довоенных собраний. «Старая имперская конференция была всего лишь совещательным органом, дававшим советы правительству, – писала «Таймс». – Имперский Военный кабинет фактически стал руководящим органом всей империи. Новый, мирный кабинет станет его приемником»⁴⁸. В Великобритании тем самым явно хотели представить мероприятие как подводившее черту под послевоенными изменениями в статусе доминионов.

Многие представители автономий относились к этому критически. Меткие замечания оставил главный редактор «Манитоба Фри Пресс» Дафо, находившийся в центре политических событий того времени. По его мнению, фразы, которые британские лидеры и СМИ произносили о партнерстве, равенстве и молодых нациях, были полны лукавства и отличались от представлений Бордена или Смэтса. «Идея Имперского мирного кабинета состоит в том, чтобы британское правительство могло принимать решения, обязательные для всей империи, и меры, за которые были бы также ответственны все, лишь «информируя» доминионы и предлагая им высказать своё мнение», – утверждал журналист, характеризуя процесс имперского политического развития⁴⁹.

Однако в конце 1920 г. даже такая встреча представлялась большинству в правящих кругах Канады выгоднее, чем конституционная конференция или полное бездействие. Хотя парламент доминиона по-прежнему не имел единого мнения о желаемой степени влияния на имперские дела, уйти от назревавшей проблемы не представлялось возможным⁵⁰. С другой стороны, терявшие популярность адепты политической интеграции ещё питали надежды на создание постоянных общих органов управления на основе Имперского кабинета. Империалисты рассчитывали установить практику консультирования по вопросам, попавшим в компетенцию доминионов. Националисты же подозревали, что военно-политические обязательства в обмен на предоставление «голоса» во

внешней политике, являлись залогом, явно несоразмерным открывавшимся выгодам.

Большинство собравшихся летом 1921 г. в Лондоне, были хорошо знакомы между собой. Хьюз и Мэсси, Смэтс и Ллойд Джордж – все они принимали участие в сессиях двух Имперских Военных кабинетов и мирной конференции в Париже. Миэн, хотя и являлся ближайшим из помощников Бордена, не сотрудничал с ними тесно. Его сопровождал Кристи – советник по внешнеполитическим вопросам с 1913 г. и обладатель обширных рабочих связей в столице. Составив представление о взглядах британцев относительно заявленной повестки и сложном экономическом положении метрополии, он смотрел на грядущую конференцию скептически и настороженно.

Основными темами закономерно стали конституционные отношения, военно-морская программа и коллективная внешняя политика. Быстрее остальных, хотя и безрезультатно, оказалась закрыта первая проблема. Единственным сторонником активной работы в этом направлении был Смэтс, пытавшийся погасить сепаратистское движение бурских националистов в ЮАС официальным признанием равенства всех частей Содружества⁵¹. Хьюз и Мэсси выступили резко против любых перемен институционального характера, Миэн склонялся к повторному рассмотрению этой проблемы через пару лет, когда настроения в доминионах будут способствовать конструктивному обсуждению. В принятой по итогам дискуссии резолюции говорилось, что «учитывая произошедшие с 1917 г. изменения, проведение конституционной конференции не принесёт никакой пользы»⁵².

Заседания по вопросам морской обороны закончились крахом надежд Адмиралтейства на формирование имперского флота. Определить, как справедливо разделить бремя военно-морской обороны, не удалось из-за разницы в геополитических условиях и финансовых возможностях доминионов. В итоге участники переговоров пришли к обтекаемому заключению, в соответствии с которым «минимальным стандартом строительства флота, необходимого для

поддержания достойного положения Британской империи среди наций мира» является «равенство его боевой мощи с любой другой морской державой»⁵³.

Главной темой, вызвавшей острые разногласия, стала имперская внешняя политика. Ни один из доминионов не стремился окончательно выйти за её рамки к полной самостоятельности, поэтому необходимость в новом механизме консультаций была очевидной, хотя взгляды на его устройство и функционирование значительно различались.

Канадский премьер ещё в начале конференции выдвинул на этот счет ряд комплекс умеренных, но чётких предложений. Опыт участия в Первой мировой войне продемонстрировал полную зависимость автономий от внешнеполитической стратегии Великобритании⁵⁴. Исходя из этого, Миэн предлагал проводить регулярные, в идеале непрерывные консультации, направленные на «выработку и уточнение руководящих принципов отношений с зарубежными государствами»⁵⁵. Он настаивал на учёте мнений доминионов при сохранении ведущей роли министерства иностранных дел в проведении согласованной внешней политики Содружества.

Также предлагалось дать доминионам самостоятельность в некоторых внешнеполитических сферах, наиболее важных для них и не интересующих другие автономии. Как известно, у Канады такой областью являлись отношения с США. «Мы стремимся к этому не ради национальной гордости, чтобы доказать свой новый статус. А для того, чтобы эффективно заниматься нашими делами, - настаивал глава консервативного кабинета. – Отношения между Канадой и Соединёнными Штатами не затрагивают другие страны, наш товарооборот с ними больше, чем с Южной, Центральной Америкой и Австралазией вместе взятыми. <...> Еще до войны две трети дел британского посольства были связаны с канадским бизнесом в Америке, поэтому нет ничего революционного в представительстве доминиона в Вашингтоне. Тем более, что мы никогда не пытались отстаивать там чьи-либо интересы»⁵⁶.

Подводя итог, Миэн подчеркнул, что за последние годы Британская империя стала «Содружеством свободных наций, находящихся в самых разнообразных

условиях», где каждая из них должна «сама определить свой вектор развития»⁵⁷. Поэтому принципам выработки общего внешнеполитического курса следовало придать максимальную простоту и ясность, позволяющую применять их повсюду, независимо от региональных особенностей.

Дэвид Ллойд Джордж скептически отнесся к инициативам канадцев, особенно касавшихся отношений с США. Он поспешил напомнить: несмотря на рост численности населения и территорию, самостоятельный голос Канады имел бы несравнимо меньший вес во внешней политике, чем тот, которым она обладает как член Содружества. Поэтому ответные предложения сводились к весьма осторожной модернизации существовавшего порядка⁵⁸. Например, к ежегодным совещаниям премьер-министров и ежемесячной отправке доминионам наиболее важных, на взгляд Форин оффис, дипломатических документов⁵⁹. Сосуществовавшие с такими высказываниями заявления о разделении ответственности как следствии совместного контроля звучали для канадской делегации неубедительно и формально. Эпизоды, связанные с представительством в Лиге Наций, подтверждали отсутствие желания Великобритании как «старшего» члена Содружества обременять себя организацией процесса многоступенчатой выработки коллегиальных решений, при этом пределы прямой ответственности автономий тоже до сих пор оставались не очерченными.

Такое положение дел бесспорно было удобным для метрополии, сохраняя полновластие Форин оффис, отрицательно относившегося к замене информирования на консультирование. Вместе с тем, принятие предложений Ллойд Джорджа не подразумевало существенных выгод для доминионов: Великобритания усиливала свои позиции на международной арене за счёт их нового фактического статуса, дающего численный перевес в конфликтной ситуации. Тогда как прямое участие автономий в формировании внешней политики оставалось в лучшем случае эпизодическим.

Бурные дискуссии вызвал, казалось, «прикладной» вопрос – возобновление англо-японского союза. Впервые заключённый в 1902 г., он обезопасил Австралию и Новую Зеландию от угрозы со стороны милитаризовавшейся Японии. В

1905 г. союзники продлили обязательства на десятилетний срок, но доминионы восприняли это решение неоднозначно⁶⁰. Договор не контролировал нараставшую азиатскую миграцию, тогда как баланс сил на Тихом океане изменился: Российская империя потерпела поражение в войне 1904-1905 гг., а японско-американские противоречия быстро нарастали.

С новой остротой тема отношений с Японией встала на имперской конференции 1911 г. Соглашение истекало только через четыре года, но Лондон спешил подтвердить его в свете нараставшей угрозы со стороны Германии. Тогда подвижки в характере взаимодействия внутри империи впервые поставили британское руководство перед необходимостью проводить консультации с доминионами, у которых появились собственные вооружённые силы. Сомнения Австралии и Новой Зеландии только усиливались, а Лорье занял наиболее лояльную позицию, аргументировав её эффективностью союза в предыдущие годы. Не последнюю роль в этом сыграло соседство с США, гарантировавшее надёжное стратегическое положение Канады.

За период премьерства Бордена канадо-американские связи стали интенсивнее, поэтому обсуждению перспектив военно-политического союза с Японией предшествовала переписка Ллойд Джорджа и Миэна. В ней последний высказывал соображения о потере полезности союза, апеллируя к устранению опасности со стороны России и Германии. Теперь предстояло строить многообещающие британско-американские отношения, которым договор явно препятствовал. В этом выступлении канадский премьер-министр впервые выдвинул предложение об организации международной конференции по тихоокеанским вопросам⁶¹.

В Лондоне летом 1921 г., мнения вновь разделились. Миэн выступил резко против пролонгации союза с Японией, основываясь на воззрениях канадского парламента и информации, полученной от Кристи⁶². Советник располагал сведениями, о пристальном внимании ключевых фигур в американских органах власти к данной теме и их подозрениях о том, что англо-японский альянс направлен против усиления США на Тихом океане⁶³. Германия ограничивалась в

военном отношении мирным договором, Франция и Италия входили в круг союзников Британии, а российский флот пострадал в ходе гражданской войны. Следовал резонный вопрос: «Против кого тогда предполагалось объединиться?» При этом провоцировать США на гонку морских вооружений выглядело заведомо проигрышной затеей, так как состояние их финансов было гораздо лучше.

Точка зрения Кристи и Миэна не была частным мнением – её полностью разделяли представители всех идеологических течений в канадских политических кругах⁶⁴. В феврале 1921 г. правительство доминиона передало через генерал-губернатора министру колоний предложение о поиске альтернативы автоматическому возобновлению союза, потому как «прежние основания для договора больше не действуют, а потенциальные сложности в Тихом океане растут, в том числе – на пути согласия между англоязычными нациями»⁶⁵. Перспективным вариантом им представлялась встреча, куда следовало пригласить представителей Японии, США и Китая. Союзником канадцев стал Смэтс, который вообще не рассматривал тихоокеанский регион как место потенциального военного конфликта.

Старт бурной дискуссии положило выступление Керзона 28 июня, который напомнил об истечении срока действия договора с Японией и настаивал на его пролонгации, чтобы не потерять союзника с почти двадцатилетней историей сотрудничества. Несмотря на отсутствие к моменту заседания ответа со стороны Токио, министр иностранных дел высказывал уверенность в его готовности возобновить соглашения. В ходе обсуждения наметилось несколько вариантов развития событий в зависимости от позиции Содружества. Расторжение договора наносило ощутимый удар по геополитической стратегии Великобритании, а его обновление с учетом Устава Лиги Наций укрепило бы США в подозрениях относительно формирования антиамериканской коалиции. Хорошим решением выглядело расширение соглашения до трехстороннего, но оно, по версии британского посла в Вашингтоне, не представлялось возможным. Оптимальным вариантом Лондон считал сохранение двустороннего договора с предварительным уведомлением США и Лиги Наций⁶⁶. Бальфур от имени Комитета имперской

обороны выразил поддержку этого решения, настаивая на сохранении альянса до завершения строительства военно-морской базы в Сингапуре. Как и Ллойд Джордж, Керзон и Бальфур предпочитали полагаться на мнение посольства в Вашингтоне, считавшего американское недовольство продлением англо-японского союза формальной риторикой.

Керзон, желавший добиться согласия доминионов на пролонгацию, пытался склонить на свою сторону Хьюза и Мэсси. Оба они находились в затруднительном положении. Хотя недоверие к Японии после Первой мировой войны усилилось, договор с ней прошел проверку временем и делал «анзаков» менее уязвимыми. Поэтому еще до отъезда в Лондон австралийский премьер-министр, выступая в парламенте, назвал своей целью возобновление союза в приемлемом для американцев формате.

Не обладая поддержкой большинства, Миэн всё равно начал наступление на идею союза как таковую. На заседании 29 июня он настаивал на том, что мнение Канады должно учитываться при решении вопросов британско-американских отношений по веским и объективным причинам. Во-первых, из-за «жизненно важного» значения этой темы для доминиона. «Если дело – не дай Бог! – восклицал Миэн, – в самой критической ситуации дойдёт до войны, то Канада станет второй Бельгией». Во-вторых, по причине необходимости пересмотра политики на Тихом океане с учетом современных реалий. «Когда заключались старые англо-японские договоры, в мире было пять или шесть великих держав – вряд ли больше. Теперь есть три сильных страны первого порядка – Япония, Великобритания и США. Могут ли двое из них заключить региональный пакт, а третья, также имеющая особые интересы в этой части света, благосклонно остаться в стороне?» – задавался вопросом канадский премьер-министр⁶⁷. В итоге он предлагал не продлевать договорённость с Японией, а стремиться к трехстороннему решению проблемы.

После столь откровенных высказываний, Миэну пришлось испытать на себе напористость Хьюза, обвинившего его в проамериканской позиции. «Должна ли наша империя проводить политику, основанную на собственных интересах и

достойных идеалах, придерживаясь её столь же последовательно, как и любая другая нация? – предлагал он задуматься присутствующим. – Или политику, продиктованную какой-либо другой державой?»⁶⁸. Дело, как это часто случалось у Хьюза, дошло до перехода на личности: канадскому коллеге вменялась слепота относительно как реальных причин возражений США против союза с Японией, так и их антибританских настроений. «Что он нам предлагает? Что мы можем одобрить? Какова реальная альтернатива возобновлению договора? Ответа нет! Если спросить, предпочтет Австралия Японию или Америку в качестве союзника, то конечно Америку. Но такого выбора ей не предлагается!» – негодовал политик⁶⁹.

Мэсси закономерно присоединился к своему региональному партнеру, патетично заметив, что Новая Зеландия «не будет искать ничьей защиты, кроме Великобритании, пока империя существует»⁷⁰. Представлявший Индию Кенгарджи III согласился с заманчивостью трехсторонней договоренности, но пока это не представлялось практически возможным, выступал за пролонгацию. Смэтс после долгих обсуждений занял нейтральную позицию. В целом, ситуация к середине работы имперской конференции сложилась крайне напряженная.

Последнее слово оставалось за Ллойд Джорджем, которому явно не нравилось происходившее. Его видение идеальной внешней политики подразумевало формулирование выгодной метрополии позиции без участия доминионов, которые приглашались бы для утверждения и обсуждения деталей, но не сути⁷¹. Очевидно, что такая модель отвечала стремлению демонстрировать единство империи перед лицом внешнего мира, но противоречила идее действительно коллективной внешней политики и уже установленным прецедентам. Заседание 29 июня поставило его в тупик. В открытую конфронтацию вступили два самых крупных и влиятельных доминиона – Австралия и Канада, причём последняя оказалась в проигрышном положении. Это могло привести, с учетом бескомпромиссно негативной позиции юнионистской части канадского парламента в отношении намерений метрополии, к досрочному отъезду Миэна и отказу ратифицировать договор о продлении альянса.

В результате упорных дискуссий к 1 июля удалось достигнуть компромисса, позволивший перейти от дебатов к дипломатическим действиям. В результате консультаций к 10 июля удалось договориться с США, ранее уже выразившими заинтересованность в совместном урегулировании ситуации в Тихом океане, о скорейшей организации конференции. Приняв приглашение американского президента У. Гардинга, Ллойд Джордж уведомил его о сохранении договора 1911 г. вплоть до пересмотра в ходе грядущих переговоров. Лиге Наций сообщалось, что новый вариант договора будет соответствовать её Уставу⁷². Япония восприняла решение благосклонно, американцы активизировали подготовку к Вашингтонской конференции, желая сохранить за собой дипломатическую инициативу. Англо-японский союз продолжил существовать во второй половине 1921 г., но точно предсказать его дальнейшую судьбу не представлялось возможным.

Роль Канады в решении вопроса о продлении союза с Японией не получила однозначной оценки в историографии. В первой половине XX в. распространилось суждение об ограниченном влиянии Оттавы на развитие событий вокруг альянса. Например, его характеризовали как «скромное», соотнося с другими факторами – давлением со стороны Австралии и готовностью Великобритании к компромиссу⁷³. Современные исследователи склоняются к тому, что именно представители доминиона повлияли на существенные и быстрые изменения в имперской внешней политике на Тихом океане⁷⁴. Такая оценка представляется более обоснованной в свете следующих моментов.

Лондон, исходя из многолетнего опыта, рассматривал договор с Японией как надежный вариант обеспечения имперской безопасности в Тихоокеанском регионе и не вникал глубоко в наметившиеся геополитические перемены⁷⁵. Решительные действия Миэна способствовали переключению его внимания на возможные негативные последствия пролонгации. Важно отметить, что изначально к высказываниям канадского лидера отнеслись скептически: британские власти гораздо больше доверяли успокаивающим донесениям своего посольства в Вашингтоне. Они приняли во внимание аргументы канадской стороны только

благодаря подтверждению послом тех сведений, которыми уже располагал Кристи. Таким образом, канадцы оказались проницательнее в отношении конкретного аспекта международной политики, чем Ллойд Джордж и его министры. Метрополия, несмотря на своё лидерство и нежелание проводить настоящие консультации, признала правоту доминиона и вынужденно прислушалась к нему. Этому в значительной мере способствовала твёрдость Миэна: зная, каково господствовавшее в канадском обществе мнение, он смог выдержать напор оппонентов вплоть до прояснения позиции США.

В соответствии с резолюциями конференции 1921 г., участники «выразили единодушные относительно расстановки внешнеполитических приоритетов и глубокую убежденность в том, что необходимо вырабатывать единую позицию по международным вопросам и реализовывать её сообща»⁷⁶. Важность усилий в этой сфере стала очевидна всем. Рост национального самосознания доминионов проявлялся, в том числе, в стремлении получить наибольшие выгоды от внешнеполитических шагов для себя, а имперский престиж и интересы отходили на второй план. Разногласия Канады и Австралии произрастали как раз из специфики их геополитической ситуации. По большому счёту, речь шла не столько о целях Содружества, сколько о том, как совместить потребности доминионов в рамках этого сообщества.

По вопросу о союзе с Японией удалось достигнуть внутриимперского примирения благодаря выгодной международной ситуации: США и другие страны были готовы к диалогу ради достижения договорённостей по Тихому океану. Тем временем, метрополия считала такое решение результатом компромисса, который в её понимании состоял в том, что доминионам позволили высказаться перед принятием британским руководством итогового решения.

Имперская конференция 1921 г. завершилась для Канады удачно. Автоматическое продления англо-японского альянса не состоялось и Миэну не пришлось брать на себя обременительных обязательств. Но будущее не обрело уверенной определённости: тихоокеанский и конституционный вопросы ещё предстояло решить, тогда как механизмы формулирования единой внешней

политики Содружества нуждались в доработке. Поэтому премьер-министр был крайне заинтересован в успешности Вашингтонской конференции. Едва вернувшись домой, он начал телеграфировать в Лондон с просьбами предоставить актуальную информацию, выражая особую озабоченность представительством Канады⁷⁷.

Автономии изначально не питали особых надежд на проявление самостоятельности в ходе Вашингтонской конференции. Этому способствовал новый виток проблем вокруг статуса делегатов от Британской империи: доминионы не получили индивидуальных приглашений от США, а Великобритания, воспользовавшись этим, в одностороннем порядке уведомила о решении правительства Его Величества «представлять всю империю в Вашингтоне». Таким образом, перемены в международном статусе доминионов игнорировались и страной-организатором, и собственной метрополией, которой было выгодно рассматривать схему представительства на Парижской мирной конференции как исключительный случай, а не прецедент. Решение, призванное сгладить ситуацию, было сформулировано только 3 октября после активной переписки Ллойд Джорджа и Миэна, не желавшего сдавать позиции без боя – в британскую делегацию приглашался представитель от каждой автономии для помощи в региональных вопросах⁷⁸. Оттава и Лондон сошлись на кандидатуре Бордена – опытного политика и участника Парижской конференции. Сопровождал его Кристи, вошедший в состав секретариата делегации Британской империи.

Миэн прекрасно понимал, какой шаг назад для международного положения Канады означало такое решение, но воспринял его спокойно. Происходящее вполне согласовывалось с его представлениями о некотором снижении темпов роста внешней самостоятельности после мирной конференции 1919 г. ради синхронизации с внутривнутриполитическим развитием. Складывание практики регулярных консультаций с упором на совместную реализацию решений представлялось ему, как политику империалистического толка, более реалистичным и важным.

Однако от ЮАС последовала бурная негативная реакция. Хотя вопросы тихоокеанского региона касались его меньше других, тема конституционного статуса стояла там невероятно остро. «Соединённое Королевство – это не вся Британская империя. И его делегация не станет имперской, просто потому что кому-то из доминионов удалось проскользнуть в неё через черных ход», – негодовал Смэтс⁷⁹. Настоящую смуту в ход подготовки внесла его телеграмма, адресованная Миэну и другим премьер-министрам Содружества. В экспрессивной манере он убеждал автономии в необходимости получения приглашений от США, апеллируя к их самостоятельности в Париже. Включение же уполномоченных в состав делегации Британской империи могло, по его мнению, серьёзно им навредить, вплоть до подрыва позиций в Лиге Наций. «Если мы проявим упорство, и Америка согласится, – писал южноафриканский премьер, – то битва за независимое международное представительство будет наконец выиграна»⁸⁰. Ситуация осложнялась тем, что копия данного сообщения была выслана в Лондон, поставив адресатов в двусмысленное положение. Они, в свою очередь, отреагировали по-разному. Хьюз разделял негодование, Мэсси – наоборот, ограничился подтверждением отправки делегата, который уже находился на пути в Вашингтон. Миэн ответил сдержанной телеграммой, в которой призывал Смэтса сконцентрироваться на объективных обстоятельствах, а не собственных желаниях. Тем не менее, он не преминул, поддерживая репутацию преемника Бордена, выразить в послании британскому правительству надежду на обеспечение «статуса делегатов, аналогичного тому, который они имели в Париже»⁸¹.

Осложнения удалось относительно благополучно разрешить, хотя менять схему формирования делегации было уже поздно. Великобритания пошла навстречу своим автономиям, признав за ними право подписи договоров с последующей ратификацией их национальными парламентами по модели Версальского мира. Однако далеко не все в Канаде придерживались столь же лояльных позиций, как Миэн. Наступление на уже существовавший прецедент, когда метрополия попыталась вернуться к единоличному представительству всей империи, задело националистов. Особенно в свете вовлеченности в данную

ситуацию США – влиятельного международного партнера, от которого они хотели добиться серьезного отношения к Канаде. От жёсткой критики премьер-министра спасли только парламентские каникулы и то, что большая часть переписки по данной теме являлась конфиденциальной.

Впрочем, международный статус доминионов был столь шаток, что активное участие в Вашингтонской конференции в любом качестве имело позитивное значение. Представители автономий задействовались на всех уровнях: в общих заседаниях, комитетах и совещаниях имперской делегации. В целом конференция для Канады прошла удачно. Если ограничение морских вооружений по Договору пяти держав фактически не влияло на её планы в отношении строительства флота, а решения по Китаю не касались напрямую, то в вопросе англо-японского партнерства стремления доминиона были максимально удовлетворены. Соглашение от 1911 г. прекращало свое действие в связи с заключением Договора четырех держав – США, Франции, Японии и Британской империи, который имел целью сохранение существующего равновесия в Тихом океане⁸². Такой пересмотр отношений давал Австралии и Новой Зеландии дипломатические гарантии ненападения со стороны Японии, и в то же время обозначил начало нового этапа англо-американского сотрудничества, столь важного для Канады.

Тринадцатого декабря 1921 г. уполномоченные от доминионов вместе с Бальфуром поставили свои подписи под договором. Чтобы не упустить шанс самостоятельного подписания, Борден не стал дожидаться возобновления работы парламента, а руководствовался санкцией правительства как официально уполномоченный глава делегации Канады. Возражений по сути заключённых соглашений действительно не последовало: в Вашингтоне удалось отстоять все принципиально важные моменты. Особое одобрение заслужил Договор пяти держав, который рассматривался представителями всех политических сил Канады как залог безопасности тихоокеанского побережья Северной Америки⁸³.

Кроме высокой оценки итогов конференции, Борден положительно отзывался о взаимодействии, установившемся внутри делегации Британской империи. В своих докладах он отмечал «сердечность и неизменный дух

сотрудничества», который обуславливался в первую очередь составом участников: Бальфур и Борден были людьми схожего склада характера и хорошо сработались ранее, Австралию представлял не Хьюз, а более дипломатичный сенатор Пирс.⁸⁴ Уполномоченные от доминионов находились в тесном контакте со своими парламентами, поддерживали формальные и неформальные коммуникации друг с другом. Заседания проводились регулярно, атмосфера взаимопонимания позволяла находить компромиссы по основным вопросам. Этому способствовало также отсутствие жёстко регламентированной позиции у британских представителей, хотя Ллойд Джордж всё-таки склонялся к сохранению договора с Японией. Как и в Париже, доминионы имели доступ к информации о переговорах между ключевыми участниками, в отличие от приглашенных позднее Италии и Бельгии. Такая координация действий, по мнению Бордена, продемонстрировала силу единства имперского Содружества и его высокий потенциал⁸⁵. Да, это было отступление от парижской практики, но мирная конференция являлась по сути особым случаем, а отсутствие индивидуальных приглашений для доминионов минимально сказалось на общих результатах конференции.

В Великобритании соглашения также встретили с энтузиазмом, несмотря на оппозицию Адмиралтейства, недовольного сокращением флота. Расширение системы мирных договоренностей, возможность экономии значительно расстроенных финансов и достаточно приемлемый итоговый проект по ограничению вооружений получили высокую оценку. Ллойд Джордж и вовсе назвал результаты форума «одним из величайших достижений на пути к мирному существованию, которые когда-либо случались в истории»⁸⁶.

Отдельного внимания заслуживал процесс ратификации. В случае с Версальским миром согласие доминионов воспринималось как чистая формальность: монарх утверждал документ по представлению, внесенному британским кабинетом от имени всей империи. Поэтому, если бы европейские союзники действовали быстрее, автономиям все равно пришлось подчиниться решению о вступлении мирного договора в силу. Вероятно, и на этот раз метрополия планировала превратить ратификацию международных соглашений в

малозначительный эпизод. Этому препятствовало то, что договоры включали в себя план по сокращению вооружений: если бы в Лондоне ратифицировали их без предварительного согласия других частей империи, то они гипотетически могли начать беспрепятственно увеличивать свои флоты, вынудив Великобританию сокращать собственные военно-морские силы для соответствия установленной квоте⁸⁷. Отсюда одобрение доминионами итогов Вашингтонской конференции становилось не поводом для иронии, а настоящей необходимостью.

Вследствие действительно компромиссного характера выработанных положений, ратификация их странами Содружества прошла быстро и успешно. Влияние Канады на принятие конкретных решений конференции закономерно оказалось невелико, а её устремления ограничивались фиксацией в итоговых документах англо-американских договоренностей. Ведь наибольший интерес для Оттавы представляла позиция интерпретатора и посредника в отношениях между ними⁸⁸. Уже в ходе работы конференции Роберт Борден имел возможность обсудить с государственным секретарем США Чарльзом Хьюзом ряд вопросов, представляющих взаимный интерес.

Вашингтонская конференция дала обильную пищу для размышлений политическим деятелям империи, уже готовым принять факт произошедших изменений в её внутреннем устройстве. Ситуация с англо-японским союзом продемонстрировала одновременно степень расхождения интересов стран Содружества и возможность их эффективного взаимодействия в сфере внешней политики. Доминионы выказали готовность отстаивать свои региональные приоритеты, если планы метрополии вступали с ними в явное противоречие. И хотя так называемые «неформальные узы» оставались реальностью имперской политики, становилось очевидно, что Великобритании опасно пренебрегать окрепшим самосознанием автономий.

Если в Париже консультации часто воспринимались как тягостная формальность, то в Вашингтоне они доказали свою продуктивность. «Несомненно, в этом отношении можно провести усовершенствования, – отмечал Борден в своих отчетах, – однако, если смотреть в общих чертах, то я полагаю, что опыт этой

конференции оправдал его [совместное дипломатическое представительство – О.И.] как средство, при помощи которого в нынешнем конституционном положении можно эффективно действовать на международных встречах. Оформление договоров и наше участие в конференции в одно и то же время соответствуют как принципам единства, так и полноценной автономии. Но всё это не будет действительно работать без механизмов, которые позволили бы нам предварительно обсуждать все мнения – совместно, досконально и откровенно. Организация делегации Британской империи обеспечила нам такую возможность»⁸⁹.

Казалось, на Вашингтонской конференции окончательно подтвердилось, что Бордену удалось претворить в жизнь свои воззрения на эволюцию политико-правового статуса доминиона, постепенно формировавшиеся в национал-империалистическом русле ещё с предвоенного времени. Теперь его преемникам на посту премьер-министра предстояло оценить, насколько эти новшества соответствовали стоявшим перед послевоенной Канадой задачам, решить, в каком направлении перспективнее всего продолжать дальнейшее развитие.

2.2. Упадок «имперского единства»: Чанакский кризис и канадо-американское соглашение о ловле палтуса

Вашингтонская конференция стала последним крупным событием периода премьерства Артура Миэна. На федеральных выборах 6 декабря 1921 г. консервативная партия проиграла либералам во главе с Уильямом Лайоном Макензи Кингом. Победители получили 118 парламентских мест, следом шли новообразованные прогрессисты с 58 мандатами. После 153 депутатов, которыми располагал юнионистский блок в палате общин, 49 мест стали для консерваторов сокрушительным поражением⁹⁰. Такой ощутимый успех либералам принесли не столько принципиально новые идеи в предвыборной программе, сколько лучшее понимание актуальной социально-экономической ситуации в стране. В первую

очередь, она характеризовалась общим ростом политической активности населения, распространением социалистических идей и появлением на федеральном уровне третьей партии – прогрессистов⁹¹. С другой стороны, сохранялись старые проблемы, главными из них являлись рабочий вопрос и межэтническая напряженность.

Результаты голосования отразили территориальную «лоскутность» симпатий канадцев и отход от классической двухпартийной модели. Из-за этого даже либералы оказались в затруднительном положении: их большинство было неоспоримым, но опиралось преимущественно на Квебек и франкофонных депутатов в других провинциях, которых привлекала национал-автономистская позиция⁹². Таким образом, потеря франкоканадской поддержки стоила бы им легитимности⁹³. Прогрессисты Томаса Креара не собирались брать на себя статус официальной оппозиции из-за отсутствия парламентского опыта, ограничиваясь ситуативной поддержкой той или иной фракции. Консерваторы, в свою очередь, не желали так легко и быстро расставаться с лидерством. Поэтому на первых порах Макензи Кингу пришлось действовать с большой осторожностью и оглядкой на общественное мнение⁹⁴.

Внешнеполитические вопросы не входили в круг основных тем повестки дня избирательной кампании 1921 г. Но даже из высказываний общего характера представлялось возможным вычленить закономерно разные взгляды либералов и консерваторов на место их страны в международных отношениях. Миэн считал высшим достижением Канады статус независимой нации в составе Британской империи, а жизненно важной задачей – его сохранение в неизменном виде. «Мы уже пользуемся полной автономией, которая не оспаривается и не ставится под сомнение», – провозглашал политик⁹⁵. Макензи Кинг в предвыборных выступлениях обтекаемо называл своей главной целью формирование по-настоящему национального правительства, которое и определит вектор дальнейшего развития строго в интересах разнородного населения страны⁹⁶.

Действительно, нет оснований, позволяющих говорить о четких, заранее разработанных планах нового премьер-министра по преобразованиям в сфере

международных отношений. Например, в ходе Вашингтонской конференции его гораздо больше интересовали не сами переговоры, целиком находившиеся в ведении опытного Бордена, а то, не взял ли тайно кабинет Миэна обязательства по имперской морской программе в обмен на отправку собственного представителя. В ответ канадский делегат сослался на официальные материалы конференции, которыми руководствовался в работе, и заверил, что тема имперских ВМС не входила в повестку, даже тайную. Зато политикам быстро удалось найти общий язык по вопросу о ратификации соглашений: оба считали, что процедуру определяет сам доминион. Речи о том, что утверждение договоров такого уровня является исключительно прерогативой короны, уже не шло⁹⁷.

В определенной мере рост внимания Макензи Кинга к внешнеполитической сфере был спровоцирован идеологической ситуацией в самой Канаде. Между радикальными сепаратистами, не пользовавшимися широкой популярностью, и умеренными империалистами, выступавшими за продолжение естественной эволюции исключительно в рамках Британской империи, при сохранении тесной связи с метрополией, находилась разнородная автономистская группа. Обобщенно взгляды её представителей сводились к стремлению сохранить империю, но с условием, что на Канаду не возлагались бы обременительные внешние обязательства, позволяя сосредоточиться на решении задач, обусловленных собственными национальными интересами⁹⁸.

Такие воззрения набирали популярность среди националистически настроенных интеллектуалов, примыкавших к либеральным кругам. Их ярким представителем был Дуглас Оскар Скелтон – экономист и университетский преподаватель. Близость его убеждений и политического кредо нового главы кабинета министров отчасти объяснялась схожестью ключевых этапов их биографий, сформировавших приверженность либеральным ценностям и интерес к социальной сфере. Например, они оба являлись выпускниками Чикагского университета, где получили основательное образование в области экономики и общественных наук. Кроме того, важное значение для установления взаимопонимания имело пребывание обоих под большим влиянием личности

Уилфрида Лорье – политического наставника Макензи Кинга, автором комплиментарной биографии которого стал Скелтон. Решающее же впечатление, произвело на премьер-министра выступление авторитетного либерального деятеля в оттавском Канадском клубе в январе 1922 г.

В своей речи Скелтон критиковал сохраняемую Ллойд Джорджем практику, согласно которой фактически единственным каналом связи между правительствами стран Содружества оставался Форин оффис, не настроенный на сотрудничество с доминионами. Альтернативой, базировавшейся на прецеденте Парижской мирной конференции, ему представлялся контроль Канады за вопросами, касавшимися её напрямую. «Внешняя политика – это продолжение внутренней, – аргументировал свою точку зрения Скелтон. – И, раз уж мы получили контроль над одной, то должны получить и над другой, сотрудничая по общим вопросам с остальными британскими нациями при помощи конференций и совместных дискуссий»⁹⁹.

Стратегию Бордена Скелтон воспринимал двойственно. К её успехам он относил самостоятельное вступление в Лигу Наций – позитивный прецедент, который требовалось развить в отношении других международных организаций. Слабым моментом представлялось стремление повысить престиж Канады на мировой арене в ущерб своевременному решению внутренних проблем, как это случилось с рабочим вопросом в период послевоенной реконструкции. По мнению Скелтона, показателем готовности страны к активному участию в международных отношениях могло служить только национальное единство и достаточный уровень политического развития. Верным шагом в данном направлении ему виделась организация Канадой собственного министерства иностранных дел.

Все эти идеи нашли понимание и поддержку у Макензи Кинга, который положил их в основу своей внешнеполитической программы¹⁰⁰. Вслед за тем Скелтон начал постепенно привлекаться к работе департамента внешних сношений¹⁰¹. Со временем он стал одним из ближайших советников премьер-министра, заменив Лоринга Кристи – опытного дипломата, но приверженца подхода Бордена и Миэна. Аккуратно, без спешки и прямых отставок, лидер

либералов старался отстранить консерваторов от управления в приоритетных сферах.

Возможность начать реализацию нового курса представилась весной 1922 г. на Генуэзской конференции. К удовлетворению властей доминиона, Италия руководствовалась практикой Парижской мирной конференции и с одобрения Ллойд Джорджа выслала автономиям отдельные приглашения, поэтому в состав имперской делегации вошло два уполномоченных от Канады. Отсутствие при них секретаря подразумевало ограниченный обмен сведениями, что позволило бы действовать максимально обособленно, а не строго в соответствии с линией поведения, коллективно вырабатываемой объединенной британской делегацией. Макензи Кинг также проинструктировал дипломатов относительно степени вовлеченности в работу конференции: «Вы не должны активно вмешиваться в обсуждение вопросов, имеющих чисто европейское значение. Нужно уделять внимание темам, представляющим экономический интерес для Канады. Трудно дать более чёткую установку, но вот указание, которое должно стать вашим руководством к действию»¹⁰².

События разворачивались таким образом, что в точности следовать данным наставлениям для представителей автономии не составило труда. Решающее влияние на ход конференции оказало подписание Рапалльского договора между РСФСР и Веймарской республикой. В результате Советская Россия и Германия, ставшие после Первой мировой войны объектами порицания, вышли из изоляции и инициировали новый поворот в мировой политике. Теперь оказывать на них давление стало куда сложнее. Для североамериканской делегации визит в Италию не стал пустой формальностью, поскольку доминиону, делавшему первые шаги в сфере международных отношений, были важны не только фактические действия, но и внимание к нему со стороны других государств. В частности, Канада получила предложение выйти на российский рынок, став одним из кредиторов восстанавливающейся экономики¹⁰³. Такая инициатива выглядела одновременно лестно для государства, всё ещё официально обладавшего ограниченной ответственностью, и рискованно, учитывая обстоятельства, в которых мир

пребывал после Первой мировой войны и революции в России. Взвесив все «за» и «против», Макензи Кинг предпочел отказаться от данного направления инвестиций. Но, к моменту принятия окончательного решения, план консорциума распался сам по себе, не обязывая к окончательному ответу.

Положительно отзывались делегаты об организации конференции и работе с коллегами по Содружеству. «Рады сообщить, что господин Ллойд Джордж и все другие члены британской делегации выказывали к нам самое активное участие. Мы располагали полной информацией о переговорах, даже частного характера. На всех встречах, в том числе особого и конфиденциального свойства, велись протоколы, незамедлительно передававшиеся в наше распоряжение», – гласил их отчет, зачитанный в парламенте¹⁰⁴. С особой гордостью подчеркивалась обоснованность участия доминиона во встрече, посвященной финансово-экономическим вопросам: «Канада оказалась в верхней части списка по общему товарообороту, уступая из стран-участниц только Франции и Великобритании, а по стоимости произведенных товаров на душу населения – первой»¹⁰⁵.

Казалось, столь удачные итоги конференции должны были пойти на пользу имиджу либералов и способствовать стабилизации отношений внутри Содружества. В действительности они, по стечению обстоятельств, стали прологом нового витка политической напряженности, связанной с дискуссиями вокруг статуса доминиона.

Макензи Кинг понимал, что Миэн предпримет попытку вернуть власть в ближайшее время, поэтому повёл прямолинейное наступление против него при первой же возможности, вменив конкуренту в вину отсутствие самостоятельного представительства в Вашингтоне, в отличие от Генуи¹⁰⁶. Таким выпадом он втянул лидера оппозиции в игру по своим правилам, вынудив искать оправдания для сохранения политического авторитета. Миэн ожидаемо сослался на практику взаимодействия в области внешней политики, сложившуюся на имперской конференции 1921 г. Этого и добивался Макензи Кинг, желавший получить в распоряжение материалы тех лондонских заседаний и последующей переписки.

Они могли дать информацию, имевшую практическое значение, и способствовать повышению его компетентности как новичка в большой имперской политике.

Министерство колоний закономерно отказало канадскому премьеру в предоставлении конфиденциальных протоколов имперской конференции без согласия остальных её участников, так как они являлись их коллективной собственностью. В официальном послании это объяснялось сочетанием прецедентности совещания, значимости вопросов, входивших в повестку дня, и, что особенно важно, образа их обсуждения. «Характер и процедура конференции соответствуют ее задачам, предоставляя участникам полную свободу мысли и волеизъявления», – говорилось в телеграмме¹⁰⁷. Содержавшиеся в протоколах дискуссий суждения свободно высказывались в приватной атмосфере и могли быть, как считалось, неверно истолкованы широкой публикой при их обнародовании, спровоцировав самоцензуру в дальнейшем. Сам Ллойд Джордж поддержал отказ и решил прояснить ситуацию для Макензи Кинга в пространной телеграмме, попутно излагая свои взгляды, подразумевавшие полное дипломатическое единство империи. Это послание окончательно убедило либерального лидера, что его тревога относительно свободы действий Канады в международных отношениях обоснована.

Многие парламентарии разделяли опасения Макензи Кинга, так как национализм в разных его формах продолжал усиливаться после Первой мировой войны. Уже в 1917 г. замыслы создания имперской федерации, ранее нашедшие поддержку у значительной части консерваторов, начали быстро терять свою привлекательность. Умеренные представители партии – приверженцы Бордена – все теснее сближались с националистами на почве признания неизбежности роста самостоятельности доминиона, сумев в итоге добиться ощутимых результатов, среди которых Резолюция IX и отдельное представительство на Парижской мирной конференции. Но потенциал этих национал-империалистических идей исчерпывал себя. Инициатива переходила в руки следующей части политического спектра – национал-автономистов, ратовавших за систему консультаций для

принятия по-настоящему коллегиальных решений по всем важным вопросам в сочетании с передачей специфических локальных тем на откуп автономиям¹⁰⁸.

Тем временем, британское правительство считало себя в праве продолжать властвовать над внешней политикой империи, используя ряд механизмов для легитимации своих решений, в первую очередь – конференции, на которых доминионы имели возможность выражать свою позицию, а метрополия – убеждать их принять свою точку зрения, корректируя по необходимости уже проводимый курс. Со стороны это выглядело способом обеспечения единства, тогда как на самом деле оно зачастую основывалось не на реальном консенсусе между частями огромной державы, а на влиянии страны-матери, которая хотела продолжать получать их поддержку в разных формах для подкрепления своего международного авторитета.

В таком положении дел канадские политические элиты видели серьёзную угрозу. Неопределённость в конституционной сфере и механизмах согласования действий в сфере международных отношений только усиливали их опасения. Тем не менее, судя по риторике и нежеланию предоставить документы конференции 1921 г., в парламентах других автономий подобного беспокойства не испытывали, в целом довольствуясь сложившейся моделью коллективной внешней политики и текущей ситуацией в отношениях с Великобританией.

До середины 1922 г. подозрения канадских националистов не подкреплялись фактами и события развивались приемлемо для всех доминионов. Признаки напряжённости в отношениях с Лондоном появились летом того же года. Показательной стала ситуация, когда британский кабинет решил содействовать принятию Германии в Лигу Наций. Департамент по делам доминионов, входивший тогда в состав министерства колоний, вполне обоснованно предположил, что будет полезно получить одобрение этого шага правительствами стран Содружества. Тем не менее запрос, поданный последними в канцелярию премьер-министра, оказался проигнорирован из-за отсутствия поддержки со стороны Черчилля, сменившего Мильнера на должности министра колоний в начале 1921 г. В тот момент он был привлечен к разработке внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке,

поэтому работа с автономиями велась по остаточному принципу. Считается, что подобная возможность дистанцироваться от прямых обязанностей существовала у политика благодаря личным дружеским отношениям с Ллойд Джорджем¹⁰⁹. Вхождение в ближний круг премьер-министра давало Черчиллю шанс вывести сотрудничество с доминионами на новый уровень с ощутимыми выгодами для метрополии. Вместо этого консультациями с ними в очередной раз пренебрегли, информируя о назначениях в Ассамблею Лиги Наций от Британской империи без возможности её комментировать.

Вскоре канадские политические круги получили новый повод для беспокойства: 1 августа 1922 г. лорд-председатель Совета Артур Бальфур направил союзникам ноту, где предлагалось аннулировать военные долги. Главным её адресатом очевидно являлись США, ожидавшие от Британской империи выплаты займов. Из Оттавы положение выглядело со всех сторон плохо, потому что осложнение англо-американских отношений могло рикошетом ударить и по ней. Кроме того, рассылке дипломатической ноты вновь не предшествовали консультации с доминионами, так как Ллойд Джордж счёл дискуссии с ними по финансовым вопросам «тягостными и излишними»¹¹⁰. Черчилль поддержал его во мнении, что проще позволить автономиям отмежеваться от ноты, если бы они сочли её неприемлемой. Сложившаяся обстановка закономерно вызвала недовольство канадских властей, так как провоцировала напряженность в сфере их прямых внешнеполитических интересов. Роуэлл попытался прояснить её, наведя справки в частном порядке, и остался весьма раздосадован индифферентностью чиновников метрополии к своим опасениям¹¹¹.

Тем временем, внимание руководства Соединённого Королевства окончательно переключилось на Ближний Восток – центр напряжённости с конца Первой мировой войны. Размолвки между союзниками отсрочили заключение мирного договора с Турцией, а вскоре после его подписания в 1920 г. Османская империя распалась. В ходе Кемалистской революции султанский режим был свергнут, а Севрский договор аннулирован. Великобритания пыталась контролировать события при помощи интервенции греческой армии, но летом

1922 г. кемалисты успешно контратаковали её позиции и развернули наступление в направлении черноморских проливов¹¹². В начале осени турки вышли на подступы к Чанаку – городку на южном берегу Дарданелл, месту максимального сужения пролива, которое охраняли английские войска.

Первоначально британский кабинет поддержал точку зрения министра иностранных дел Керзона: закрыть проливы и вести переговоры о перемирии с опорой на Севрский договор. К 15 сентября настроения среди руководства Великобритании стали гораздо воинственнее. Было решено не ограничиваться дипломатическими средствами, а продемонстрировать туркам силу¹¹³. Немалую роль в этом сыграл новый этап сближения Ллойд Джорджа и Черчилля, а также кризис коалиционного правительства, для выхода из которого они и намеревались разыграть ближневосточную «карту».

Вечером 15 сентября 1922 г. Черчилль направил доминионам секретную телеграмму. В ней он сообщал, что кабинет принял решение «противостоять турецкой агрессии в отношении Европы». По словам министра, Франция и Италия якобы разделяли данные намерения, а Румынии, Сербии и Греции направили предложение о содействии. Благодаря такому единству наступление со стороны кемалистов представлялось маловероятным. Тем не менее, следовало принять «своевременные меры предосторожности» ради обеспечения безопасности «Индии и других мусульманских народов», за которые Великобритания несёт ответственность. «Я был бы рад узнать, – завершал своё послание министр, – желает ли правительство доминиона присоединиться к предпринимаемым нами действиям, в том числе предоставив воинские контингенты. <...> Известие о том, что все доминионы или кто-то из них будет готов направить даже численно скромный отряд без сомнения окажет крайне благоприятное влияние на обстановку и, возможно, станет убедительным доводом в пользу недопущения непосредственных боевых действий»¹¹⁴. Таким образом, метрополия ждала от автономий отправки войск, а не только публичного проявления солидарности.

Стремясь как можно скорее апеллировать к общественному мнению, 16 сентября Черчилль сделал заявление для прессы по ближневосточному вопросу, в

соответствии с которым доминионы якобы присоединялись к обороне проливов. Драматизм и провокационный тон вызвали непонимание у союзников. Италия отказалась участвовать в боевых действиях, Франция объяснила свое дистанцирование от происходящего отсутствием предварительных консультаций¹¹⁵. Однако в наиболее затруднительное положение данная инициатива поставила автономии.

На момент обнародования информации по Чанакскому кризису Макензи Кинг находился в своём избирательном округе, поездка в который вызывалась потребностью наладить сотрудничество с прогрессистами¹¹⁶. Вернувшись в Оттаву, он из газет узнал об обращении к доминионам и уже полученном согласии Новой Зеландии, что выглядело откровенно возмутительно с учетом договоренности о консультациях по важным международным вопросам согласно Резолюции IX¹¹⁷. Возникновение обстоятельств, ставивших империю на грань войны, явно попадало в эту категорию. Между тем, последняя сводка с упоминанием ближневосточного региона поступила в Канаду девять месяцев назад, в ноябре 1921 г.¹¹⁸.

Премьер-министр оказался в крайне сложной ситуации: внезапное обращение перечеркивало всё сделанное за последние годы для перевода имперской внешней политики на консультативную основу. Степень накала обстановки на Ближнем Востоке представлялась неясной, да и регион не входил в сферу прямых геополитических интересов Канады. Тем не менее воспоминания о том, какие беды принёс локальный конфликт, переросший в глобальную войну, были ещё слишком свежи. В поисках оптимального решения, Макензи Кинг фиксировал ход своих мыслей и оттачивал аргументацию для возможных дискуссий в дневнике. «Признаюсь, что раздражён. Сообщение специально составлено в интересах имперской игры, чтобы проверить соотношение централизации и автономии в отношении европейских конфликтов. Я всё обдумал. Ни один контингент никуда не отправится без созыва парламента как высшей инстанции, — гласила запись от 17 сентября. – Так или иначе, не буду брать на себя прямые обязательства, а сохраню ответственность за ним. <...> Уверен, что

отправку не санкционируют. Франкоканадцы точно будут против. Большинство представителей Онтарио и Приморья – тоже. Сомневаюсь насчет Британской Колумбии, а прогрессисты воспротивятся поголовно. <...> Новая Зеландия уже предложила контингент – конечно, они всегда действуют с оглядкой на британские ВМС. Австралия, вероятно, последует её примеру. Сомневаюсь, что это сделает Южноафриканский Союз. Почему-то уверен, что нет. Я также уверен, что канадцы против участия в очередной европейской войне»¹¹⁹.

После заседания кабинета министров 18 сентября Макензи Кинг официально заявил, что вопрос об участии Канады в военных действиях находится в ведении федерального парламента¹²⁰. При этом для созыва его на внеочередную сессию нужны веские основания, подразумевавшие предоставление более полной информации со стороны Лондона¹²¹. Подобная выжидательная позиция представлялась наиболее выгодной: являясь противником втягивания Канады в войну, премьер-министр всячески уклонялся от принятия парламентом прямого решения. При этом он поставил метрополию в позицию, когда нужно было выложить «карты на стол» ради получения желаемого, либо признать факт искусственного нагнетания напряжённости.

Мнения жителей Канады по поводу Чанакского кризиса разделились. Оправдав ожидания Макензи Кинга, прогрессисты согласились с тем, что любое публичное заявление по поводу отправки войск будет расценено метрополией в качестве полной долговременной поддержки, а подобные обязательства должны иметь парламентское одобрение¹²². Как и либералы, большинство из них не видело оснований для внеочередной сессии. «В результате ближневосточного кризиса, – отмечал в переписке премьер-министр, – мы достигли единства, на основе которого, по моему мнению, западноканадские прогрессисты могут прийти к полному согласию с либералами Квебека и других частей доминиона»¹²³. Аналогичная реакция властей ЮАС с отсылкой к решающей роли парламента только укрепила сторонников невмешательства в правильности выбранной стратегии.

Борден, который продолжал внимательно следить за политикой, счёл «практически невысказанной» ситуацию с запоздалым информированием премьер-министра. Сделав несколько частных запросов благодаря старым связям, он остался крайне недоволен тем, как кабинет Ллойд Джорджа попирает его прежние достижения во внешнеполитической сфере¹²⁴.

На фоне этого осторожного выжидания приверженцы оказания помощи метрополии выглядели крайне активными. Население, эмоционально воспринявшее известие о возможном конфликте, в первую очередь военные и ветераны, требовало от властей недвусмысленных действий¹²⁵. Миэн произнес речь в бизнес-клубе Торонто, считающуюся одной из самых ярких в его карьере. Не зная точной формулировки секретной телеграммы, он сделал вывод, что «послание доминионам – не просто дежурный вопрос, а желание подтвердить прочность единства со страной-матерью». Основываясь на материалах прессы, он предполагал, что телеграмма не содержит прямого обращения относительно отправки контингентов. А значит дипломатическое выражение солидарности было бы необременительным и закономерным, особенно в свете участия в Севрском договоре и реакции тихоокеанских доминионов. «Этим курсом мы не подталкиваем страну к войне. Мы делаем всё возможное для того, чтобы она не началась», – резюмировал лидер консерваторов¹²⁶.

Активная полемика развернулась на страницах печати. Закономерно откликнулась на происходящее яркими критическими публикациями популярное либеральное издание «Монреаль Газет». В них текущие события сравнивались с 1914 г., и насколько однозначной представлялась ситуация с началом Первой мировой войны, настолько же вызывавшей замешательство – с Чанаком. Примечательно, что открыто поднимался вопрос о возможности прямого отказа на призыв метрополии. «Ему [кабинету министров – О.И.] придется рассмотреть как возможные последствия участия доминиона в новой военной операции на Ближнем Востоке, так и последствия отказа сделать это», – вещал рупор франкоканадских либералов¹²⁷.

Отстаивая взгляды сторонников самостоятельности в сфере внешней политики «Монреаль Газет» утверждала: «Канадцы не колеблясь окажут максимальную помощь в деле сохранения империи. Но они также могут взять паузу для размышлений, чтобы определить, в какой степени столь отдаленные события затрагивают их интересы. И действовать исключительно в том случае, если происходящее касается целостности империи»¹²⁸. В материале от 22 сентября подчеркивалось, что факт ратификации парламентом Канады Севрского договора не может обязывать её к активным действиям, так как сама Турция не признала договор, а другие великие державы не борются за его соблюдение.

Ведущая либеральная газета Западной Канады «Манитоба Фри Пресс» откровенно критиковала действия и методы британских властей. В её публикациях подчёркивалось, что только парламент может принимать окончательное решение и лишь когда получит веские аргументы в пользу того, что «канадские солдаты должны взять на себя ответственность по защите Константинополя от турок (который является в соответствии с Севрским договором их столицей) и поддержанию свободы судоходства из Эгейского моря в Черное». Давая оценку кризису, редакция называла Чанакский «инцидент» «ситуацией, которая не затрагивает нас напрямую», а действия британского правительства – «находящимися вне рамок необходимости и права обращаться к родственным нациям за поддержкой»¹²⁹.

Прессе либерально-прогрессистского толка противостояли преимущественно консервативные, откровенно проимперские издания. Призывая прийти на помощь стране-матери «Калгари Геральд» и «Монреаль Дейли Стар», аргументировали свою точку зрения ссылками на «шквал обращений гражданских лиц и военнослужащих из всех уголков страны с предложениями о службе»¹³⁰. Полную солидарность с ними выражала «Лондон Фри Пресс» считавшая, что «только поддержав всем сердцем Великобританию, канадцы продемонстрируют настроения большинства населения»¹³¹. Даже «Глоуб», политически тяготеющая к центризму, апеллировала, нагнетая напряжённость, к моральным обязательствам

по защите цивилизации от мусульманской угрозы, представляя кемалистов как «вырвавшегося на свободу тигра, пожирающего плоть и кровь христиан»¹³².

Таким образом, аргументы сторонников внешнеполитической самостоятельности, число которых существенно выросло, претерпели со времени окончания Первой мировой войны существенные изменения. Тогда они взывали к необходимости «награды» за боевые заслуги, теперь – к наличию у Канады сформированного круга приоритетов, в соответствии с которым определялась целесообразность её действий. Доводы безоговорочно поддерживающих единую внешнюю политику отличались меньшим разнообразием и изобретательностью, в основном сводясь к имперской солидарности и устаревавшему ура-патриотизму.

К счастью для канадского правительства, Чанакский инцидент совпал с политическим кризисом в метрополии, поэтому у британских властей не было возможности вести продолжительную международную игру. Уже 25 сентября 1922 г. английскому и турецкому командованию удалось достигнуть договоренность о решении конфликта дипломатическим путем. «Вопрос об участии в войнах в других уголках мира должен решать парламент, – вновь подчеркнул Макензи Кинг, выступая перед палатой общин в феврале 1923 г., – и ни один человек или группа лиц не в праве предпринимать какие-либо действия, ограничивающие его полномочия в этом отношении, вызывающем столь серьезное беспокойство у всех жителей нашей страны»¹³³. Кризис поднял популярность премьер-министра у населения: ведь он осмелился перечить стране-матери, чтобы не позволить втянуть Канаду в новый конфликт. В обратном порядке произошедшее ударило по имиджу Миэна. Особенно непримиримую позицию по отношению к нему заняли франкоканадцы, пострадавшие от действий федеральных властей во время Первой мировой войны. «Насколько я понимаю, мистер Миэн хотел бы отправить наших сограждан на очередную бойню за океан. Наверное, новый конскрипционный акт принес бы ему некое удовлетворение», – атаковал лидера оппозиции либерал Дж.-Э. Фонтэн¹³⁴.

Чанакский кризис, который удалось разрешить мирным путем, стал новым рубежом в эволюции имперских отношений. Метрополия обратилась за военной

помощью, рассчитывая на крепость политических традиций и патриотических настроений. Канада еще не выступала против концепции дипломатического единства как таковой, но требовала веских оснований для своего участия в территориально отдаленном конфликте, и не получив их, сочла себя в праве не предпринимать каких-либо действий даже на уровне заявлений. Таким образом, доминион впервые отказал метрополии в обосновательных, на его взгляд, требованиях, создав прецедент.

Между тем, политический кризис в Великобритании спровоцировал внеочередные парламентские выборы в ноябре 1922 г. Распад существовавшей с 1916 г. коалиции консерваторов и национал-либералов Ллойд Джорджа привёл к сокрушительному поражению последних¹³⁵. По количеству полученных парламентских мест их уверенно обошли консерваторы, лейбористы и даже либералы, хотя политическое влияние Герберта Асквита значительно снизилось. Кресло премьер-министра занял Эндрю Бонар Лоу.

Падение коалиционного кабинета осложнило работу министерства по делам колоний. Трудности начались ещё до избирательной кампании, когда Черчилль отошел от дел по состоянию здоровья на неопределенный срок. Смена власти, формирование нового кабинета совпали с подготовкой Лозаннской конференции, на которой доминионы потенциально могли получить представительство. Ключевую роль в принятии этого решения продолжала играть позиция метрополии, во многом зависевшая от взглядов секретаря по делам колоний.

На данный пост был назначен Виктор Кавендиш, герцог Девоншир. Такой выбор считался удачным для Канады, ведь политик занимал должность её генерал-губернатора с середины войны и вплоть до 1921 г. Тогда назначение не обсуждалось с Борденом, чем вызвало недовольство премьер-министра, а позже части населения в связи с поддержкой губернатором воинской повинности. Но за время работы в Северной Америке новый представитель короны зарекомендовал себя с наилучшей стороны: глубоко изучил вверенный регион, старался при любом удобном случае поощрять национальные чувства, направляя их в русло, выгодное общеимперским проектам.

Кандидатура Девоншира представлялась выгодной канадцам также потому, что он выражал готовность содействовать их прямому участию во внешней политике. Хотя конкретно с Лозаннской конференцией момент оказался упущен. Ко времени вступления министра в должность, МИД единолично утвердило состав делегации, в которую закономерно вошли два британских представителя и ни одного от доминионов. Повлиять на это уже не представлялось возможным: сами организаторы не прислали им отдельных приглашений, тогда как другие союзники чинили препятствия. Например, премьер-министр Р. Пуанкаре от лица Франции пригрозил добиться участия Туниса и Марокко в случае присутствия доминионов¹³⁶. Керзона, возглавлявшего Форин оффис, такая ситуация в принципе устраивала. Присутствие автономий в Лондоне при подготовке политик считал бесполезным, поскольку консультации с ними, по его мнению, являлись пустой тратой времени из-за отсутствия прямых интересов в Средиземноморье¹³⁷.

Последний довод особо задел автономии в контексте совсем недавних просьб о быстрой и однозначной поддержке в ходе Чанакского кризиса. Наибольшее недовольство продемонстрировала Австралия, так как её тревожил вполне конкретный вопрос повестки конференции – о территориях, занятых могилами бойцов АНЗАК¹³⁸. Новая Зеландия высказала обеспокоенность по тому же поводу, но сдержаннее. ЮАС предпочел не заострять внимание на проблеме представительства. Националисты там только наращивали своё влияние и оставались непримиримыми противниками любого вклада в решение задач имперской политики, оказавшихся на повестке дня исключительно из-за желания метрополии укрепить свой авторитет на международной арене.

Австралийцы удовлетворились согласованием с ними позиции британской делегации по захоронениям, а Макензи Кинг не представил возражений, намереваясь в дальнейшем использовать ситуацию вокруг Лозаннской конференции как дополнительный довод к своей негативной оценке поведения Лондона, который обращался к коллективной внешней политике только тогда, когда ему было необходимо. В совокупности это позволило бы убедительнее аргументировать перед парламентом тревогу премьер-министра относительно

повторявшихся «покушений» на заметно окрепшую автономию, а в перспективе – получить широкую поддержку для своей концепции развития имперских отношений. В центре её находилась идея о равнозначности внутренней и внешней политики. Доминион должен был обрести ту свободу в области международных отношений, какой он давно располагал в своей внутривластной жизни. Нельзя сказать, что данный тезис отличался принципиальной новизной – достижение Канадой широкой самостоятельности предрекали ещё в конце XIX в. Макензи Кинг сделал упор на то, что канадские международные устремления уже не совпадают с общей имперской повесткой, хотя и не существуют пока в полном отрыве от нее¹³⁹.

До Чанакского кризиса удавалось с переменным успехом поддерживать баланс между глобальными интересами Великобритании и региональными приоритетами Канады, хотя механизм согласования общеимперской политики так и не получил необходимого юридического оформления. Ситуация вокруг продления англо-японского альянса была воспринята Оттавой крайне остро, заставляя относиться к метрополии с недоверием и подозревать в стремлении к принятию решений в одностороннем порядке. Теперь ближневосточный конфликт поставил Канаду перед выбором: продолжить попытки наладить сотрудничество при сохранении явной склонности Великобритании диктовать свои условия под видом информирования, или пойти дальше идей, заложенных в Резолюции IX. Их развитием представлялось обеспечение соблюдения внешнеполитических интересов Канады путем выделения сфер персональной геополитической ответственности автономий. И хотя самостоятельный выход на поприще международных отношений грозил трудностями зачастую большими, чем попытки наладить имперскую кооперацию, он в то же время сулил и новые возможности.

Впервые Макензи Кинг повёл речь о таких переменах издали, в крайне обтекаемой форме в переписке с Девонширом, касавшейся Лозаннской конференции. Он заверял, что не имеет возражений касательно отсутствия приглашения для доминиона, хотя и надеется на скорейшую отправку канадскому

правительству какого-либо запроса, который может быть истолкован как внешнеполитическая консультация. Правда подобный компромисс считался приемлемым лишь в отношении грядущей конференции, когда международный кризис требует скорейшего урегулирования. И только с неременной оговоркой - решать, какие из принятых в Лозанне соглашений будут обязательны для исполнения Канадой, может исключительно парламент в Оттаве¹⁴⁰. Страна, следуя логике Макензи Кинга, не могла автоматически принять на себя новые обязательства, если она не участвовала в их разработке. В завершении премьер-министр отмечал, что ситуация складывается «критическая, затрагивающая весь процесс взаимодействия Великобритании и доминионов в плане внешнеполитической активности» и требует детального обсуждения в ближайшее время¹⁴¹.

Несколько запутанная манера изъяснения лидера либералов, построенная на избегании прямых предложений, намеках и обращении к нюансам, ввела британцев в замешательство. В конце концов, они заключили, основываясь на интерпретации генерал-губернатора Бинга, что после резонанса вокруг Чанакского инцидента Макензи Кинг просто опасается брать личную ответственность за подписание грядущего договора с Турцией без санкции своего парламента. Это вполне вписывалось в выводы, которые политики метрополии сделали из ближневосточного кризиса. В их представлении глава правительства Канады последовательно продолжал политику, начатую Борденом и не вызывавшую серьёзных нареканий со стороны своего политического коллеги Лорье: участвовать в работе совещательных общеимперских органов, одновременно располагая ограниченным международным представительством при поддержке метрополии, взамен предоставляя разного рода помощь¹⁴². Таким образом, если официальной причиной отказа в ней осенью 1922 г. была названа малая осведомленность, то следовало просто усовершенствовать систему обмена информацией и сделать ведомственную структуру более прозрачной.

Оценки генерал-губернатора и британских властей являлись ошибочными по своей сути. Они полагали, что канадцы все ещё стремятся договориться

относительно соразмерности обязательств за активное участие в выработке имперской внешней политики, и кабинет консерваторов склонялся даже принять подобный подход. Однако он был актуален скорее для 1910-х гг., когда у власти находились империалисты, ожидавшие именно этого. Общественно-политическая мысль Канады продолжала эволюционировать, и для новых либералов Макензи Кинга, испытывавших растущее влияние гражданского национализма, идея интегрированной имперской дипломатии стремительно теряла даже ту немногую привлекательность, которую имела для части их партии времен Первой мировой войны¹⁴³. Теперь власти доминиона считали необходимым избегать участия в выработке решений, способных повлечь за собой обременительные обязательства, особенно в отдаленных и геополитически малозначимых регионах.

Практическая реализация стратегии главы либерального кабинета предполагала решение двух проблем. Во-первых, следовало освободить доминион от обязательного участия в европейской политике, не затрагивающей напрямую его интересы. Во-вторых, сформулировать круг специфических, исключительно канадских внешнеполитических задач и получить возможность добиваться их решения от имени Оттавы¹⁴⁴. Чанакский кризис положил начало работе над одной из них – и вполне удачно. К 1923 г. назрела необходимость активизировать деятельность по решению следующей актуальной задачи.

В соответствии с Актом о Британской Северной Америке, метрополия имела право заключать международные договоры от лица своего доминиона. При этом статья 132 гласила, что «парламент и правительство Конфедерации обладают всеми полномочиями, необходимыми для выполнения Канадой или любой её провинцией, в качестве части Британской империи, обязательств перед иностранными государствами, которые следуют из договоров между ними и империей»¹⁴⁵. Целью Макензи Кинга стало найти такой предмет для международного соглашения, который бы не вызывал интереса у Великобритании, и при этом его условия в любом случае могли быть выполнены собственными силами страны. В итоге его выбор пал на сферу прибрежного рыболовства, потребность урегулирования двусторонних отношений в котором вполне назрела.

Канадское правительство начало налаживать прямые контакты с США еще в период премьерства У. Лорье. Экономические соглашения по конкретным аспектам уже существовавших англо-американских договоренностей, становившиеся результатами этого взаимодействия, подписывались британским послом. Первая мировая война послужила катализатором и в данной сфере: сотрудничество стало регулярнее и интенсивнее благодаря Военно-дипломатической миссии, состоявшей из канадских чиновников. К 1917 г. в круг обсуждаемых США и Канадой тем попало сокращение запасов промысловых рыб у западного побережья континента. В 1919 г. были составлены договоры о ловле палтуса и лосося, которые не вступили в силу из-за конфликта в распределении полномочий между американскими федеральными властями и штатами. Уже тогда Д. Хайзен, представлявший интересы доминиона как бывший министр морского хозяйства и рыболовства, уверял британского посла в необязательности его прямого участия в процессе подписания соглашения по столь незначительному, локальному вопросу¹⁴⁶.

В 1922 г. переговоры с администрацией президента У. Гардинга продолжились через британское посольство в Вашингтоне, в результате чего был разработан более продуманный вариант договора, полностью готовый для подписания к началу 1923 г. Целью Макензи Кинга стало придание ему юридической силы без британской контрассигнатуры. В первую очередь, он постарался убедить своих соратников по кабинету и генерал-губернатора в том, что заключение соглашения только канадским дипломатом – шаг закономерный и совершенно безвредный для имперского единства. Положительное восприятие государственным служащим высшего уровня этого начинания как разумного новшества, должно было заложить фундамент его одобрения остальными слоями канадского общества. Выполнение столь ответственного поручения возлагалось на Э. Лапуанта – последовательного сторонника внешнеполитических взглядов премьер-министра, готового проявить настойчивость для удачного завершения предприятия¹⁴⁷.

Запрос о самостоятельном подписании договора канадским представителем вызвал неоднозначную реакцию среди британского руководства. Министерство по делам колоний отнеслось к намерению доминиона достаточно спокойно, понимая исключительную локальность вопроса, отраженную в тексте договора. Форин оффис и дипломатический корпус в Америке, напротив, были крайне недовольны и встревожены. По их мнению, новый порядок подписания продемонстрировал бы, что посольство в Вашингтоне представляет только Великобританию, а не всю Британскую империю.

Завязалась интенсивная переписка между Джулианом Бингом, лордом Девонширом и Окландом Геддесом – британским послом в США. Генерал-губернатор убеждал последнего, что «по мнению правительства Макензи Кинга, дело касается одной Канады и подписания договора только господином Лапуантом будет достаточно»¹⁴⁸. Тот в ответ апеллировал к полученному от кабинета Бонар Лоу поручению следовать традиционной процедуре и поставить собственную подпись под документом. Бинг упорствовал и убеждал Девоншира, что в Лондоне неверно интерпретировали намерения канадского правительства, необоснованно приписывая ему сепаратистские устремления. Тем временем, подходил предварительно назначенный срок подписания.

Макензи Кинг не собирался сдаваться так просто и пригрозил назначить дипломатического представителя Канады в Вашингтоне, если Лапуанту не дадут право единственной подписи¹⁴⁹. Нажим, основанный на таком аргументе, не гарантировал желаемого результата: в период премьерства Бордена учреждение должности посланника от доминиона застопорилось на финальной стадии. Теперь метрополия могла вновь вернуться к проработке этого вопроса, лишив самовольное назначение легитимности в глазах США. Кроме того, премьер-министр считал невыгодными условия 1920 г., по которым канадский посланник возглавлял бы посольство только в период отсутствия главы британской дипломатической миссии. Это бы лишний раз подтверждало интеграцию канадских международных интересов в имперскую политику, что полностью

противоречило стремлениям либералов, руководствовавшихся национал-автономистскими взглядами.

Планомерное давление со стороны Макензи Кинга все же привело к выбору министерством иностранных дел меньшего из двух зол. Самостоятельное подписание договора Канадой пугало британских чиновников меньше, чем самоуправное назначение посланника. Второго марта 1923 г. Эрнест Лапуант подписал с государственным секретарём США Чарльзом Эвансом Хьюзом договор о сезонном ограничении ловли палтуса жителями США и Канады «по желанию и от имени Его Королевского Величества»¹⁵⁰. Это позволило министерству колоний толковать договор как скрепленный по воле монарха «не от имени Канады, а от империи в целом», хотя для Макензи Кинга это было истинно канадское соглашение¹⁵¹. У Форин оффис сложившаяся ситуация вызывала куда больше вопросов с точки зрения конституционных норм, перспектив реализации и обязательств канадо-американского соглашения. Единственным утешением для Лондона стало заглавие документа – «Конвенция о регулировании промысла палтуса на тихоокеанском побережье Канады и Соединённых Штатов» вместо «конвенция, заключенная между США и Канадой»¹⁵².

В канадской прессе федерального уровня превалировала лояльная оценка договора вне зависимости от политических предпочтений редакции. Например, «Глоуб» называла подписанный Лапуантом документ значительным шагом по пути расширения автономии доминиона¹⁵³. Крупным изданиям вторили провинциальные и отраслевые СМИ. «Виктория Дэйли Таймс» считала договор важным этапом в развитии природоохранного законодательства, а «Канэдиан Фишермен» – «долгожданным, отвоеванным, на который мы так давно надеялись»¹⁵⁴.

После подписания страсти вокруг канадо-американского соглашения не улеглись. При ратификации акта парламентом между Миэном и Макензи Кингом вновь разгорелась дискуссия, предметом которой по сути являлось не само соглашение, а их взгляды на место Канады в международных отношениях. «Я не понимаю, разве это хоть сколько-то расширило нашу автономию? – негодовал

лидер оппозиции. – Моя критика направлена против излишних и бестактных действий правительства в отношении исторически сложившихся правил оформления договоров». Защищаясь, Макензи Кинг обращался в основном к открывавшимся возможностям и перспективам национального развития. «Я из тех, кто твердо верит в объединение свободных наций, составляющих Британскую империю, и надеется увидеть, как оно будет расти и крепнуть год от года, принося всё больше пользы человечеству. <...> А если это так, разве мы не имеем полное право подписать договор, который касается только Канады, но не затрагивает никаких общеимперских интересов, – настаивал премьер-министр. – И почему не нужно использовать право, если оно существует? Мы уже прошли этот этап. Мы хотим не только иметь права, но и применять их. Мы верим, что обретём больше силы и влияния как нация при использовании всех наших прав. Что же до Британской империи, то её величие будет расти пропорционально силе и влиянию стран, её составляющих»¹⁵⁵.

Желая окончательно разбить оппонента, Макензи Кинг отправил запрос на использование в рамках парламентских дебатов материалов переписки, предшествовавшей заключению договора. Ведь из нее явственно следовало, что единоличное подписание Лапуантом – не сумасбродная идея одного только премьер-министра, а итог переговоров с МИДом, генерал-губернатором и секретарем по делам колоний. Понимая, что сессия парламента подходит к концу, а разрешением на обнародование он все ещё не располагает и вряд ли получит его в дальнейшем, политик самовольно предоставил палате общин необходимые документы. Естественно, это вызвало недовольство Великобритании и США. В результате Макензи Кингу пришлось принести извинения британскому министерству иностранных дел и американскому госдепартаменту, а его имиджу накануне имперской конференции был нанесен урон. Но так как практика тайной дипломатии и ограниченного информирования являлась одним из направлений, на которое он планировал вести наступление, результат в целом оказался удовлетворительным¹⁵⁶.

Все усилия либерального лидера едва не пошли прахом в самом финале. Соединённые Штаты, попытались переиграть новичков, ратифицировав договор с уточнением, что «никто из подданных Великобритании не может заниматься промыслом палтуса вопреки положениям данной конвенции»¹⁵⁷. Следовательно, акт переставал затрагивать только один из доминионов, вовлекая другие части империи и требуя их ратификации. Канадское правительство проявило принципиальность и опротестовало поправку, но донести своё несогласие до сената США и получить четкий ответ все еще можно было только при посредничестве посольства в Вашингтоне. Естественно, британское министерство иностранных дел не собиралось помогать Оттаве, желая таким образом наказать «выскочку». Однако намерениям Форин оффис воспротивилось министерство колоний, начавшее при Девоншире активно содействовать реализации интересов доминионов. Оно напомнило об угрозах Макензи Кинга относительно учреждения собственного дипломатического представительства: если не выступить посредником между Вашингтоном и Оттавой, то последняя не будет ждать, а станет действовать напрямую. МИДу вновь пришлось поступиться ради высшей цели – имиджевого значения имперского единства, и в сентябре 1923 г. передать протест американской стороне. Сенат разумно предпочел экономический договор без всякой дополнительной выгоды его полному отсутствию и ратифицировал исходную версию¹⁵⁸.

С приходом к власти либералов, на место национал-империалистического подхода, при котором Канада пыталась отстаивать свои международные интересы посредством единой внешней политики, начала формироваться собственная внешнеполитическая доктрина, первые шаги по реализации которой оказались успешны. Под руководством Макензи Кинга в англо-канадских отношениях произошло два принципиально важных события: отказ метрополии в помощи на основе немотивированной просьбы и самостоятельное подписание договора с иностранным государством. Удачное достижение ранее намеченных целей ставило перед либеральным кабинетом новую – превратить единичные достижения в норму, признаваемую всеми членами Содружества.

2.3. Имперская конференция 1923 г.

Сколь кратким был промежуток между имперскими конференциями 1921 и 1923 г., столь же сильно различался их характер. На первой – всё ещё ощущалась тень недавней войны, вторая – оказалась тесно связана с актуальными событиями последних лет и их неминуемыми последствиями, многие из которых напрямую касались Канады и её устремлений¹⁵⁹. Самыми значимыми из них стали дискуссия вокруг проблем безопасности в Тихоокеанском регионе, англо-японского союза, Чанакский кризис, деятельность в Лиге Наций и, наконец, заключение договора с США. Все они явно представляли собой не случайные эпизоды, а шаги в рамках постепенно формирующейся политической линии. В свете роста этой активности и самостоятельности, для объективной оценки событий имперской конференции важно понимание сложившейся в Канаде политической и идеологической обстановки, её связи с общеимперским контекстом.

К середине 1923 г. руководство страны подошло с полным осознанием правоты своих взглядов на перспективы развития статуса доминиона. Метрополия, в свою очередь, признав право автономий на соучастие в формировании внешней политики и ограниченное представительство в международных отношениях, старалась сохранить все остававшиеся ресурсы влияния на доминионы: их собственные усилия должны были оставаться в рамках имперского курса и по возможности способствовать его реализации. Лондон, например, продолжал оказывать решающее влияние на коллективные действия, включая формирование делегаций для участия в международных конференциях. Стремление доминионов к независимому статусу в Совете Лиги Наций не пресекалось британскими политиками из соображений собственной выгоды – демонстрация союзникам большей автономности Содружества, чем в реальности, предотвращала обвинения в сговоре при голосовании. Большинство канадских консерваторов такое положение вполне устраивало. Во всяком случае, пока контроль за общей политикой находился, по их мнению, в относительном равновесии с возможностями автономных действий со стороны Оттавы.

Однако события 1922-1923 гг. оказали глубокое влияние на настроения общественных кругов. В условиях роста гражданского национализма позиция проимперски настроенных консерваторов стремительно теряла свою привлекательность. Теперь Макензи Кингу, заручившемуся возросшей массовой поддержкой, предстояло закрепить первые результаты своей внешнеполитической концепции, как недавно Бордену – утвердить новый международный статус доминиона самостоятельным представительством в Париже.

По прогнозам премьер-министра, ключевой темой имперской конференции должна была стать внешняя политика, а главной целью метрополии – перехитрить доминионы и восстановить контроль над ними, дабы исключить новые проявления независимости с их стороны. Из этого проистекали две главных задачи Макензи Кинга: не позволить привязать свой доминион к военно-политической стратегии метрополии и отстаивать право принимать международные обязательства исключительно от имени Канады.

Лидер либералов по натуре был склонен к беспокойству на почве излишней подозрительности – стоит вспомнить хотя бы недоверие к Бордену, высказанное в ходе Вашингтонской конференции. Сочетание ответственности момента для его политической карьеры и явной не расположенности британских политических кругов к новому главе канадского правительства закономерно обострили тревогу о том, что власти метрополии придерживаются централизаторских планов¹⁶⁰. Подобный настрой подчеркивал существенные различия между Борденом и Макензи Кингом и условиями, в которых они находились. В основе взглядов обоих лежал национализм, но первый действовал как империалист, считая игру на «их поле» неизменной данностью, а второго можно охарактеризовать как национал-автономиста, даже с изоляционистским уклоном, намеревавшегося выйти за рамки строго очерченной территории. Лояльность Макензи Кинга к Соединённому Королевству во многом основывалась на его симпатии к местным либеральным политикам, которые воспринимались им как союзники по пересмотру принципов устройства империи в силу общности их идейных и политических убеждений. При этом премьер-министр безапелляционно ставил знак равенства между

британскими консерваторами и империалистами, которых считал принципиальными противниками любого роста самостоятельности доминиона¹⁶¹.

Подготовка к имперской конференции 1923 г. представляла для премьер-министра сложную задачу, в первую очередь из-за сочетания его неопытности в политике самого высшего ранга и расхождений во взглядах с многими из тех, кто определял ход этой политики. Макензи Кинг всерьез опасался, что от него попытаются добиться аннулирования прецедентов, связанных с Чанакским кризисом и американо-канадским договором о ловле палтуса. Основания для этого он видел, например, в телеграмме Ллойд Джорджа времён вступления в должность, где тот сформулировал свое видение перспектив отношений в Содружестве, и последующих высказываниях британской властной верхушки.

Судя по личной переписке и дневниковым записям на рубеже лета и осени 1923 г., политик считал поставленные задачи трудновыполнимыми, готовился всегда быть начеку и вести продолжительную борьбу за автономию своей страны¹⁶². Обуздать тревогу ему отчасти помогала вера в то, что в Лондоне он выступит как продолжатель дела своих главных политических авторитетов – Уилфрида Лорье и собственного знаменитого предка, Уильяма Лайона Макензи.

Подготовка не ограничивалась моральной сферой. Премьер-министр убедил Скелтона оставить университет и присоединиться к делегации, чтобы, используя свой «превосходный ум и невероятную ясность мысли», разработать для неё результативную стратегию¹⁶³. Взгляды этих деятелей продолжали развиваться в одном русле: оба были антиимпериалистами. Они не выступали против империи как таковой, но стремились защитить её и от губительных, по их убеждению, стереотипов сторонников федерализации и от архаичных взглядов консерваторов, сдерживающих естественное развитие отношений внутри Содружества. Они также считали вредным сохранение дисбаланса между национальными интересами и имперской солидарностью, безоглядные действия в угоду которой становились всё более чуждыми и даже опасными для собственных устремлений доминиона. Первостепенную важность Макензи Кинг и Скелтон придавали укреплению гражданского национализма в Канаде, возводившим в приоритет её нужды и

выгоды. Это демонстрирует глубокие изменения, произошедшие в идеологическом климате страны. Если в годы начала Первой мировой войны поддержка Бурасса подобных воззрений воспринималась большинством населения как антигосударственный радикализм, то к 1923 г. они стали общественно приемлемой нормой, всё увереннее конкурировавшей с взглядами адептов сохранения традиционных имперских уз.

Можно выделить два основных взгляда на перспективы работы имперской конференции, распространившиеся в канадских политических кругах к осени 1923 г. Сторонники внешнеполитического единства, в большинстве своем представленные консерваторами, считали развитие автономии искусственно ускоренным и не приносящим выгод, соразмерных усилиям. В то время как совместная внешняя политика была проверена временем и гарантировала помощь в конфликтах любого масштаба, причем за ответные услуги, которые становились всё менее обременительными. В качестве примера ими приводилась проблема коллективной морской обороны, обосновавшаяся в повестке имперских конференций буквально с начала XX в. Хотя обсуждение порядка финансирования военно-морских расходов предполагалось провести в Лондоне, от доминионов больше не добивались участия в создании единого флота под командованием адмиралтейства.

Воззрения умеренных автономистов, в основном ассоциируемых с поддерживавшим премьер-министра большинством либералов, отразила служебная записка Скелтона. По мнению её автора, доминион уже достиг такой степени развития, пока не осознаваемой метрополией, что ранее желанная интегрированная внешняя политика потеряла для него былую привлекательность, а в перспективе могла привести к серьёзным проблемам для двусторонних отношений и Содружества в целом. В интерпретации Скелтона Лондон подразумевал возложение на своих младших партнёров максимума ответственности при минимальном участии в принятии решений, что грозило «обратить вспять все достижения доминиона за последние полвека»¹⁶⁴. Внешнеполитическая поддержка сравнивалась им с чистыми листами чековой

книжки, которые автономии вручали Великобритания, а та свободно распоряжалась ими в соответствии со своими целями, не предоставляя отчета. Канада подвергала себя большому риску, заранее соглашаясь предоставлять свою поддержку во внешнеполитических маневрах, о которых не была в полной мере информирована или имела исключительно косвенное отношение, получая взамен только иллюзию контроля¹⁶⁵.

Главным аргументом Скелтона стала оценка Чанакского кризиса с точки зрения Резолюции IX и обещаний имперских властей. Все договоренности и принципы, на основе которых с 1917 г. Содружество пыталось строить коллективное взаимодействие, не сработали в 1922 г. Следовательно, предшествовавшая тактика перестала давать нужные плоды. Желание переложить существенную часть ответственности на доминионы затмило мысль о важности регулярного предварительного информирования и совместных обсуждений. Имперский Военный кабинет, возникший из практики управления 1917-1918 гг., дал импульс конституционному развитию, но не выдержал столкновения с послевоенной реальностью. Когда это стало очевидно, возникли сомнения, есть смысл пытаться наладить систему? В целом Скелтон разделял тревоги Макензи Кинга: если при либералах Ллойд Джордже и Черчилле произошел Чанакский кризис, то страшно подумать, чего можно было ожидать от находящихся у власти консерваторов!

Идеалом и целью Скелтону представлялось объединение автономных государств, в котором все, включая саму Великобританию, имели бы в международных отношениях собственную сферу геополитических интересов. Доминионы могли бы принимать самостоятельные решения, неся за них полную ответственность и не вмешиваясь в дела друг друга. Сохранение имперских консультаций имело смысл и пользу только там, где интересы нескольких правительств тесно пересекались¹⁶⁶.

В действительности взгляды Форин оффис относительно концепции внешнеполитического развития Содружества несколько отличались от представлений о них Макензи Кинга и Скелтона. Британцев тревожило

заключение американо-канадского договора о ловле палтуса не из-за намерения Канады реализовать собственные внешние интересы. Во-первых, их смущала парадоксальность ситуации: ради сохранения дипломатической сплоченности империи Лондону пришлось помочь Оттаве заключить соглашение, которое в перспективе подрывало это единство. Во-вторых, юристы МИДа опасались, что в дальнейшем иностранные контрагенты смогут истолковывать полномочия представителя доминиона, полученные на время подписания, как географически неограниченный мандат, позволяющий ему выступать от имени не только своей автономии, но и всей империи, включая метрополию¹⁶⁷. Если они недобросовестно воспользуются отсутствием у стран Содружества официально признанного международного статуса, как это уже попытался сделать сенат США в отношении Канады, то Великобритании будет сложно обернуть дело в свою пользу, избежав принятия дополнительных обязательств. Параллельно официальный Лондон начал приходить к мнению о том, что его усилия по введению доминионов в сферу международных отношений несоразмерны их материальному вкладу в общеимперскую внешнюю политику и лишь осложняют задачу поддержки имиджа Содружества. Причем сами политики из автономий выказывали всё больше интереса к интенсификации сотрудничества с иностранными государствами, чем к кооперации внутри империи¹⁶⁸.

Поэтому, по мере приближения конференции, министерство иностранных дел стало задумываться о том, чтобы наделить представителей доминионов правом ведения самостоятельных двусторонних переговоров и подписания международных соглашений, поставив целью конференции проработать юридическую сторону новшества. Согласно подготовленному в сентябре 1923 г. меморандуму, заключенные таким образом акты должны были ограничиваться «конкретным доминионом и его правительство обязывалось нести полную ответственность за их соблюдение», освобождая метрополию от необходимости заботиться об откровенно частных вопросах, возникавших по мере роста самостоятельности автономий¹⁶⁹. Идея принятия соглашений «от имени» частей империи, в свою очередь, поставила в тупик министерство колоний, увидевшее в

этом признаки своеобразного сепаратизма оскорбленной метрополии – желание избавиться от того, что нельзя полностью контролировать, переложив ответственность на неопытные доминионы¹⁷⁰. Было очевидно, что в конституционно-правовой эволюции Британской империи возникли новые трудности.

Однако нельзя сказать, что опасения канадской делегации относительно стремления метрополии удерживать их в рамках коллективной внешней политики были абсолютно беспочвенны. Содержание публичной риторики представителей британского правительства, ориентированное на прежнее стремление доминионов к тесному сотрудничеству, только способствовало их росту. Весной 1923 г., желая продемонстрировать открытость к совместной работе, Керзон так обрисовывал планы на грядущую конференцию: «Нужно понять, насколько мы сможем улучшить систему коммуникаций и укрепить единство, чтобы сформировать такую общую внешнюю политику, при которой министр иностранных дел мог бы говорить от лица всей Британской империи, а не только Великобритании. Два года назад мы добились успехов в этом направлении, сейчас же я могу заверить доминионы, что Форин оффис вновь с удовольствием приглашает их к сотрудничеству и будет рад инициативе. Представьте, как возрастет авторитет нашего министерства иностранных дел, если весь мир будет знать, что за его действиями и суждениями стоит мощь всей империи»¹⁷¹.

Тем не менее, сосредоточенная на собственных политических процессах и экономических проблемах Великобритания, уделяла недостаточно внимания изменениям настроений в доминионах. Предложения, исходившие от внешнеполитического ведомства, диктовались в первую очередь стремлением достичь наиболее выгодного положения дел для самого Соединённого Королевства. Текущая обстановка, в которой самостоятельность доминионов и их значение для империи росли, сознательно игнорировалась. Конечно, не все из них имели столь далеко идущие устремления, как Канада. Однако и Австралия, и ЮАС хотели не только консультаций, но и права голоса в обсуждениях значимых для них внешнеполитических вопросов. Первоначально же намеченная Керзоном

программа действий не простиралась дальше совершенствования системы консультаций посредством аккредитации своих уполномоченных представителей в Лондоне.

Но по итогам подготовки к конференции у метрополии постепенно сформировался план, который можно охарактеризовать как очередную попытку наладить отношения в Содружестве, на основе сохранения статус-кво. Ориентирами в ней выступали доминионы с противоположными позициями – Австралия и Канада. Руководствуясь стремлением первой к интенсификации взаимодействия, британские политики планировали пойти по знакомому пути и получить поддержку доминионов в обмен на увеличение их роли в формировании коллективной внешней политики. В случае протеста делегатов от североамериканской автономии, предполагалось не настаивать на этой инициативе, а удовлетворить их ожидания признанием права на ограниченную самостоятельность в международных отношениях.

Разумеется, «балансирующий» раздел этого плана не был известен делегатам, которые собрались на имперскую конференцию, проходившую с 1 октября по 8 ноября 1923 г. Поэтому Макензи Кинг прибыл в Лондон, считая конфронтацию с имперскими властями неизбежной и более того, сомневаясь, удастся ли ему отстоять свою позицию¹⁷². Даже если признать, что премьер-министр серьёзно преувеличивал масштаб централизаторских замыслов, его положение было объективно хуже, чем у Бордена в 1917 г. Тогда Лондон был больше заинтересован в компромиссе с доминионами, а лидер консерваторов сумел достаточно оперативно объединиться со Смэтсом, и их совместные усилия оказались действительно плодотворными. Теперь же делегат от ЮАС был сосредоточен на не актуальных для Канады проблемах германских репараций и статуса Рурской области¹⁷³. Леопольд Эмери в своих воспоминаниях охарактеризовал их как антиподов: пока Макензи Кинг больше всех остальных стремился уклониться от каких бы то ни было обязательств, Смэтс пребывал в твёрдой уверенности, что влияние Британской империи на международные дела

находится в прямой зависимости от степени эффективности сотрудничества её частей, в первую очередь экономического¹⁷⁴.

Зато канадский премьер-министр обзавелся явным оппонентом в лице главы правительства Австралии Стэнли Брюса, характеризовавшего текущее состояние Содружества как опасно разобщённое. По его мнению, рост самостоятельности и активности доминионов проходил бессистемно, а значит – ослаблял общую оборону и консультативные практики. Позиция парламента в Канберре по коллективной внешней политике являлась прямой противоположностью превалирующих в Оттаве воззрений. Например, во время Чанакского кризиса австралийцы готовы были вступить в войну не из-за того, что были связаны обязательствами по Севрскому договору, а по причине самоидентификации как части Британской империи. Принципиальное расхождение между ними выразилось, таким образом, в отношении к идее о возможности «истинной имперской внешней политики, приемлемой для всех доминионов», которая зародилась в премьерство Хьюза¹⁷⁵.

Найти эффективного союзника уже в ходе конференции Макензи Кингу также не удалось. Ирландское Свободное государство, созданное в 1922 г. и занявшее в силу своей «молодости» положение наблюдателя, отличалось подчеркнuto нейтральными настроениями, а Новая Зеландия традиционно склонялась к поддержке Великобритании.

Ведущее место в повестке имперской конференции 1923 г. безоговорочно занимала внешнеполитическая тема. Поэтому Болдуин запланировал индивидуальную встречу с Макензи Кингом в первый же день работы, желая прояснить его взгляды и предоставить располагающие к лояльности авансы. По утверждению британского премьер-министра, Форин оффис хотел быть в курсе истинных взглядов доминионов по ключевым внешнеполитическим проблемам, чтобы планировать действия с их учетом. Это подразумевало более эффективные, регулярные консультации и «осведомленное участие» – желанную для Канады систему отношений в период премьерства Бордена. Но Макензи Кинг проявил нерасположенность к консультациям, потому что канадцы вообще не были в них

заинтересованы, опасаясь втягивания своей страны в европейские дела, затрагивающие её лишь опосредованно¹⁷⁶. Согласно пересказу беседы в личном дневнике, он определил актуальные устремления своего кабинета следующим образом: «Я говорил об абсолютной невозможности нашего участия в формировании внешней политики иначе, как в отношении вопросов, которые касаются нас непосредственно или хотя бы главным образом. Подчеркнул, что мы не заинтересованы в формировании коллективной внешнеполитической повестки, а хотим сконцентрироваться на собственных интересах. А то, что касается жителей Великобритании, они должны решать сами». В то же время Макензи Кинг не исключал, что в дальнейшем их стремления могут совпадать с канадскими¹⁷⁷.

Конференция 1923 г. отличалась возвращением к ряду тем, характерных для предвоенных встреч, пересмотр подходов в котором наглядно демонстрировал степень произошедших изменений в отношениях Канады с Великобританией и понимании собственных приоритетов. Например, в ходе обсуждения вопросов обороны, морское министерство подтвердило сохранение за доминионами возможности иметь собственные военно-морские силы. Причём, в отличие от озвученных в 1909 г. принципов – обладающих максимальной автономностью флотов, «проникнутых национальным духом»¹⁷⁸. Казалось, что подобный подход устроил бы даже Лорье, который с 1902 г. упорно дистанцировался от инициатив метрополии, отказываясь вносить денежный вклад в содержание имперского ВМФ или предоставлять собственные корабли в случае войны. Но Макензи Кинг воспротивился даже обнародованию решения путём публикации меморандума морским министерством, считая любые указания касательно принципов формирования собственного флота вмешательством во внутреннюю политику доминиона¹⁷⁹. Примечательно, что первый лорд Адмиралтейства Эмери счёл такое обоснование надуманным, склоняясь к расхождению позиции премьер-министра с реальным состоянием общественного мнения доминиона. «Я не сомневался, что истинной причиной его возражений было опасение, как бы меморандум не встретил слишком горячего одобрения в Канаде и не вынудил его что-нибудь предпринять в то время, как он твердо решил ничего не предпринимать», – отмечал

Эмери, чем подтверждал слабую осведомлённость британского руководства о степени подъёма национальных настроений в доминионе¹⁸⁰. А сказав Макензи Кингу во время смотра военных кораблей, что именно представшие перед ними судна являются причиной того, что он «премьер-министр Канады, а не сенатор от американского штата Онтарио, в лучшем случае», первый лорд Адмиралтейства только укрепил уверенность североамериканской делегации в централизаторских планах метрополии¹⁸¹.

Поэтому к первому выступлению Керзона на конференции 3 октября канадцы отнеслись с особым вниманием. Министр иностранных дел выбрал для него, на свой собственный взгляд, традиционную и безопасную линию поведения. Акцент делался на успехах общеимперской дипломатии, перспективы же усовершенствования системы консультаций обрисовывались общими фразами. Единожды министр допустил оплошность, назвав проходившее собрание не конференцией, а кабинетом. Макензи Кинг не преминул сделать уточнение: «Я рассматриваю нашу встречу как конференцию правительств, которые мы представляем. И не считаю, что наделен правом или властью быть членом Имперского кабинета, если слово «кабинет» использовать как понятие, обозначающее орган, ответственный перед парламентом и избравшим его населением»¹⁸². Керзону пришлось согласиться с такой трактовкой, оправдавшись тем, что он понимал под «кабинетом» отношение друг к другу как в кабинете министров – «с уважением и доверием». Но, с точки зрения собеседника, такая уступчивость всего лишь скрывала попытку оценить, насколько автономии подконтрольны и терпеливы в отношении двусмысленной публичной риторики¹⁸³.

Будучи главой крупнейшего доминиона с ярко выраженными автономистскими настроениями, Макензи Кинг первым из делегатов взял слово. В своем обстоятельном, длившемся более часа выступлении, основанном на памятной записке Сифтона, он постарался максимально полно и чётко донести до собравшихся свою точку зрения.

Канадский премьер-министр начал с конкретного примера – отношений Канады и США, которые «в последние годы стали еще более дружескими и

добрососедскими»¹⁸⁴. Подчеркивая преемственность своей деятельности, Макензи Кинг напомнил о стараниях Бордена добиться назначения представителя Оттавы в Вашингтоне. Хотя с тех пор взгляд на круг полномочий посланника уже изменился, стремление к прямым контактам с пограничным государством осталось неизменным. И это было закономерно, так как фактор соседства с США, указывал Макензи Кинг, «является величиной, входящей в каждое наше политическое уравнение». Крайне важным виделось выступавшему обеспечение международного баланса Канады: «Если Соединённые Штаты продолжают свою изоляционистскую политику, а мы ударимся в другую крайность, приняв на себя постоянную ответственность за урегулирование отношений в Европе, то в результате последует рост континенталистских настроений. Это станет серьёзной опасностью для империи и стимулирует эмиграцию в США»¹⁸⁵. Макензи Кинг заранее парировал упреки в бездействии, напомнив о незамедлительном вступлении доминиона в Первую мировую войну вслед за метрополией. «Наш подход – это не безусловное невмешательство в попытке изолироваться, – настаивал политик. – Все зависит от ситуации в Европе и в нашей стране. Нет ничего хорошего в том, чтобы представители Канады заявляли о приверженности политике, которую не поддерживают их граждане»¹⁸⁶.

От конкретного внешнеполитического примера оратор перешел к концептуальным проблемам внутриимперского взаимодействия. По его словам, население Канады оказалось в замешательстве из-за высказывания Ллойд Джорджа в 1921 г. о том, что после 1917 г. «доминионы получили *равные* [курсив мой – О.И.] с Великобританией права в контроле над внешней политикой, а инструментом её реализации осталось министерство иностранных дел в Лондоне»¹⁸⁷. Недоумение основывалось на том, что никакого соглашения о «равенстве» не было заключено, а единый механизм принятия решений и канал обмена информацией не санкционировались парламентом в Оттаве. Возложение на себя ответственности за действия Форин оффис подрывало принципы автономии доминионов. Доказательством тому считался Чанакский кризис, неоднократно упоминавшийся на конференции и отягчавший ее атмосферу.

По мнению Макензи Кинга, полностью интегрированная внешняя политика была вообще не осуществима и пришла пора искать принципиально новые формы сотрудничества. «Британская империя, – говорил он, — неоднородна по своей структуре, у её частей отличаются соседи, проблемы и потребности. <...> С учётом разбросанности по всему свету, неуклонного роста населения, контактов с остальным миром и популяризации идей самоуправления, а также разнообразия условий и интересов – неизбежно, что каждое из сообществ стремится контролировать те международные вопросы, которые касаются его в первую очередь»¹⁸⁸. Эволюцию национального самосознания, повлиявшего на оценку странами Содружества их места в империи и мире, невозможно было обернуть вспять. Поэтому желательным, с точки зрения премьер-министра, был бы контроль доминионов над имевшими прямое к ним отношение международными вопросами. Аналогичное право безусловно признавалось и за Великобританией, становившейся теперь не безоговорочным лидером, а первой среди равных, поскольку доминионы не имели «знаний, интереса и желания *нести ответственность*» [курсив мой – О.И.] за слабо затрагивавшие их европейские или ближневосточные проблемы¹⁸⁹.

Общеимперская политика предполагалась только там, где эти индивидуализированные сферы тесно смыкались. Впрочем, механизм реализации даже такого ограниченного её варианта представлялся пока неопределённым и требовал тщательного согласования. «При очерчивании сферы совместной ответственности неизбежно возникнут трудности, но открытость к сотрудничеству, здравый смысл и опыт помогут разрешить их, как это бывало прежде», – уверял канадский премьер-министр¹⁹⁰. В то же время попытки организации широкой системы взаимодействия, согласно которой каждая часть империи была бы оперативно информирована обо всех внешних сношениях огромного государства и при этом с полным осознанием участвовала в консультациях, на взгляд выступавшего, были обречены на неудачу. «Мы должны смотреть фактам в лицо, – резюмировал он. – Можно консультироваться по

вопросам, представляющим устойчивый и общий интерес. И невозможно – по широкому кругу тем, которые имеют частное и преходящее значение»¹⁹¹.

Помимо принципиальной стороны дела, свои слабости имел также технический аспект интегрированной политики. Очевидно, что дипломатические вопросы требовали работы квалифицированных специалистов и определенной степени секретности. Но, если начиналось их обсуждение на высшем уровне с участием лидеров стран Содружества, то сохранить конфиденциальность в полной мере представлялось Макензи Кингу невозможным – ибо все премьер-министры должны были отчитываться перед своими парламентами.

В финале выступления глава правительства Канады подчеркнул приверженность незыблемым принципам организации Британской империи – ответственности органов власти и самоуправлению. Свои заявления и действия он расценивал не как требование необоснованных перемен в статусе и вызов основам отношений с метрополией. Просто каждая из составлявших империю гражданских наций могла достигнуть той степени развития, возможностей и опыта, при которых способна нести ответственность за еще больший круг своих дел. «Поэтому мы считаем, что решение по любому важному вопросу, внутреннему или внешнему, должно приниматься гражданами Канады через их представителей в парламенте, основываясь на согласии ответственного перед ним правительства», – подытожил свои размышления Макензи Кинг¹⁹².

Главным критиком канадского лидера стал не кто-либо из представителей метрополии, как ожидалось ранее, а премьер-министр Австралии Стэнли Брюс. С самого начала конференции он ратовал за разработку новых методов ведения консультаций и расширение тематики, возлагая на них большие надежды. «Наша империя – плеяда связанных крепкими узами независимых государств, входящих на равных в мировые организации. «Это великий механизм», – считал политик. – Но он легко может создать угрозу для нас самих в случае отсутствия единства по вопросам внешней политики. <...> Если мы не можем выработать общую позицию по отношению к другим нациям и коллективной обороне в мирное время, то о чём же, спрашивается, мы вообще можем договориться?»¹⁹³. Конфликт взглядов

представителей крупнейших автономий ёмко охарактеризовал председатель Тайного совета лорд Солсбери: «Австралия пытается понять, насколько коллективные действия возможны, а Канада – насколько они целесообразны в реальности»¹⁹⁴. Спор двух премьер-министров не способствовал нахождению компромисса, а только обострил личные претензии собравшихся.

В свою очередь, Керзон не оправдал подозрений Макензи Кинга, отреагировав на критические возражения Брюса достаточно сдержанно и пообещав, что изучит все предложения и позднее выступит с резолюцией¹⁹⁵. Тогда ещё не было известно, что взгляды британского министра в некотором смысле смыкаются с представлениями канадского премьера. Если не получалось полноценно привлекать доминионы к инициативам метрополии, полагал глава Форин оффис, то нужно было своевременно удовлетворить их пока ограниченное стремление к самостоятельности ради сохранения всей возможной лояльности. Ожидалось, что, поняв все сложности большой международной политики, они бы прекратили так стремиться к полной автономии¹⁹⁶.

Это стало одной из причин того, что на имперской конференции 1923 г. детально не обсуждались крупные международные проблемы, способные вызвать острые разногласия в Содружестве, как это произошло с англо-японским союзом. В возникшей ситуации Керзон находил консультации с автономиями практически бесполезными и просто затягивавшими процесс переговоров по многим текущим вопросам, например, о столь волновавших Сметса германских репарациях. Уклонению метрополии от интенсивного диалога также способствовал ряд других причин. Во-первых, материальную и дипломатическую помощь от доминионов теперь представлялось возможным получить только после длительной процедуры согласования, при этом их вес на международной арене оставался незначительным. Следовательно, в краткосрочной перспективе представлялось выгоднее налаживать контакты со странами-союзницами вне Содружества. Во-вторых, глава Форин оффис небезосновательно опасался, что попытка зафиксировать принципы формирования общей политики, а тем более – оговорить условия её реализации, могла ограничить свободу действий самой Великобритании¹⁹⁷. Канадского

премьер-министра, неоднократно подчеркивавшего отсутствие у него полномочий от избирателей принимать какие-либо внешние обязательства, такой взгляд на взаимодействие в международных отношениях вполне устраивал¹⁹⁸. В итоге, стремясь с разных позиций добиться максимальной самостоятельности, они парадоксальным образом продемонстрировали заинтересованность в достижении одного и того же результата.

К концу октября, после краткого перерыва в обсуждении вопросов внешней политики, Керзон представил на рассмотрение проект резолюции о праве ведения переговоров, подписания и ратификации доминионами международных соглашений. Готовившийся к столкновению с представителями метрополии, Макензи Кинг оказался в смятении после знакомства с текстом – настолько выдвинутые тезисы соответствовали его взглядам и чаяниям. Предложения явно основывались на опыте заключения договора между Канадой и США, их ключевыми принципами выступали ответственность правительства-инициатора за итоговые формулировки и конструктивный коллективизм – учет интересов других частей Содружества, достижение компромисса с ними и межправительственное информирование в случае необходимости¹⁹⁹. Соглашения «технического или административного характера» позволялось заключать без особой санкции короны. Действовать на конференциях в случае одновременного присутствия делегаций и Британской империи, и автономий предполагалось по аналогии с Парижем или Вашингтоном, а проводить ратификацию достигнутых договоров – в соответствии с существовавшими прецедентами²⁰⁰.

В результате Макензи Кингу даже пришлось вступить в очередную дискуссию, на этот раз с лидерами Австралии и Новой Зеландии, для защиты положений проекта итоговых резолюций²⁰¹. Те сочли предлагаемую им степень самостоятельности и налагаемую в обмен меру персональной ответственности чрезмерными. С другой стороны, слишком крепки были его подозрения касательно тайных централизаторских планов Керзона, Эмери и лорда Солсбери, подогреваемые в последний месяц Скелтоном и другими членами его делегации, чтобы исчезнуть в результате единичного эпизода. Именно они побуждали

канадского премьер-министра особо тщательно и придирчиво изучить черновик итогового публичного заявления в попытке отыскать в нём уловки и двойное дно.

Продумывая разделы для проекта резолюций, Керзон, как и при первом выступлении, опирался на опробованный в ходе конференции 1921 г. метод – использовать обтекаемые формулировки, избегая изменений коренного свойства. Поэтому в тексте не определялись конкретные задачи коллективной внешней политики или исключительные сферы интересов для индивидуальной. Подразумевалось сохранить руководство общеимперской дипломатией в компетенции министерства иностранных дел Великобритании, с которой доминионы останутся связаны добровольными обязательствами. Выгода для Форин оффис заключалась в том, что с него снимали ответственность за представление региональных интересов автономий, обременительность которых на тот момент перевесила пользу, так как после Парижской мирной конференции традиционная практика перестала работать на престиж метрополии. В проекте итоговых резолюций также не содержалось упоминаний о намерении провести встречу для совместной выработки единого регламента по реализации внешнеполитических действий доминионами. Предполагалось, что они должны самостоятельно организовывать процедуры, в которых не участвуют британские власти.

Несмотря на то, что формат заявлений о результатах имперских конференций традиционно носил достаточно общий характер, в 1923 г. предлагаемые формулировки вызвали недоумение многих участников, исходивших из опыта ИВК. Например, в разделе о ведении переговоров говорилось, что «перед заключением договора следует озаботиться тем, чтобы правительство любой другой части империи, чьи интересы он может затрагивать, было проинформировано, имело возможность высказать возражения или также принять участие в переговорах»²⁰². Такой поход ожидаемо одобряла Канада, уже опробовавшая свои силы на международном поприще посредством договора с США. Австралийскую делегацию он, напротив, совершенно не устроил: расширение самостоятельности при отсутствии конкретных предписаний

подтверждало их опасения касательно углубления разобщенности Содружества и отказа метрополии от планов развития коллективной внешней политики.

Если Брюс оказался разочарован немотивированным, на его взгляд, ростом автономии доминионов, то Макензи Кинг сумел отыскать прямую угрозу для неё в другом разделе итогового документа – «Об имперских международных отношениях». Поводом для нового обострения тревоги стали формулировки о выработке единого мнения относительно ситуации на Ближнем Востоке и в Египте. Это походило на попытку навязывания той самой пресловутой общей внешней политики, поскольку, в отличие от Великобритании, указанные регионы не представляли для Канады прямого интереса. Как полагал Макензи Кинг, гораздо полезнее было бы не формировать единую точку зрения по таким вопросам, а начать разделение «локальной» и «имперской» внешней политики.

Ещё больший протест Макензи Кинга вызвало предложение отнести к компетенции имперской конференции обсуждение вопросов внешней политики²⁰³. Согласно трактовке премьер-министра, такая резолюция возлагала на неё права кабинета, подразумевая наличие исполнительной власти для реализации достигнутых решений. Поэтому он в очередной раз категорично отверг положение, в котором увидел попытку формирования новых органов централизованного имперского управления²⁰⁴.

В результате Макензи Кинг сам стал зачинщиком той битвы, которой подспудно ждал весь период пребывания в Лондоне. Он заявил, что если цель приглашения доминионов на конференции – навязывать им политику британского правительства, то Канада считает себя в праве отмежеваться от данной резолюции в одностороннем порядке²⁰⁵. Столь радикальная реакция, угрожающая подрывом имперского единства по поводу, казавшемуся остальным собравшимся незначительным, спровоцировали раздражение Смэтса, Брюса и Мэсси, продолжавших считать возможной совместную координацию внешней политики Содружества. Но вступление в конфронтацию с ними только укрепляло решимость премьер-министра предотвратить движение доминионов и всей империи по ошибочной, на его взгляд, траектории. Хотя позднее Макензи Кинг и

характеризовал этот шаг как крайне сложный, а дальнейшие события – тягостные и неприятные.

Главным оппонентом либерального лидера в итоге всё же стал Керзон, которому он отводил роль ключевой фигуры среди заговорщико-централизаторов. Для главы МИДа являлось принципиально важным включить в резолюции конференции положения о коллективном одобрении британской политики в отношении помощи Турции и сохранения контроля над Суэцким каналом. Пойдя навстречу Макензи Кингу, он предлагал ему и другим делегатам самим определять, в какой степени их страны могут присоединяться к коллективной внешней политике в этом конкретном случае. Тем не менее, Макензи Кинг упорствовал, требуя включить в коммюнике оговорку о том, что ни одна из резолюций не может накладывать на Канаду обязательств без прямого одобрения её правительством и парламентом²⁰⁶. Такое уточнение представлялась неприемлемым, так как снижало дипломатический вес заявлений и привлекала внимание к крепнущим разногласиям внутри империи. Министр иностранных дел начал откровенно злиться, характеризуя неуступчивого канадского коллегу как человека «упрямого, надоедливого и бестолкового», действия которого диктовались «страхом быть изгнанным из собственного парламента по возвращению домой»²⁰⁷.

Компромисс удалось найти благодаря находчивости секретаря британского кабинета Мориса Хэнки и усилиям Яна Смэтса, к которому тот обратился за помощью. Являясь авторитетом для своего североамериканского коллеги, премьер-министр ЮАС сумел склонить того пойти на уступку и довольствоваться оговоркой, что парламент доминиона сам выберет конкретные пункты резолюций для утверждения, если какое-либо из предложений в отношении Турции и Египта его не устроит. Затем Смэтс убедил Керзона скорректировать пункт об имперской конференции, согласно конечной версии которого «позиция по вопросам внешней политики формулируется делегатами от самоуправляющихся частей империи исходя из взглядов представляемых ими правительств и парламентов»²⁰⁸.

Чувство победы у Макензи Кинга окончательно закрепил раздел IX резолюций, утверждавший юридический порядок самостоятельного оформления доминионами международных договоров. Под ними подразумевались соглашения, которые заключались дипломатическим представителем, уполномоченным автономией и наделённым мандатом монарха как главы государства с точным определением сферы его действия. Ратификация налагала обязательства лишь на инициатора акта, а на иные части империи – только в том случае, если предмет договора затрагивал интересы других государств, при обязательном предварительном согласовании мнений сторон²⁰⁹.

Реакция как участников конференции, так и представителей разных политических групп на такой исход обуславливалась взглядами, которых они придерживались. Британцы в целом остались удовлетворенными: казалось, что им удалось закрыть тему перемен в политико-правовом положении доминионов, не дав им больших свобод, чем они уже приобрели. Джеффри Доусон, редактор «Таймс», эмоционально сообщал в письме к Роуэллу, что «это была одна из лучших конференций, которая когда-либо проводилась, потому что вопрос о статусе доминиона больше не стоит»²¹⁰.

В гораздо более сложном положении оказались адепты углубления политической интеграции империи. Размышляя накануне конференции о проблемах большой стратегии, журнал «Раунд Тейбл» закономерно пропагандировал замыслы единой внешней политики, при которой «Великобритания не должна брать на себя обязательств без согласия доминионов». Появление у последних собственных международных притязаний, по мнению редакции, «положило бы конец Содружеству наций при первом же серьезном военно-политическом кризисе»²¹¹. Чанакский инцидент представлялся наиболее последовательным империалистам типичным недоразумением, естественным для хода международных отношений, через которое следовало переступить ради безопасности и политического влияния, гарантированных единством Содружества²¹².

Как видно, итоги конференции 1923 г. разительно отличались от устремлений сторонников «Раунд Тейбл». Полученное доминионами право заключения внешнеполитических соглашений явилось поворотным моментом, объективно поставившим возможность продвижения к имперской федерации за пределами реальности. Представителям объединения трудно было в одночасье принять такой поворот событий. Поэтому они старались объяснить автономистские тенденции временным послевоенным «откатом», связанным с экономическими проблемами и всплеском гражданского национализма после долгого господства имперского патриотизма²¹³. Стремясь найти положительные моменты, Мильнер, Сесил, Херст, Галифакс и другие лидеры движения Круглого стола отмечали преимущество процессов, начатых ИВК 1917 г. Несмотря на закрепление прецедентов, подтверждавших самостоятельность доминионов, сохранение совместных обязательств перед короной позволяло, по их словам, продолжать совершенствовать процесс формулирования имперской внешней политики²¹⁴.

Передовицы с заметками об имперской конференции регулярно появлялись в канадской прессе и были выдержаны преимущественно в одобрительном тоне. Правомерность самостоятельного подписания договоров без участия империи уже не обсуждалась, в публикациях велась речь о необходимости обеспечения дипломатических действий такого рода разумными юридическими нормами для успешной реализации²¹⁵. Можно сказать, что за первую половину парламентского срока либералом удалось начать формирование нового взгляда на статус доминиона у канадской общественности.

Сам Макензи Кинг не считал положение участников конференции равным и видел залог успеха в готовности членов североамериканской делегации противостоять «двурушничеству» со стороны метрополии, их умении воспользоваться любой возможностью для борьбы и в его собственном решительном настрое.

Голосом либералов стал Джон Дафо, опубликовавший статью «Провалилась ли имперская конференция?». В ней он представил точку зрения,

противоположную стремившимся не терять надежду представителям «Раунд Тейбл». Если в 1921 г. некоторые участники возлагали надежду на имперский кабинет как единый инструмент управления, то в 1923 г., по мнению Дафо, «сияющая мечта о превращении конференции в суперправительство империи, в перерывах между ежегодными собраниями которого работал бы кабинет (фантомный орган, включавший в себя британский кабинет и премьер-министров доминионов – заочно), окончательно померкла»²¹⁶. Чтобы как-то нивелировать этот провал, сторонники имперского кабинета вернулись к более раннему представлению о конференции – возможно, даже не вполне отдавая себе в этом отчет. На таком основании, указывал журналист, можно было бы успешно провести следующую встречу, посвященную проблеме конституционной эволюции Содружества. «Когда возникнет внутренняя дипломатическая организация империи, 9 из 10 вопросов, загромаждающих повестку, будут решаться просто и оперативно. <...> Парадокс заключается в том, что имперская конференция прошла успешно благодаря отказу от некоторых вопросов. Также есть одно существенное достижение – задокументированное признание права доминиона заботиться о своих собственных внешних отношениях», – резюмировал Дафо²¹⁷.

Позицию консерваторов отличали сомнения и тревога в отношении раздела IX итогового документа. На первой сессии парламента после конференции Миэн обрушил на Макензи Кинга множество вопросов, касавшихся потенциальных сложностей заключения самостоятельных договоров. Как будет определяться количество вовлеченных в конкретную ситуацию сторон? Что случится, если один из доминионов не одобрит коллективный договор? Предусмотрено ли какое-то одобрение со стороны империи и каковы будут действия в случае невозможности доминионом выполнить принятые обязательства? Премьер-министр дал оппоненту ряд пояснений, которые сводились к ссылкам на выработанное в ходе конференции понимание статей. По его словам, в каждом отдельном случае предполагалось исходить из предмета и условий конкретного соглашения, а при обнаружении тревожащих двусмысленностей опытные члены

Форин оффис были готовы помочь, проведя экспертизу формулировок. «В этих вопросах мы должны руководствоваться здравым смыслом, потому что невозможно провести быстрые и жёсткие разграничения. Но всесторонняя проработка, которой обычно подвергаются вопросы такого рода, вскоре позволит нам ясно понимать, на кого накладывает обязательства договор – на доминион или Соединённое Королевство», – утверждал глава правительства²¹⁸.

Особо Миэна волновало то, кто будет устанавливать целесообразность подписания соглашения и вносить инициативу на рассмотрение монарха, а значит – нести ответственность за последствия. «В случае заключения на какой-либо конференции договора, который затрагивает только Канаду, кто-то из канадских политиков будет уполномочен Его Величеством поставить свою подпись. Но по чьей рекомендации монарх будет санкционировать подписание, таким образом одобряя условия соглашения?» – продолжал наступление лидер оппозиции²¹⁹. Макензи Кинг прагматично указал на пользу единой системы связи для всех автономий и представил точку зрения британских юристов: «Министерство иностранных дел квалифицирует правительство доминиона, выступившее с инициативой, как ответственное, потому что именно оно консультировало Его Величество. Британское же правительство – только канал передачи информации»²²⁰.

Следом у его критика возникал закономерный вопрос: «Если одобрение британского правительства представляет собой несущественную формальность, то почему пересылка корреспонденции происходит через него, а не напрямую монарху?»²²¹. В своем ответе премьер-министр опирался на два аргумента. Во-первых, одномоментная существенная перестройка системы взаимодействия, по общему мнению участников конференции, могла навредить естественному и планомерному конституционному развитию Содружества, этапы которого невозможно пропустить исключительно по собственному желанию. Во-вторых, британские органы власти представлялись оптимальным кандидатом на роль медиатора между доминионами, поддерживая у них должный уровень информированности о планах и действиях друг друга²²². Макензи Кинг призывал

переключить внимание с потенциальных формальных трудностей на то, что Канада первой из доминионов заключила международный договор, этот прецедент был расценен как позитивный, одобрен и взят за образец участниками имперской конференции. Следовательно, их страна уже имела больший опыт по сравнению с другими автономиями, что открывало дальнейшие перспективы для её успешного развития. В итоге эти доводы позволили уменьшить тревогу консерваторов, поскольку резолюции конференции основывались на практике, пока действительно не давшей негативного результата.

Закрепившись как партия власти, либералы положили начало новому этапу расширения автономии Канады, сочетая опору на успехи Бордена и национал-автономистские идеи. Участие в разработке коллективной внешней политики империи, ещё недавно являвшееся целью консервативного правительства, больше не прельщало Оттаву. Ключевой целью Макензи Кинга и его сторонников к 1923 г. стало правовое закрепление возможности самостоятельных действий в рамках собственной сформировавшейся международной повестки.

Его принципиальность в отношении резолюций имперской конференции о ситуации на Ближнем Востоке встретила непонимание Болдуина и Керзона, что указывало на уже свершившееся коренное расхождение подходов к внешнеполитической концепции доминиона и метрополии. Великобритания продолжала мыслить старыми категориями о реализации международной политики империи и месте автономий в ней, полагая себя в праве говорить от лица всего Содружества и считать Чанакский кризис не более чем досадным казусом. В то же время Канада переориентировалась с борьбы за соответствующее место в имперской внешней политике на формирование зоны ограниченной, но прямой ответственности. Поэтому ее власти крайне остро реагировали на любые действия, которые могли выглядеть как присвоение и использование ее голоса или решений, выгодных метрополии. Достигнутый в результате компромисс во многом основывался на упорстве Макензи Кинга, который не пытался «переиграть» британских политиков, а подчеркнуто дистанцировался от них, подозревая в тайных централизаторских планах.

Изменения конкретных формулировок при составлении резолюций воспринимались британскими политиками скорее как незначительная формальность, компромисс по поводу которой позволил не допустить показательного отмежевания Макензи Кинга от решений имперской конференции 1923 г. Но для канадской делегации приобретение возможности не выражать даже формальное согласие по вопросам, отсутствующим в круге национальных интересов, являлось существенным достижением и шагом по пути к независимости страны.

* * *

После получения Канадой международной правосубъектности благодаря участию в работе Парижской мирной конференции дальнейшее развитие её автономного статуса пошло по гораздо более сложной траектории, чем это предполагалось. И доминион, и метрополия не были готовы к эффективному отстаиванию своих позиций в рамках запланированной конституционной конференции, поэтому канадские власти сконцентрировались на открывшихся возможностях. Они подняли вопрос о пересмотре статуса генерал-губернатора, начали борьбу за собственное дипломатическое представительство в Вашингтоне, а также стремились к самостоятельному позиционированию в Лиге Наций. Рост гражданского самосознания и формирование внешнеполитической повестки при этом шли рука об руку и неуклонно росли, содействуя сближению разнообразных идеологических течений, ведущее место среди которых занимали национал-автономисты. В результате даже премьер-министр Артур Миэн, возглавлявший традиционно проимперски настроенных консерваторов, в ходе дискуссии по поводу пролонгации англо-японского альянса приводил в качестве обоснования своей позиции характерную для риторики националистов идею о необходимости защиты интересов Канады.

Метрополия заняла выжидательную позицию: не выказывая открытого противодействия инициативам Канады, она в то же время уклонялась от

вступления в диалог для нахождения компромисса. Но перемены, происходившие в статусе доминиона, требовали обновления и упорядочивания принципов устройства империи. Попытки инициировать преобразования наталкивались на стремление Великобритании сохранить первенство по отношению к другим частям Содружества. Организованная для решения неотложных вопросов имперская конференция 1921 г. стала полумерой в деле развития англо-канадских отношений. Чтобы заручиться международной поддержкой доминионов, им пообещали расширение влияния на общую внешнюю политику, но без конкретных предложений и пытаясь опираться на предшествовавший опыт. Попытки Миэна отстаивать интересы Канады через существовавшие механизмы привели к продолжительной дискуссии с британскими властями. По окончании имперской конференции 1921 г. стало очевидно, что дипломатическая кооперация с доминионами приобретала все большее значение, хотя её реализация была сопряжена с трудностями. Раз за разом метрополии удавалось найти путь к компромиссу, но у скептически настроенных канадцев начали появляться сомнения в том, допустимо ли целиком полагаться на Лондон в этом вопросе.

Либералы под руководством Уильяма Лайона Макензи Кинга, пришедшие к власти в 1921 г., имели отличный от предшественников взгляд на перспективы развития Канады. По их мнению, внешняя политика была прямым продолжением внутренней, а возможность распоряжаться ей по своему усмотрению – естественным следствием автономии. Это стало причиной наступления кризиса в англо-канадских отношениях: Великобритания игнорировала данную взаимосвязь, с вниманием относясь только к приобретению возможности заручиться международной поддержкой доминионов. Поэтому целью нового премьер-министра стало формирование сферы прямой ответственности Канады во внешней политике.

В ходе Чанакского инцидента метрополия столкнулась с необходимостью обосновать обращение за военно-дипломатической помощью к доминиону, которую ранее неоднократно получала безусловно. Впервые рациональные доводы встали на пути традиционных «имперских уз» и перевесили их.

Следующим важным шагом стало самостоятельное подписание Канадой конвенции об охране промысла палтуса в северной части Тихого океана с США, когда Великобритания оказалась перед выбором: позволить автономии преодолеть новый рубеж самостоятельности или продемонстрировать всему миру разобщенность Британской империи.

В результате этих прецедентов канадские националисты окончательно отошли от идеи «платы» за участие в коллективной внешней политике, которую Борден предлагал «вносить» вперед, а Лорье – постфактум. Макензи Кинг предпочёл вообще отказаться от участия в международных событиях, напрямую не пересекающихся с национальными интересами доминиона, опасаясь повторения тягот Первой мировой войны, социально-экономические последствия которой всё еще давали о себе знать.

К имперской конференции 1923 г. Канада и Великобритания подошли в состоянии взаимного непонимания и опасений. Макензи Кинг ожидал попыток вовлечения в коллективную внешнюю политику, которую считал несостоятельной, и отказа признавать достижения либерального правительства в качестве прецедента. В действительности власти метрополии на тот момент начали осознавать бесперспективность существующей модели имперских отношений для всех их участников и даже были готовы юридически зафиксировать возросшую самостоятельность доминионов, но не представляли, как реализовать это без потери своего собственного престижа.

Непростые переговоры увенчались компромиссом. Канадцы отказались от участия в консультациях по всем общеимперским вопросам, к которому стремились в период руководства Бордена, оценивая степень собственной автономии как достаточную для формирования отдельной повестки. Великобритания пошла навстречу самому активному доминиону, посчитав, что если подтвердить уже фактически достигнутый уровень самостоятельности, то удастся сохранить лояльность автономий и влияние на них. Главным результатом имперской конференции 1923 г. стало признание права доминионов заключать международные договоры, а также участвовать в выработке имперских решений

только по касающимся их вопросам. Таким образом, активизировался постепенный переход от Британской империи к Содружеству, а национал-автономистские тенденции в Канаде укрепились.

Примечания

¹ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 318.

² Dawson R.M. Op. cit. P. 36.

³ Ibid. P. 175

⁴ Stacey C.P. Op. cit. P. 105.

⁵ House of Commons Debates, 13th Parliament, 3rd Session: Vol 1. Ottawa, 1920. P. 22.

⁶ Kendle J. Op. cit. P. 269.

⁷ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 309; Cruikshank D. and Kealey G.S. Strikes in Canada, 1891-1950: I. Analysis // Labour / Le Travail/ Edmonton, 1987, Vol. 20. P. 142.

⁸ Bothwell R., Drummond I., English J. Op. cit. P. 165.

⁹ Brown C. Op. cit. P. 165.

¹⁰ Bercuson D.J. Confrontation at Winnipeg: Labour, Industrial Relations, and the General Strike. Ontario, 1990. P. 118.

¹¹ Данилов С.Ю., Черкасов А.И. Указ. соч. С. 208.

¹² Ibid. 172.

¹³ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 161.

¹⁴ Ibid. P. 40.

¹⁵ Ibid. P. 42.

¹⁶ Cook R., Brown R.C. Op. cit. P. 318.

¹⁷ French-Canadian Nationalism; an Anthology. Ed. by. Cook R. Toronto, 1969. P. 172.

¹⁸ Historical Documents of Canada, Vol. V. P. 510.

¹⁹ Wigley P.G. Op. cit. P. 111 - 112.

²⁰ Documents on Canadian External Relations. Vol. III. 1919 – 1925. Edited by Clark L.C. Ottawa, 1970. P. 383.

²¹ Stacey C.P. Op. cit. P. 325.

²² Documents on Canadian External Relations. Vol. III. P. 395.

²³ Ibid. 407.

²⁴ Ibid. P. 154-155.

²⁵ Ibid. 157.

²⁶ Ibid. P. 2.

²⁷ Ibid. 26

²⁸ Ibid. P. 4.

²⁹ Ibid. P. 7.

³⁰ Ibid. P. 10.

³¹ House of Commons Debates, 13th Parliament, 4th Session: Vol. 3. Ottawa, 1920. P. 2450.

³² Ibid. P. 2451.

³³ Ibid. P. 2448.

³⁴ Bothwell R. Canadian Representation at Washington: A Study in Colonial Responsibility // The Canadian Historical Review. Toronto, 1972, Vol. 53, № 2. P. 142.

³⁵ Ibid. P. 133.

³⁶ Diaries of William Lyon Mackenzie King [URL: <https://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/politics-government/prime-ministers/william-lyon-mackenzie-king/Pages/item.aspx?IdNumber=7367>]

³⁷ Documents on Canadian External Relations. Vol. III. P. 418.

³⁸ Ibid. P. 421.

³⁹ McManus M.K. The End of Imperial Diplomatic Unity, 1919-1928: Anglo-Canadian Relations from the British Perspective. PhD Thesis. London, 1992. P. 58.

⁴⁰ Documents on Canadian External Relations. Vol. III. P. 58.

⁴¹ McManus M.K. Op. cit. P. 61.

⁴² Ibid. P. 117

⁴³ Wigley P.G. Op. cit. P. 121.

- ⁹⁷ Stacey C.P. *Op. cit.* P. 354.
- ⁹⁸ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 152.
- ⁹⁹ Hilliker J. *Canada's Department of External Affairs, Volume 1: The Early Years, 1909-1946.* Montréal, 1990. P. 96.
- ¹⁰⁰ Dawson R.M. *William Lyon Mackenzie King. Vol. 1: 1874-1923.* London, 1958. P. 454.
- ¹⁰¹ Покровская Д.М. К 110-летию основания канадского внешнеполитического ведомства: Канада на пути к независимой внешней политике в период между мировыми войнами // *Американистика на Дальнем Востоке.* Благовещенск, 2019. С. 127.
- ¹⁰² Wigley P.G. *Op. cit.* P. 155.
- ¹⁰³ Лузянин Г.И. *Россия и Канада в 1893 – 1927 гг.* М., 1997. С. 145.
- ¹⁰⁴ *The Genoa Conference for the economic and financial reconstruction of Europe. Report of the Canadian Delegates, Sir Charles Gordon, G.B.E., and Professor Edouard Montpetit, K.C., LL.D., M.R.S.C.* Ottawa, 1922. P. 10.
- ¹⁰⁵ *Ibid.*
- ¹⁰⁶ *House of Commons Debates, 14th Parliament, 1st Session: Vol. 1.* Ottawa, 1922. P. 721.
- ¹⁰⁷ *Documents on Canadian External Relations. Vol. III.* P. 214.
- ¹⁰⁸ Hillmer N.O.D. *Skelton: A Portrait of Canadian Ambition.* Toronto, 2015. P. 76.
- ¹⁰⁹ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 159.
- ¹¹⁰ Tomes J. *Balfour and Foreign Policy: The International Thought of a Conservative Statesman.* Cambridge, 1997. P. 191.
- ¹¹¹ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 160.
- ¹¹² Darwin J.G. *The Chanak Crisis and the British Cabinet // History. The Journal of the Historical Association.* London, 1980. Vol. 65, Issue 213. P. 37.
- ¹¹³ *Ibid.* P. 38.
- ¹¹⁴ *Historical Documents of Canada Vol. V.* P. 419-420.
- ¹¹⁵ Грудзинский, В.В. Указ. соч. С. 281.
- ¹¹⁶ Cavanagh T.K. *Canada and the Chanak Crisis 1922.* M.A. thesis. Ottawa, 1963. P. 38.
- ¹¹⁷ Dawson R.M. *Op. cit.* P. 175.
- ¹¹⁸ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 162.
- ¹¹⁹ *Diaries of William Lyon Mackenzie King* [URL: <https://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/politics-government/prime-ministers/william-lyon-mackenzie-king/Pages/item.aspx?IdNumber=8229&>]
- ¹²⁰ Соков И.А. Канада в системе международных отношений в период либерального правительства М. Кинга // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* Волгоград, 2007, №12. С. 91.
- ¹²¹ Dawson R.M. *Op. cit.* P. 235.
- ¹²² Захарова О.В. *Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921 – 1931 гг.* (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Владимир, 2006. С. 72.
- ¹²³ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 166.
- ¹²⁴ Cavanagh T.K. *Op. cit.* P. 94.
- ¹²⁵ Dawson R.M. *Op. cit.* P. 235.
- ¹²⁶ *Historical Documents of Canada Vol. V.* P. 423.
- ¹²⁷ Dawson R.M. *Op. cit.* P. 234.
- ¹²⁸ *Ibid.* P. 237.
- ¹²⁹ *Ibid.* P. 239.
- ¹³⁰ Cavanagh T.K. *Op. cit.* P. 119.
- ¹³¹ *Ibid.* P. 120.
- ¹³² *Ibid.* P. 121.
- ¹³³ Dawson R.M. *Op. cit.* P. 244.
- ¹³⁴ *House of Commons Debates, 14th Parliament, 2nd Session: Vol. 3.* Ottawa, 1923. P. 2816.
- ¹³⁵ Taylor A.J.P. *English History 1914-1945 (Oxford History of England).* Oxford, 1965. P. 251.
- ¹³⁶ *Documents on Canadian External Relations. Vol. III.* P. 85.
- ¹³⁷ FO 371/7909: minutes of 6 Nov 1922
- ¹³⁸ Stavridis S.T. *Australia and the Lausanne Conference 1922-23.* [URL: https://www.academia.edu/12763267/Australia_and_the_Lausanne_Conference_1922-23]
- ¹³⁹ Wigley P.G. *Op. cit.* P. 170.
- ¹⁴⁰ *Documents on Canadian External Relations. Vol. III.* P. 87.
- ¹⁴¹ *Ibid.*
- ¹⁴² Stacey C.P. *Canada and the Age of Conflict. Vol. 2: 1921-1948, The Mackenzie King Era.* Toronto, 1981. P. 42.
- ¹⁴³ Соков И.А. У.Л.М. Кинг и эволюция канадского либерализма в первой половине XX века. М., 2011. С. 321.
- ¹⁴⁴ Hilliker J. *Op. cit.* P. 95.
- ¹⁴⁵ <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/30-31/3/enacted>
- ¹⁴⁶ Stacey C.P. *Op. cit.* Vol. 2. P. 46.
- ¹⁴⁷ MacFarlane J. *Ernest Lapointe and Quebec's Influence on Canada's Foreign Policy.* Toronto, 1999. P. 52.
- ¹⁴⁸ *Historical Documents of Canada Vol. V.* P. 426.
- ¹⁴⁹ Stacey C.P. *Op. cit.* Vol. 2. P. 48.

-
- ¹⁵⁰ Historical Documents of Canada Vol. V. P. 429.
- ¹⁵¹ Wigley P.G. Op. cit. P. 178.
- ¹⁵² Dawson R.M. Op. cit. P. 69.
- ¹⁵³ Globe, 3 March 1923.
- ¹⁵⁴ Canadian Fisherman. Toronto, 1923, March; Victoria Daily Times. Victoria, 1923, March 3.
- ¹⁵⁵ House of Commons Debates, 14th Parliament, 2nd Session: Vol. 5. Ottawa, 1923. P. 4479.
- ¹⁵⁶ Wigley P.G. Op. cit. P. 179.
- ¹⁵⁷ Report of The International Pacific Halibut Commission Appointed Under the Convention Between Canada and the United States of America for the Preservation of the North Pacific Halibut Fishery. Washington, 1969. P. 26.
- ¹⁵⁸ Dawson R.M. Op. cit. P. 71.
- ¹⁵⁹ Dawson R.M. The Imperial Conference // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne d'Economie et de Science politique. Vancouver, 1937, Vol. 3, No. 1. P. 30.
- ¹⁶⁰ Carland J.M. Shadow and Substance: Mackenzie King's Perceptions of British Intentions at the 1923 Imperial Conference // Studies in British Imperial History. Essays in Honour of A. P. Thornton. Ed. by Martel G. NY, 1986. P. 179.
- ¹⁶¹ Stacey C.P. Mackenzie King and the Atlantic Triangle. Toronto, 1976. P. 15.
- ¹⁶² Diaries of William Lyon Mackenzie King [URL: <https://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/politics-government/prime-ministers/william-lyon-mackenzie-king/Pages/item.aspx?IdNumber=8584&>]
- ¹⁶³ Levine A.G. King: William Lyon Mackenzie King: a Life Guided by the Hand of Destiny. Vancouver, 2011. P. 133.
- ¹⁶⁴ MacLaren R. Commissions High: Canada in London, 1870-1971. Montreal, 2006. P. 248.
- ¹⁶⁵ Hillmer N.O.D. Op. cit. P. 95.
- ¹⁶⁶ Historical Documents of Canada Vol. V. P. 434.
- ¹⁶⁷ Valkoun J. Op. cit. P. 273.
- ¹⁶⁸ Stacey C.P. Op. cit. Toronto, 1976. P. 66.
- ¹⁶⁹ Holland R.F. Britain and the Commonwealth Alliance, 1918 – 1939. London, 1981. P. 8.
- ¹⁷⁰ Wigley P.G. Op. cit. P. 184.
- ¹⁷¹ The Times. London, 1923, May 5. P. 1.
- ¹⁷² Wigley P.G. Whitehall and the 1923 imperial Conference // The Journal of Imperial and Commonwealth History. London, 1973, Vol. 1. P. 228.
- ¹⁷³ Wigley P.G. Op. cit. P. 190.
- ¹⁷⁴ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 108.
- ¹⁷⁵ Valkoun J. Op. cit. P. 271
- ¹⁷⁶ Carland J.M. Op. cit. P. 191.
- ¹⁷⁷ Mackenzie King Diary from Public Archives of Canada. I October 1923. Цит. по Carland J.M. Op. cit.
- ¹⁷⁸ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 110.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Там же. С. 111.
- ¹⁸² Historical Documents of Canada Vol. V. P. 435.
- ¹⁸³ Carland J.M. Op. cit. P. 192.
- ¹⁸⁴ Documents on Canadian External Relations. Vol. III. P. 227.
- ¹⁸⁵ Ibid. P. 236.
- ¹⁸⁶ Ibid. P. 248.
- ¹⁸⁷ Ibid. P. 239.
- ¹⁸⁸ Ibid. P. 241.
- ¹⁸⁹ Ibid. P. 243.
- ¹⁹⁰ Ibid.
- ¹⁹¹ Ibid. P. 244.
- ¹⁹² Ibid. P. 248.
- ¹⁹³ The Times, 6 Oct 1923.
- ¹⁹⁴ CAB 24/162/8. Cabinet: The Discussion on Foreign Relations in the Imperial Conference, 8th October, 1923.
- ¹⁹⁵ Imperial Conference 1923: Summary of Proceedings. Ottawa, 1924. P. 10.
- ¹⁹⁶ Stacey C.P. Op. cit. Vol. 2. P. 59.
- ¹⁹⁷ Valkoun J. Op. cit. P. 277.
- ¹⁹⁸ Нохрин И.М. Прощание с империей: национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга // Pax Britannica: история Британской империи и созданного ею мира. Челябинск, 2016 г. С. 122.
- ¹⁹⁹ Historical Documents of Canada Vol. V. P. 449.
- ²⁰⁰ Ibid. P. 450.
- ²⁰¹ Stacey C.P. Op. cit. Vol. 2. P. 61.
- ²⁰² Historical Documents of Canada Vol. V. P. 449.
- ²⁰³ Ibid. P. 446.
- ²⁰⁴ Carland J.M. Op. cit. P. 195.

-
- ²⁰⁵ King papers, J4/81: 'Mr. King's proposal for reservation by Canada', 7 Nov 1923. [URL: https://heritage.canadiana.ca/view/oocihm.lac_mikan_108980]
- ²⁰⁶ Carland J.M. Op. cit. P. 196.
- ²⁰⁷ Marchioness Curzon, Curzon G.E. Reminiscences. London, 1955. P. 181. Цит. по Wigley P.G. Whitehall and the 1923 imperial Conference
- ²⁰⁸ Imperial Conference 1923 Summary of Proceedings. Ottawa, 1924. P. 12.
- ²⁰⁹ Ibid. P. 13.
- ²¹⁰ Wigley P.G. Op. cit. P. 206.
- ²¹¹ The Imperial Conference // The Round Table. London, 1923, Vol. 13, № 52. P. 687.
- ²¹² The New Imperial Problem // The Round Table. London, 1923, Vol. 13, № 51. P. 479.
- ²¹³ The Imperial Conference // The Round Table. Vol. 14, 1923 – 1924. P. 5.
- ²¹⁴ Afterthoughts on the Imperial Conference // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs. London, 1924, Vol. 14, № 54. P. 229.
- ²¹⁵ The Calgary Daily Herald. Calgary, 1923, November 1; The Ottawa Citizen. Ottawa, 1923, October 15.
- ²¹⁶ Dawson R.M. Op. cit. P. 278.
- ²¹⁷ Ibid. P. 283.
- ²¹⁸ House of Commons Debates, 14th Parliament, 3rd Session: Vol. 1 Ottawa, 1924 P. 550.
- ²¹⁹ Ibid.
- ²²⁰ Ibid. P. 551.
- ²²¹ Ibid.
- ²²² Ibid. P. 552.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доминионы Британской империи формировались путем объединения владений короны, группировавшихся в отдельном регионе и заселённых потомками европейцев, что способствовало предоставлению им ограниченного самоуправления. Первоначально их политическое развитие полностью определялось традициями Соединённого Королевства: из метрополии импортировалась структура органов государственного управления, партийная модель, идеологические течения, способы взаимоотношений власти и общества. Во второй половине XIX в. в Канаде это влияние постепенно начало соседствовать с аутентичными идеями, развитию которых способствовали попытки преодоления сугубо местных трудностей, контакты с США и вынужденный диалог англосаксонского большинства с потомками французских поселенцев, носителей континентальной политико-правовой традиции.

В процессе развития североамериканский доминион столкнулся с проблемами, вызванными природными условиями и низкой плотностью населения. Стратегия их преодоления, основанная на интенсификации экономического взаимодействия провинций и привлечении мигрантов, повлекла за собой новые вызовы, главным из которых стал поиск модели оптимальной ассимиляции переселенцев и создание на её основе единого культурного пространства. Все эти последовательные процессы способствовали становлению первой гражданской нации среди доминионов.

К началу XX в., благодаря эффективному использованию обстановки на мировом рынке, Канада добилась заметных экономических успехов, которые благоприятно сказались на социальной сфере. Пытаясь сохранить взятый темп, политические элиты все чаще ориентировались на собственные интересы доминиона, в результате чего сформированные под их влиянием воззрения начали оказывать серьезную конкуренцию идеологическим веяниям из метрополии. Соперничество либералов и консерваторов благоприятно сказывалось на многообразии политической мысли, так как предлагаемые ими стратегии

дальнейшего развития одновременно конкурировали и дополняли друг друга. В результате канадцы оказались на распутье, активно дискутируя о том, что выгоднее: интенсивнее сотрудничать с Великобританией, назначив ценой помощи право доступа к ранее закрытым сферам, включая международные отношения, или дистанцироваться, учась удовлетворять собственные потребности при минимальном содействии страны-матери? Важно отметить, что и сторонники этих доминирующих подходов, и большинство других идейных течений, видели конечной целью политической эволюции Канады независимость, только «империалисты» – в очень отдаленной перспективе, а «националисты» – в более обозримой. Лондон был в курсе этих настроений, но не учитывал их как фактор долговременного планирования политики, только ситуативно принимая во внимание позицию канадского правительства. В поддержании баланса имперских отношений британские власти делали ставку на надёжность экономических и военно-политических связей, а также крепость неформальных уз.

Катализатором национальных процессов в Канаде стала Первая мировая война, в которую доминион вступил вслед за метрополией без требований с её стороны и обеспечивал значительные объёмы людской и материальной помощи. В свою очередь, Великобритания не намеревалась пересматривать принципы взаимодействия с автономиями, которые не допускались до контроля за использованием предоставленных ресурсов и даже получения актуальной информации о ситуации на фронте. Поэтому, вслед за вспышкой имперского патриотизма, симпатии канадского общества словно маятник качнулись в сторону национализма. То, как упорно Великобритания уклонялась от налаживания двустороннего сотрудничества в процессе решения общих задач заставило приверженцев различных идеологических течений ещё глубже осознать недостатки в устройстве Британской империи.

Среди разочаровавшихся подобным положением дел оказался и премьер-министр Роберт Борден, который накануне войны выступал за пересмотр отношений со страной-матерью на принципах партнерства, предлагая взаимовыгодный бартер: участие в формировании внешнеполитической повестки

империи в обмен на финансовый вклад Канады в коллективную оборону. Но за полтора года с начала военного конфликта политик встретился с настолько очевидным пренебрежением интересами доминионов, что его воззрения начали, при сохранении стремления к сотрудничеству, становиться всё более националистическими.

Если ранее рост недовольства в автономиях мог обернуться для метрополии политическими разногласиями, то в 1916 г. он угрожал повлечь за собой ухудшение ситуации на фронте в случае сокращения помощи доминионов, особенно экономически развитой Канады. Поэтому пришедший к власти Д. Ллойд Джордж попытался преодолеть кризис путём создания Имперского Военного кабинета – нового координационного органа, компенсирующего перерыв в имперских конференциях и позволяющего приобщить доминионы к выработке решений по ведению войны. Борден стремился использовать эту возможность для реализации целей, которые декларировал ещё в предвоенный период. Благодаря его усилиям полная внутренняя самостоятельность доминионов, а также их право влиять на внешнюю политику и международные отношения закреплялись решениями имперской конференции 1917 г. ИВК заложил основы парадоксальной тенденции: стремление консервативных политиков доминиона к партнёрству с метрополией при воплощении угрожало подорвать основы имперской организации.

Однако декларирование новых принципов не сопровождалась налаживанием соответствующих механизмов для их реализации на практике, поэтому привело лишь к кратковременному улучшению ситуации, в дальнейшем провоцируя новые трудности. Например, Великобритания не спешила определить сферы, по которым должны были проводиться регулярные консультации, привлекая к ним автономии по своему усмотрению.

Британские власти не учитывали изменение взглядов канадцев, национальный патриотизм которых окреп благодаря фронтовым успехам соотечественников и осознанию внушительности экономического вклада страны в победу, начав превалировать над приверженностью империи. Разделив триумф с

самыми влиятельными государствами того времени, они ощущали необходимость международного признания своих заслуг и считали обоснованным рост политико-правового статуса родины. Практическим выражением этого являлось самостоятельное представительство на Парижской мирной конференции, а одним из главных мотивов борьбы за него – желание канадского руководства оправдать ожидания своего электората.

Даже при ограниченной поддержке британских властей, для которых приоритетнее оставались добрые отношения с другими великими державами, Борден смог добиться собственного представительства Канады в Париже, последующей самостоятельной ратификации Версальского мирного договора и вступления в Лигу Наций как автономной участницы. Несмотря на то, что данные факты не оказывали существенного влияния на международные отношения, присутствие канадской делегации на конференции знаменовало дальнейшее ослабление имперской структуры, начавшееся в ходе Первой мировой войны, при параллельном росте представлений жителей доминиона о своей национальной общности.

В результате, политические круги автономии успешно опробовали новый путь повышения и фиксации статуса Канады – через признание не метрополией, а другими государствами. Действия премьер-министра, до войны являвшегося приверженцем активной кооперации с метрополией, теперь более адекватно согласовывались с национальными интересами, что отражало произошедшие в общественном сознании перемены.

К 1919 г. назрела необходимость определиться с вектором политической эволюции доминиона в мирное время. От попыток добиться голоса в имперской внешней политике посредством предоставления военно-экономической помощи, канадцы начали склоняться к ведению самостоятельной международной политики в наиболее важных сферах. Во многом эта переориентация обуславливалась подъемом либерально-демократического движения и осознанием собственных приоритетов, которые невозможно было совместить с целями, задаваемыми метрополией в рамках единой имперской внешней политики. Великобритания

пользовалась поддержкой «окрепших» автономий, но стремилась не переводить её на возмездную основу, в том числе в форме консультаций по затрагивавшим их напрямую вопросам.

Осознав, что «стране-матери» выгодно отстаивать существующую систему, канадское правительство сконцентрировалось на укреплении своего международного статуса в глазах других государств. Например, даже не обладая существенным влиянием, она пыталась занять активную позицию в Совете Лиги Наций. Но в этих устремлениях доминион раз за разом встречал на своём пути юридические сложности и ограничения, связанные с ранее установленным порядком согласования коллективной внешней политики. Показателем нараставших затруднений стала попытка создания дипломатического представительства в Вашингтоне, организация которого была анонсирована, но так и не состоялась из-за трудностей в урегулировании принципиальных моментов.

Великобритании возлагала надежды по разрешению очевидных проблем в англо-канадских отношениях на опыт Имперского Военного кабинета и его консультативные возможности, ранее оцененные Борденом как перспективные. Препятствием на пути реализации этих планов стало распространённое среди британского руководства мнение о том, что доминионы даже в ИВК должны присутствовать для одобрения предложенных метрополией решений, а не их обсуждения. Поэтому даже самые крупные прецеденты, связанные с ростом самостоятельности, трактовались как не способные поколебать имперское единство. Например, Лондон попытался игнорировать практику самостоятельного представительства доминионов, заложенную в Париже, когда США не прислали им отдельных приглашений на Вашингтонскую конференцию. Тем не менее, к 1921 г. становилось все затруднительнее действовать в международном правовом поле без одобрения доминионов, пусть и формального, по причине их возросшего экономического значения для империи и усложнившейся мировой обстановки.

Отход от парадигмы имперских отношений, характерной для национал-империалистов, пошёл еще активнее с момента возвращения к власти либералов,

в послевоенный период перешедших от умеренного национализма к «автономистскому». Они были уверены, что при достижении высокой степени автономии доминион должен обрести контроль и над касавшимися его международными отношениями из-за усиливавшейся связи внутренней и внешней политики. Стремление Бордена к активному сотрудничеству с Великобританией расценивалось партией власти как полумера, ставившая национальные интересы канадцев под угрозу. Необходимость полагаться на последовательность метрополии в деле их соблюдения и защиты виделась новому правительству опасной. Макензи Кинг, занявший пост премьер-министра в 1921 г., поставил своей целью достижение автономией самостоятельности в тех аспектах внешней политики, которые имели принципиальную важность для его страны, но не входили в общеимперскую повестку. Учитывая конкурентный характер канадской политической среды и рост демократических тенденций, можно говорить о том, что предложения Макензи Кинга согласовывались с общественными настроениями.

Поворотным моментом в англо-канадских отношениях стал Чанакский кризис, во время которого доминион запросил полную информацию о ситуации, не желая оказывать военную помощь без веских причин. Многолетняя практика, при которой Великобритания полностью рассчитывала на привлечение ресурсов доминиона для решения собственных проблем, была прервана бесконфликтно. Влияние Канады на процесс двустороннего взаимодействия ещё больше усилилось, когда правительству Макензи Кинга удалось найти дипломатический повод, отвечавший ряду специфических условий, и заключить с США конвенцию об охране промысла палтуса в Северной части Тихого океана. Соглашение одновременно продемонстрировало наличие у доминиона экономических интересов, лежавших в сфере международных отношений, и готовность к их успешному самостоятельному разрешению, не затрагивая интересы других автономий.

К имперской конференции 1923 г. коллективная внешняя политика полностью утратила привлекательность в глазах канадских властей. По их

мнению, метрополия рассматривала её в первую очередь как возможность одновременно проводить минимум консультаций и накладывать обязательства несоизмеримые влиянию на итоговые решения, давая доминионам иллюзию контроля над имперской политикой.

Сама Великобритания оказалась в тупике: в попытке разрешить внутренние трудности и вернуть былую мощь, она слишком поздно осознала масштаб проблем в системе Содружества. К этому моменту ведущий доминион сформировал видение дальнейших перспектив собственного развития, расходившееся с планами Лондона, и располагал аргументами в его поддержку. При этом у самой метрополии, продолжавшей говорить о сплочении через укрепление коммуникации, не было принципиально новых идей и предложений. Жаркие дебаты, вспыхнувшие вокруг на первый взгляд незначительного пункта о выработке общей позиции по Ближнему Востоку, демонстрировали окончательное расхождение систем координат, в которых Великобритания и Канада оценивали одни и те же события. Невозможность структурной модернизации, сочетающей одновременно национальные интересы доминионов и лидерство метрополии, привела к неизбежности санкционирования достижений канадских национал-автономистов. В результате решений, принятых на конференции 1923 г. Великобритания окончательно потеряла монополию на ведение внешней политики от имени доминионов, которые отныне могли не поддержать её инициативы и обрели право самостоятельных действий на международной арене, в том числе налагающих правовые обязательства.

Итогом развития политической мысли Канады начала XX в. стала окончательная переориентация на выработку отношений с метрополией в русле национал-автономизма, предполагавшая коллективные действия только в исключительных обстоятельствах, а главное – начало кристаллизации сферы прямой внешнеполитической ответственности доминиона.

Пытаясь, наконец, оценить место Первой мировой войны и её последствий в эволюции политического статуса Канады (первой трети XX вв.) необходимо обратить внимание на выраженную преемственность и непрерывность этого

процесса. Меняясь у власти, консерваторы и либералы взаимно корректировали направление и содержание политики доминиона в имперских отношениях. Пытаясь развивать, согласно собственному кредо, автономный статус Канады, они неизменно опирались на достижения своих предшественников. Уравновешивая таким образом друг друга, Лорье, Борден, Макензи Кинг постепенно вели доминион к тому рубежу политической трансформации, за которым он должен был стать независимым государством. В процессе этого движения периоду 1914-1923 гг. принадлежала решающая роль, когда, получив мощное ускорение, процесс национального самоопределения Канады не только преодолел многие препятствия, на которые в условиях мирного развития потребовались бы долгие годы, но и окончательно принял необратимый характер, что подтвердилось в ходе следующих имперских конференций. В 1926 г. было признано и зафиксировано Декларацией Бальфура равенство статусов автономий и Великобритании в рамках Содружества наций, а также их самостоятельность в вопросах внешней политики. Резолюции конференции 1930 г. легли в основу Вестминстерского статута, согласно которому доминионы получили статус полностью самостоятельных королевств под управлением британского монарха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

1. King Papers (William Lyon Mackenzie King: Primary series correspondence) [URL: https://heritage.canadiana.ca/view/oocihm.lac_mikan_108977].
2. The National Archives, Richmond, England. CAB 2: Committee of Imperial Defence and Standing Defence Sub-committee: Minutes (1902-1939)
3. The National Archives, Richmond, England. CAB 23: First World War conclusions and Imperial War Cabinet Minutes (1916-1919).
4. The National Archives, Richmond, England. CAB 24: Interwar memoranda (1919-1939).
5. The National Archives, Richmond, England. CO 532: Colonial Office: Dominions Original Correspondence (1907-1925).
6. The National Archives, Richmond, England. FO 371/7909: Foreign Office: Political Departments: General Correspondence from 1906-1966. Eastern. Turkey. Code 44 File 27 (papers 12123 - 12289)

Официальные документы и материалы

7. An Act Respecting Immigration. Ottawa, 1910. – 35 p.
8. An act to Confer Certain Powers upon the Governor in Council and to Amend the Immigration Act. Ottawa, 1914. – 4 p.
9. Canada Grain Act with Amendments. Ottawa, 1912. – 2 p.
10. Copy of Report of the Canadian delegate to the Conference on the Limitation of Armaments held at Washington, November 12, 1921, to February 6, 1922, including Treaties and Resolutions. Ottawa: F.A. Acland, 1922. – 222 p.

11. House of Commons Debates, 12th Parliament, 1st Session: Vol. 1. Ottawa, 1912. – 1158 p.
12. House of Commons Debates, 12th Parliament, 2nd Session: Vol. 2. Ottawa, 1912-1913. – 1082 p.
13. House of Commons Debates, 12th Parliament, 4th Session: Vol. 1. Ottawa, 1914. – 111 p.
14. House of Commons Debates, 12th Parliament, 5th Session: Vol. 1. Ottawa, 1915. – 996 p.
15. House of Commons Debates, 12th Parliament, 7th Session: Vol. 1. Ottawa, 1918. – 1204 p.
16. House of Commons Debates, 13th Parliament, 2nd Session: Vol. 3. Ottawa, 1919. – 178 p.
17. House of Commons Debates, 13th Parliament, 3rd Session: Vol 1. Ottawa, 1920. – 460 p.
18. House of Commons Debates, 13th Parliament, 4th Session: Vol. 3. Ottawa, 1920. – 1188 p.
19. House of Commons Debates, 13th Parliament, 5th Session: Vol. 3. Ottawa, 1921. – 1124 p.
20. House of Commons Debates, 14th Parliament, 1st Session: Vol. 1 Ottawa, 1922. – 1194 p.
21. House of Commons Debates, 14th Parliament, 2nd Session: Vol. 5. Ottawa, 1923. – 1028 p.
22. House of Commons Debates, 14th Parliament, 3rd Session: Vol. 1 Ottawa, 1924 – 1034 p.
23. House of Commons Debates, 9th Parliament, 3rd Session, Vol. 3. Ottawa, 1903. – 1504 p.
24. Imperial Conference 1923: Summary of Proceedings. Ottawa, 1924. – 11 p.
25. Regulation 17: Circular of Instruction No. 17 for Ontario Separate Schools for the School Year 1912–1913 [URL: <https://www.uottawa.ca/clmc/regulation-17-circular-instruction-no-17-ontario-separate-schools-school-year-1912-1913>]

26. Report [of] the first meetings of the League in Canada. Montreal, 1885. – 69 p.
27. Report of the Imperial War Conference, 1917 // Parliamentary Papers (Great Britain), Cd. 8566. London, 1917. – 59 p.
28. Report of The International Pacific Halibut Commission Appointed Under the Convention Between Canada and the United States of America for the Preservation of the North Pacific Halibut Fishery. Washington, 1969. – 102 p.
29. Text Of The Naval Service Act As Passed In 1910// Tucker G. N. The Naval Service Of Canada. Ottawa, 1962.
30. The British North America Act, 1867 [URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/30-31/3/enacted>]
31. The Genoa Conference for the economic and financial reconstruction of Europe. Report of the Canadian Delegates, Sir Charles Gordon, G.B.E., and Professor Edouard Montpetit, K.C., LL.D., M.R.S.C. Ottawa, 1922. – 101 p.

Сборники документов

32. Documents on Canadian External Policy. 1917-1939. Ed. by Riddell W.A. Toronto: Oxford University Press, 1962. – 806 p.
33. Documents on Canadian External Relations. Vol. I. 1909-1918. Ottawa, 1967; Vol. II. The Paris Peace Conference Of 1919. Edited by MacKay R.A. Ottawa, 1969; Vol. III. 1919 – 1925. Edited by Clark L.C. Ottawa, 1970.– 921 p., 237 p., 1007 p.
34. Historical Documents of Canada, Volume V: The Arts of War and Peace, 1914-1945. Ed. by Stacey C.P. Toronto: Macmillan Canada, 1972. – 656 p.
35. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919, Volume III. Ed. by Fuller J.V., Dennett T. Washington, 1943. – 562 p.
36. Statutes, treaties and documents of the Canadian Constitution, 1713-1929. Toronto: Oxford University Press, 1930. – 752 p.

Публицистические произведения и речи

37. Arthur Meighen`s Election Manifesto, 4 October 1921 // Gazette, 5 October 1921.
38. Asselin O. A Quebec view of Canadian nationalism. Montreal, 1909. – 61 p.
39. Borden R. Canada and the peace. A speech on the Treaty of peace, delivered in the Canadian House of Commons on Tuesday, September 2, 1919. Ottawa, 1919. – 20 p.
40. Bourassa H. Hier, aujourd`hui, demain. Montreal, 1916. – 202 p.
41. Bourassa H. The Duty of Canada at the Present Hour. Montreal: Le Devoir, 1916. – 43.
42. Bourassa H. Une Page d`Histoire //Le Devoir, 1914.
43. Bourassa, H. Après la Guerre, la Famine//Le Devoir, 1914.
44. Bourassa, H. Conscription. Montreal: Le Devoir, 1917. – 46 p.
45. Bourinot J.G. Canada under British Rule 1760-1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. – 368 p.
46. Bourinot J.G. Our intellectual strength and weakness; a short historical and critical review of literature, art and education in Canada. Montreal^ F. Brown, 1898. – 99 p.
47. Boyd J. The Future of Canada. Canadianism or Imperialism. Montreal, 1919. – 66 p.
48. Canada at War: A Speech Delivered by Rt. Hon. Sir Robert Laird Borden, K.C., P.C., G.C.M.G. in New York City, November 18th, 1916. Canada, 1916. – 20 p.
49. Canada at War: Speeches Delivered by Rt. Hon. Sir Robert Laird Borden in Canada, and the United Kingdom. Canada, 1917. – 28 p.
50. Canada: The Land Of Opportunity. Ottawa, 1900. – 20 p.
51. Curtis L. The Problem of the Commonwealth. London, 1915. – 247 p.
52. Ewart J.S. The kingdom of Canada. Toronto: Morang & Co, 1908. – 385 p.
53. Ewart J.S. The Roots and Causes of the Wars (1914-1918). New York: George H. Doran Co., 1925. – 676 p.

54. Grant G.M. Ocean to ocean: Sandford Fleming's expedition through Canada in 1872: being a diary kept during a journey from the Atlantic to the Pacific with the expedition of the engineer-in-chief of the Canadian Pacific and Intercolonial railways. London: Sampson Low, Marston, Low & Searle, 1873. – 371 p.
55. Keith A. Imperial Unity and the Dominions. Oxford: Clarendon Press, 1916. – 626 p.
56. King George Addresses the Colonies. London, 1914. – 3 p.
57. Milner A. Speeches Delivered in Canada in the autumn of 1908 by Viscount Milner. Toronto: W. Tyrrell, 1909. – 93 p.
58. Parkin G.R. Round the Empire for the Use of Schools. London: Copp, Clark Co, 1892. – 268 p.
59. Parkin, G.R. Imperial Federation: the problem of national unity. London: Macmillan & Co, 1892. – 314 p.
60. The Liberal Platform // Liberal Speaker`s Handbook. Toronto, 1921.
61. Warhaft S. Well May We Say... The Speeches That Made Australia. Melbourne, 2004. – 608 p.

Источники личного происхождения

62. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М.: Издательство иностранной литературы, 1960 г. – 683 с.
63. Borden R. L., Macquarrie H. Robert Laird Borden, Vol I: His Memoirs. Toronto: McGill-Queen's University Press, 1969ю – 268 p.
64. Diaries of William Lyon Mackenzie King [URL: <https://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/politics-government/prime-ministers/william-lyon-mackenzie-king/Pages/item.aspx?IdNumber=7367>]
65. War Memoirs of David Lloyd George 1915-1916 (Vol. II). Boston: Little, Brown, and Company, 1937. – 489 p.

Периодические издания

66. Canadian Fisherman, 1923.
67. Industrial Canada, 1916.
68. La Presse, 1919.
69. Le Devoir, 1911 – 1916.
70. Manitoba Free Press, 1914-1919.
71. Montreal Star. Montreal, 1914.
72. Proceedings of the Royal Colonial Institute. London, 1907.
73. The Calgary Daily Herald, 1923.
74. The Canada Gazette, 1914-1917.
75. The Globe, 1914-1919.
76. The Halifax Herald, 1914-1917.
77. The Manchester Guardian, 1917.
78. The Ottawa Citizen, 1923.
79. The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs, 1922-1924.
80. The Times, 1917, 1920, 1923.
81. Vancouver Sun, 1914-1917.
82. Victoria Daily Times, 1923.

Статистические материалы

83. Canada Year Book: 1916-1917. Ottawa, 1917. – 720 p.
84. Canada Year Book: 1918. Ottawa, 1919. – 686 p.
85. Canada Year Book: 1932. Ottawa, 1933. – 1100 p.
86. Historical Statistics of Canada. Ed. by Urquhart M.C., Buckley K.A.H. Toronto: Macmillan of Canada, 1965. – 672 p.
87. Mackintosh W.A. The Economic Background of Dominion-Provincial Relations. Toronto: McClelland and Stewart, 1967. – 191 p.

88. Statistical materials of the Canadian War Museum [URL: <http://www.warmuseum.ca/>]
89. Statistics Canada: Estimated population of Canada, 1605 to present [URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/98-187-x/4151287-eng.htm>]
90. Statistics Canada: Ridings since 1867 [URL: <http://www.parl.gc.ca/About/Parliament/FederalRidingsHistory/hfer.asp?Language=E&Search=G>]
91. Statistics Canada: Immigration from 1851 to 2001. [URL: <http://www40.statcan.ca/cbin/ze/w40re.cgi/101/cst01/demo03.htm?sdi=immigration>]
92. The Canadian Annual Review of Public Affairs, 1911 [reprint]. London: Forgotten Books, 2018. – 840 p.
93. Voter Turnout Since Confederation [URL: <https://www.elections.ca/content.aspx?section=ele&dir=turn&document=index&lang=e>]

Произведения художественной литературы

94. Макленнан Х. Два одиночества. Ленинград: Художественная литература, 1990 г. – 459 с.
95. Чейз Дж. Х. Генерал умирает в постели (сборник). М.: Эксмо, 1996 – 416 с.
96. Acland P. All Else Is Folly: A Tale of War and Passion. Ontario: Dundurn Press, 2014. – 272 p.
97. Child P. God's Sparrows. Ontario: Dundurn Press, 2017. – 360 p.
98. Findley T. The Wars. Istborn: Penguin Canada, 2001. – 240 p.
99. Hémon L. Maria Chapdelaine. 8e édition. Montréal, 1988. – 218 p.
100. Montgomery L.M. Anne of Green Gables [Reprint of the 1908 Edition]. New York: Penguin Classics, 2014. – 368 p.

Исследования

Монографии и статьи

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001. — 288 с.
2. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997. М.: АСТ, 2011. — 960 с.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. — 320 с.
4. Гойхбарг А.Г. Канада. М.: Госполитиздат, 1942. — 47 с.
5. Грудзинский, В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX веков). Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996. — 312 с.
6. Данилов С.Ю. История Канады. М.: Весь Мир, 2006. — 256 с.
7. Данилов С.Ю., Черкасов А.И. Двенадцать лиц Канады. М.: Мысль, 1987. — 302 с.
8. Жуковская Н.Ю. «Североатлантический треугольник» в Версале: Канада, США и Великобритания на Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2006, № 3 (43).
9. Жуковская Н.Ю. Канада и Международная организация труда: к вопросу об изменении внешнеполитического статуса доминиона в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016, № 11(163).
10. Звавич И.С. Канада. М.: Госполитиздат, 1945. — 298 с.
11. Зимулина Л.А. Канадская общественно-политическая мысль и британская стратегия деволуции в 20-е годы XX века. // Общественная мысль в контексте истории культуры.: сб. научн. ст. - М., Наука, 2004. — 419 с.

12. Канада 1918 – 1945. Исторический очерк. Отв. ред. Поздеева Л.В. М.: Наука, 1976. – 504 с.
13. Коленеко В.А. Восприятие Канады в общественной мысли России при старом порядке 1801-1917 // Размышления о Канаде. Историко-культурный альманах. Выпуск 3. М.: ИВИ РАН, 2007.
14. Коленеко В.А. Католический синдикализм в Канаде: теория и практика (1920– 1960). М.: ИВИ РАН, 2000. – 224 с.
15. Коленеко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем М.: Наука, 2006. – 314 с.
16. Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. СПб.: типография Тренке и Фюсно, 1914. – 452 с.
17. Кукушкин В.Е. Из истории канадской национальной идеи первой трети XX века: Джон Скирвинг Юарт (1849 – 1933) // Вестник ЧелГУ, серия история. 1999, № 1.
18. Кукушкин, В. Е. «Империализм» и «континентализм» в судьбах Канады (конец XIX – начало XX вв.) // Британская история XIX–XX вв.: люди, события, идеи. Челябинск, 1997.
19. Лихарев Д.В., Симоненко Е.С. Вступление Канады в Первую мировую войну // Новая и новейшая история. М., 2014, №6
20. Лузянин Г.И. Россия и Канада в 1893 – 1927 гг. М.: Прометей, 1997. – 262 с.
21. Мижув П.Г. История колониальной политики и колониальной империи Англии. СПб.: Брокгауз и Эфрон, 1909. – 216 с.
22. Мижув П.Г. Крестьянское царство. Очерки развития и современного состояния Канады. СПб.: Г. Ф. Львович, 1906. – 117 с.
23. Милейковский А.Г. Канада и англо-американские противоречия, М.: Госполитиздат, 1958. – 504 с.
24. Нохрин И.М. Жюль-Поль Тардивель и становление идей франко-канадского сепаратизма в последней трети XIX в. // Вестник ЧелГУ. Серия История. Челябинск, 2011, Выпуск 44, № 9.

25. Нохрин И.М. Канада в составе Британской империи в конце XIX – начале XX вв.: дилемма имперского единства и национальной автономии // Восток – Запад в контексте мировой истории: взгляд из Сибири. Материалы всероссийской научной конференции. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2012.
26. Нохрин И.М. Миграция лоялистов как фактор политического развития и межэтнических отношений в Канаде конца XVIII в. // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. Челябинск, 2013, №1.
27. Нохрин И.М. Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания (последняя треть XIX - начало XX вв.). Canada: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2012. – 232 с.
28. Нохрин И.М. Организация «Канада прежде всего» в контексте развития общественно-политической мысли Британской Северной Америки (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистики. Магнитогорск, 2009 г.
29. Нохрин И.М. Прощание с империей: национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга // Pax Britannica: история Британской империи и созданного ею мира. Челябинск, 2016
30. Покровская Д.М. К 110-летию основания канадского внешнеполитического ведомства: Канада на пути к независимой внешней политике в период между мировыми войнами // Американистика на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2019.
31. Симоненко Е.С. Позиция Квебека по проблеме вступления Канады в Первую мировую войну // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2018, №5(194).
32. Соков И.А. Канада в системе международных отношений в период либерального правительства М. Кинга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2007, №12.

33. Соков И.А. Решение «канадского вопроса» в политическом треугольнике (У. Лорье, А. Бурасса, Р. Борден) в начале XX в. // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2016, № 1(27).
34. Соков И.А. У.Л.М. Кинг и эволюция канадского либерализма в первой половине XX века. М.: Издательский центр РИОР, 2011. – 512 с.
35. Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М.: Мысль, 1982. – 268 с.
36. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: Corpus, 2013. – 560 с.
37. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
38. Archer A. Canada. A Short History of the Dominion of Canada. St. John: J. & A. McMillan, 1884. – 195 p.
39. Armstrong E. The Crisis of Quebec, 1914-1918. Ottawa: McGill-Queen's Press, 1974. – 275 p.
40. Auchinleck G. A history of the war between Great Britain and the United States of America, during the years 1812, 1813, and 1814. Toronto: W.C. Chewett & Co., 1862. – 408 p.
41. Avery D. Dangerous foreigners: European Immigrant Workers and Labour Radicalism in Canada, 1896-1932. Oxford: McClelland and Stewart, 1979. – 204 p.
42. Beloff M. Britain's Liberal Empire 1897–1921: Volume 1 of Imperial Sunset. London: Palgrave Macmillan UK, 1987. – 387 p.
43. Bercuson D. Confrontation at Winnipeg: Labour, Industrial Relations, and the General Strike. Ontario: Palgrave Macmillan, 1990. – 240 p.
44. Berger C. The Sense of Power: Studies in the Ideas of Canadian Imperialism, 1867-1914. Toronto: University of Toronto Press, 1970. – 340 p.
45. Biggar E.B. Hydroelectric Development in Ontario: A History of Water Power Administration under the Hydro-Electric Power Commission of Ontario. Toronto, 1920. – 202 p.

46. Birn D.S. *Open Diplomacy at the Washington Conference of 1921-2: The British and French Experience // Comparative Studies in Society and History*. Cambridge, 1970, Vol. 12, No. 3
47. Bliss M. *Right Honourable Men: The Descent of Canadian Politics from MacDonald to Mulroney*. Toronto: HarperCollins Publishers, 1994. – 384 p.
48. Bothwell R. *Canadian Representation at Washington: A Study in Colonial Responsibility // The Canadian Historical Review*. Toronto, 1972, Vol. 53, № 2.
49. Bothwell R., Drummond I., English J. *Canada 1900-1945*. Toronto: University of Toronto Press, 1987. – 427 p.
50. Breadner R.W. *The Canadian Business Profits And Income War Tax Acts: I. The Business Profits War Tax Act // The Bulletin of the National Tax Association*. Washington, 1919, Vol. 4, No. 4.
51. Knowles V. *Strangers at Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–2015*. Toronto: Dundurn, 2007. – 336 p.
52. Brown C. *Robert Laird Borden: A Biography, Vol. 2, 1914–37*. Toronto: MacMillan of Canada, 1980. – 306 p.
53. Buffetaut Y. *1917 Spring Offensives: Arras, Vimy, le Chemin des Dames*. Paris: Histoire and Collections, 1997. – 200 p.
54. Cairns A.C. *The Electoral System and the Party System in Canada, 1921–1965 // Canadian Journal of Political Science*. Ottawa, 1968, Vol. 1, № 1.
55. Calkin J. *A history of the Dominion of Canada*. Halifax: A.& W. Mackinlay, 1898. – 448 p.
56. *Canada and the British Empire*. Ed. by P. Buckner. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 320 p.
57. Careless J.M.S. *Canada: A Story of Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1963. – 492 p.
58. Connor R. *The foreigner: a Tale of Saskatchewan*. New York: Hodder & Stoughton, 1909. – 484 p.
59. Cook G.L. *Sir Robert Borden, Lloyd George and British Military Policy, 1917-1918 // The Historical Journal*. Cambridge, 1971, Vol. 14, No. 2

60. Cook R. *The Maple Leaf Forever: Essays on Nationalism and Politics in Canada*. Toronto: Macmillan of Canada, 1971. – 245 p.
61. Cook R. *Watching Quebec: Selected Essays*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. – 225 p.
62. Cook R., Brown R.C. *Canada: A Nation Transformed 1896-1921*. Toronto: McClelland and Stewart, 1976. – 412 p.
63. Cook T. “Our first duty is to win, at any cost” Sir Robert Borden during the Great War. // *Journal of Military and Strategic Studies*. Calgary, 2011, Vol. 13.
64. Crowley T. *Marriage of Minds: Isabel and Oscar Skelton Reinventing Canada*. Toronto: University of Toronto Press, 2003. – 320 p.
65. Cruikshank D., Kealey G.S. *Strikes in Canada, 1891-1950: I. Analysis // Labour / Le Travail/* Edmonton, 1987, Vol. 20.
66. Dafoe J.W. *Canada and the Peace Conference of 1919 // The Canadian Historical Review*. Toronto, 1943, № 3(24).
67. Dafoe J.W. *Laurier: A Study in Canadian Politics*. Toronto: Thomas Allen, 1922. – 182 p.
68. Darwin J. *The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 800 p.
69. Darwin J.G. *The Chanak Crisis and the British Cabinet // History. The Journal of the Historical Association*. London, 1980. Vol. 65, Issue 213.
70. Dawson R.M. *The development of Dominion status, 1900-1936*. London: Oxford University Press, 1937. – 466 p.
71. Dawson R.M. *The Imperial Conference // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue Canadienne d'Economie et de Science politique*. Vancouver, 1937, Vol. 3, No. 1.
72. Dawson R.M. *William Lyon Mackenzie King. Vol. 1: 1874-1923*. Toronto: University of Toronto Press, 1958. – 544 p.
73. Denison G.T. *Robert Grant Haliburton // The Canadian Magazine of Art, Science and Literature*. Oxford, 1901, Vol. XVII. №2.

74. Drummond A.T. Imperial and Colonial Confederation // Rose-Belford's Canadian Monthly and National Review. Oxford, 1875, Vol. VII.
75. Eayrs J. The Round Table Movement in Canada, 1909–1920 // Canadian Historical Review. Toronto, 1957, Vol. 38.
76. Fitzhardinge L.F. Hughes, Borden, and Dominion Representation at the Paris Peace Conference // The Canadian Historical Review. Toronto, 1968, Vol. XLIX, No. 2.
77. Freeman Neil B. The politics of power: Ontario Hydro and its government, 1906-1995. Toronto: University of Toronto Press, 1996. – 252 p.
78. French-Canadian Nationalism; an Anthology. Ed. by. Cook R. Toronto: Macmillan of Canada, 1969. – 336 p.
79. Fudge J., Tucker E. Labour Before the Law: The Regulation of Workers Collective Action in Canada, 1900-1948. Toronto: University of Toronto Press, 2001. – 398 p.
80. Galbraith Jh.S. The Imperial Conference of 1921 and the Washington Conference // The Canadian Historical Review. Toronto, 1948, Vol. 29, № 2.
81. Galway E. From Nursery Rhymes to Nationhood Children's Literature and the Construction of Canadian Identity. New York: Routledge, 2008. – 196 p.
82. Garneau F.-X. Histoire du Canada depuis sa découverte jusqu'à nos jours. Montréal: BQ, 1996. – 254 p.
83. Gilleland J. C. History of the late war, between the United States and Great Britain. Baltimore: Schaeffer & Maund, 1818. – 151 p.
84. Glazebrook G. P. de T. Canada at the Paris Peace Conference. London: Oxford University Press, 1942. – 156 p.
85. Goutor D. Guarding the Gates: The Canadian Labour Movement and Immigration, 1872-1934. Vancouver: University of British Columbia Press, 2007. – 264 p.
86. Granatstein J.L. Canada's Army: Waging War and Keeping the Peace. Toronto: University of Toronto Press, 2004. – 506 p.

87. Hilliker J. Canada's Department of External Affairs, Volume 1: The Early Years, 1909-1946. Montréal: McGill-Queen's University Press, 1990. – 440 p.
88. Hillmer N.O.D. Skelton: A Portrait of Canadian Ambition. Toronto: University of Toronto Press, 2015. – 452 p.
89. Holland R.F. Britain and the Commonwealth Alliance, 1918 – 1939. London: Palgrave Macmillan UK, 1981. – 248 p.
90. Humphries C.W. Canada, 1896–1921: A Nation Transformed by Robert Craig Brown, Ramsay Cook (review) // The Canadian Historical Review. Toronto, 1976, Vol. 57, № 2.
91. Johnson R. A history of the War of 1812-15; between the United States and Great Britain. New York: Dodd, Mead and Company Publishers, 1882. – 346 p.
92. Kendle J. The Round Table Movement and Imperial Union. Toronto: University of Toronto Press, 1975. – 332 p.
93. Klein I. Whitehall, Washington, and the Anglo-Japanese Alliance, 1919–1921 // Pacific Historical Review. Berkeley, 1972, Vol. 41, No. 4.
94. Kordan B.S. “They Will Be Dangerous”: Security and the Control of Enemy Aliens in Canada, 1914 // Canadian State Trials, Volume IV: Security, Dissent and the Limits of Toleration in War and Peace, 1914 – 1939. Ed. by Wright B., Tucker E., Binnie S. USA, 2015.
95. Kukushin V. From peasants to labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. Kingston: Montreal & Kingston McGill-Queens University Press, 2007. – 304 p.
96. Laing L. H. The Struggle for the Recognition of Dominion Autonomy // The American Journal of International Law. Washington, 1939, Vol. 33, No. 4.
- Nicolson H. Peacemaking 1919. 3rd edition. London: Methuen and Co. Ltd., 1964. – 334 p.
97. Laut A.C. Canada, the Empire of the north, being the romantic story of the new dominion's growth from colony to kingdom. Toronto, 1909. – 490 p.
98. Leacock S. Economic Prosperity in the British Empire. Toronto: Macmillan, 1930. – 165 p.

99. Leacock S. Elements of Political Science. Boston: Houghton, Mifflin & Company, 1906. – 417 p.
100. Leonard F. A Thousand Blunders: The Grand Trunk Pacific Railway and Northern British Columbia. Vancouver: University of British Columbia Press, 1996. – 344 p.
101. Levine A.G. King: William Lyon Mackenzie King: a Life Guided by the Hand of Destiny. Vancouver: Douglas McIntyre, 2011. – 552 p.
102. Lew B., McInnis M. Guns and Butter: World War I and the Canadian Economy. P. 16. [URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1072.2930&rep=rep1&type=pdf>]
103. Lower A.R.M. Colony to Nation: A History of Canada. Toronto: Longmans, Green & Company, 1946. – 600 p.
104. MacFarlane J. Ernest Lapointe and Quebec's Influence on Canada's Foreign Policy. Toronto: University of Toronto Press, 1999. – 288 p.
105. MacGibbon D.A. The Canadian Grain Trade, 1931-1951. Toronto: University of Toronto Press, 1952. – 227 p.
106. MacKenzie D., Dutil P. Canada 1911: The Decisive Election that Shaped the Country. London: Dundurn, 2001. – 378 p.
107. MacLaren R. Commissions High: Canada in London, 1870-1971. Toronto: McGill-Queen's University Press, 2006. – 584 p.
108. MacMillan M. Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and Its Attempt to End War. London: John Murray Publishers, 2001. – 547 p.
109. Macquarrie H. Robert Borden and the Election of 1911 // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne d'Economie et de Science politique. Toronto, 1959, Vol. 25, №3.
110. Matsunuma M. La Conférence de la Paix de Paris vue du Québec : les journaux montréalais et la naissance de la Société des Nations (1918-1919) // Etudes Canadiennes. Guyancourt, 2016, №80.

111. Media, Memory, and the First World War. McGill-Queen's Studies in the History of Ideas. Ed. by Cercone P.J. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009. – 336 p.
112. Monro A. New Brunswick, with a brief outline of Nova Scotia and Prince Edward Island. Halifax: Printed by R. Nugent, 1855. – 384 p.
113. Morchain J.K. Search for a nation: French-English relations in Canada since 1759. London: Fitzhenry & Whiteside, 1967. – 198 p.
114. Morris J. Pax Britannica: The Climax of an Empire. USA: Faber, 1968. – 544 p.
115. Morton D. A Short History of Canada. 6th edition. Toronto: McClelland & Stewart, 2006. – 416 p.
116. Neatby H.B. Canada and the Age of Conflict: a History of Canadian External Policies. II: 1921–1948: the Mackenzie King Era by C.P. Stacey (review) // The Canadian Historical Review. Toronto, 1981, Vol. 62, №4.
117. Neufeld E. P. Money and Banking in Canada. Toronto: McClelland and Stewart Ltd, 1967. – 369 p.
118. Ninette K., Trebilcock M.J. The Making of the Mosaic: A History of Canadian Immigration Policy. Toronto: University of Toronto Press, 2010. – 672 p.
119. Pelletier-Baillargeon H. Olivar Asselin et son temps: Tome 1, Le militant. Saint-Laurent: Fides, 1996. – 780 p.
120. Pocock J.G.A. Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 290 p.
121. Pocock J.G.A. The History of Political Thought: A Methodological Inquiry // Philosophy, Politics and Society. 2nd series / Ed. by Laslett P. and Runciman W.G. Oxford, 1962.
122. Porritt E. Sixty Years of Protection in Canada. 1846-1912. Winnipeg: Grain Growers' Guide, 1913. – 479 p.
123. Provencher J. Québec sous la loi des mesures de guerre 1918. Montréal, 2014.
124. Read H.E. Canada as a Treaty Maker // The Canadian Bar Review. Ottawa 1927, Vol. 5.

125. Reynolds L.G. *The British Immigrant: His Social and Economic Adjustment in Canada*. Toronto: Oxford University Press, 1935. – 364 p.
126. Skelton O.D. *Canada's Rejection of Reciprocity* // *The Journal of Political Economy*. Chicago, 1911, №9.
127. Skelton O.D. *Life and Letters of Sir Wilfrid Laurier*. Vol. 2. Toronto: Oxford University Press, 1921. – 576 p.
128. Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas* // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. № 1.
129. Skinner Q. *Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action*. // *Political Theory*. 1974. Vol. 2. № 3.
130. Smith, G. *Political Destiny of Canada*. Toronto: Willing & Williamson, 1878. – 197 p.
131. Stacey C.P. *Canada and the Age of Conflict: a History of Canadian External Policies*. Vol. II, 1921 - 1948: the Mackenzie King Era. Toronto: University of Toronto Press, 1981. – 420 p.
132. Stacey C.P. *Canada and the Age of Conflict: A History of Canadian External Policies*. Vol. I, 1867-1921. Toronto: MacMillan, 1977. – 410 p.
133. Stacey C.P. *Mackenzie King and the Atlantic Triangle*. Toronto: Macmillan of Canada, 1976. – 74 p.
134. Stavridis S.T. *Australia and the Lausanne Conference 1922-23*. [URL: https://www.academia.edu/12763267/Australia_and_the_Lausanne_Conference_1922-23]
135. *Studies In British Imperial History: Essays in Honour of A. P. Thornton*. Ed. by Gordon Martel. London: Palgrave Macmillan, 1986. – 243 p.
136. Taylor A.J.P. *English History 1914-1945 (Oxford History of England)*. Oxford: Oxford University Press, 1978. – 737 p.
137. Tennyson B.D. *Canada's Great War, 1914-1918: How Canada Helped Save the British Empire and Became a North American Nation*. Toronto: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. – 260 p.

138. Thompson G. Reframing Canada's Great War: Liberalism, sovereignty, and the British Empire c. 1860s–1919 // *Canada's Journal of Global Policy Analysis*. USA, 2018, Vol. 73.
139. Tomes J. Balfour and Foreign Policy: The International Thought of a Conservative Statesman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 336 p.
140. Tuttle Ch R. Short history of the Dominion of Canada, from 1500 to 1878. Boston: Lee and Shepherd, 1878. – 666 p.
141. Underhill F.H. In Search of Canadian Liberalism. Toronto: Oxford University Press, 1960. – 304 p.
142. Valkoun J. Dominions, Great Britain and Questions Related to Imperial Foreign Policy Implementation and Direction in the 1920s and at the Beginning of the 1930s // *West Bohemian Historical Review*. Pilsen, 2016, Vol. VI, №2
143. Valkoun J. Great Britain, the Dominions and Their Position on Japan in the 1920s and Early 1930s // *Prague Papers on the History of International Relations*. Prague, 2017, №2.
144. Vimy Ridge: A Canadian Reassessment. Ed. by Hayes G., Iarocci A., Bechthold M. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2007. – 368 p.
145. Wigley P. Whitehall and the 1923 Imperial Conference // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. London, 1972–1973, Vol. 1.
146. Wigley P.G. Canada and the Transition to Commonwealth. *British-Canadian Relations 1917-1926*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 308 p.
147. Wilson B.M. The Road to the Cobourg Court Room: New Material from the Archives of the Canadian War Museum on the Sir Arthur Currie-Sir Sam Hughes Dispute, 1918-1919 // *Canadian Military History*. Waterloo, 2012, Vol. 10, Issue 3
148. Winks R. W. Canadian-West Indian union: a forty-year minuet. London, 1968.
149. Wrong G.M. Canada and The Imperial War Cabinet // *The Canadian Historical Review*. Toronto, 1920, Vol. 1.
150. Zuehlke M. Brave Battalion: The Remarkable Saga of the 16th Battalion (Canadian Scottish) in the First World War. Ontario: Wiley, 2008. – 272 p.

Учебные пособия

151. Акимов Ю.Г. Внешняя политика и дипломатия Канады. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. – 44 с.
152. Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М.: Высшая школа, 1985. – 304 с.
153. New W.H. A History of Canadian Literature. Montreal: McGill-Queen's Press, 2003. – 464 p.

Авторефераты и диссертации

154. Алферова Е.С. От федерализма к деволюции: трансформация Британской империи (1884 – 1921 гг.) (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Владимир, 2007.
155. Жуковская Н.Ю. Канада в системе международных отношений 1914 – 1919 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Тамбов, 2006.
156. Захарова О.В. Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921 – 1931 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Владимир, 2006.
157. Зимулина Л.А. Становление государственного суверенитета британских доминионов (1914-1931) (диссертация на соискание ученой степени д.и.н.). М., 1995.
158. Иванов А.Г. Исторический опыт Канады глазами П.А. Кропоткина (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Челябинск, 2005.
159. Кукушкин В.Е. Канада и эволюция имперских отношений в конце XIX – начале XX в. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Пермь, 1994.
160. Максименко С.И. Институты власти Великобритании и расторжение англо-японского союза, 1919 – 1922 гг. (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Уссурийск, 2003.

161. Сердюк А.В. Канадо-английские отношения, 1918-1931 (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). М., 1988.
162. Courtois C.-P. Trois mouvements intellectuels québécois et leurs relations françaises: l'Action française, La Relève et La Nation (1917-1939) (Thèse de doctorat, Histoire, IEP-Paris et UQAM). Paris, 2008. – 633 p.
163. Inglis D. Vimy Ridge: 1917-1992. A Canadian Myth Over Seventy Five Years. (A thesis presented to the Simon Fraser University in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History). Vancouver, 1995. – 153 p.
164. Keelan G. Bourassa's War: Henri Bourassa and the First World War (A thesis presented to the University of Waterloo in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Doctor of Philosophy in History). Waterloo, 2015. - 339 p.
165. McManus M.K. The End of Imperial Diplomatic Unity, 1919-1928: Anglo-Canadian Relations from the British Perspective (A thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of London). London, 1992. – 376.
166. Prince R.S. The Mythology of War: How the Canadian Daily Newspaper Depicted the Great War (A thesis presented to the University of Toronto in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Doctor of Philosophy in History). Toronto, 1998. – 601 p.
167. Sauntry V. Canadian Newspapers and the Paris Peace Conference of 1919: A Study of English-Language Media Opinion (A thesis presented to the University of Waterloo in fulfillment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History). Waterloo, 2008. – 106 p.

Справочные издания

168. Archives Canada [URL: <https://archivescanada.accesstomemory.ca/>]
169. The 20th Century Go-N: Dictionary of World Biography, Volume 8. Ed by. Magill F.N. London: Routledge, 1999. – 1046 p.
170. The Canadian Encyclopedia [URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/>]